

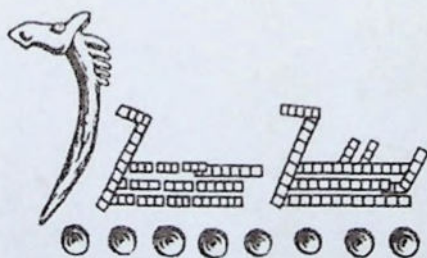
**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

**Тезисы докладов международной конференции,
посвященной памяти д.и.н. Н.Н.Гуриной**

Chronology of the Neolithic period in Eastern Europe

**Abstracts of the reports of the International Conference
dedicated to the memory of Prof.N.N.Gurina**

**Санкт-Петербург
27 ноября-2 декабря 2000 г.**

**Санкт-Петербург
2000**

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Международная конференция:
«Хронология неолита Восточной Европы»,
посвященная памяти д.и.н. Н.Н.Гуриной.

Chronology of the Neolithic period in Eastern Europe
dedicated to the memory of Prof.N.N.Gurina

ОРГКОМИТЕТ:

Председатель:

Чл-корр РАН, директор ИИМК РАН, Е.Н.Носов

Заместитель председателя:

К.и.н., зав. отделом палеолита ИИМК РАН, В.И. Тимофеев

Секретари:

Д.Герасимов, А.Мурашкин

Члены Оргкомитета:

К.и.н. И.В.Верещагина, к.х.н. Г.И.Зайцева, Т.Н.Мельник, к.и.н. Т.А. Попова,
к.и.н. Г.В. Сеницына, к.и.н. В.Я.Шумкин

Конференция проводится при поддержке Российского Гуманитарного Научного
Фонда, грант № 00-01-1418г.

Отв. редактор сборника В.И.Тимофеев

Зам. редактора Г.И.Зайцева

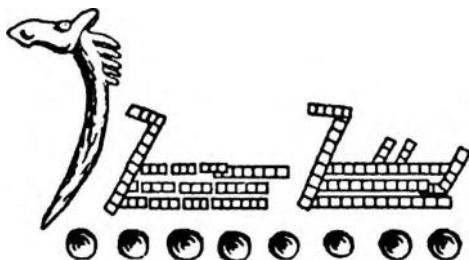
**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

**Тезисы докладов международной конференции,
посвященной памяти д.и.н. Н.Н.Гуриной**

Chronology of the Neolithic period in Eastern Europe

**Abstracts of the reports of the International Conference
dedicated to the memory of Prof.N.N.Gurina**

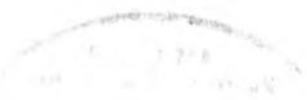

**Санкт-Петербург
27 ноября-2 декабря 2000 г.**

**Санкт-Петербург
2000**

Н.Н. Гурина
1909 – 1990

ОТ РЕДАКЦИИ

Международная конференция "Хронология неолита Восточной Европы" направлена на обсуждение высоко актуальной для археологии позднего каменного века проблемы. Последнее представительное совещание по данной тематике было проведено в 1977 г. в Ленинграде по инициативе выдающегося исследователя неолитических древностей России Нины Николаевны Гуриной (1909-1990). Светлой памяти этого крупнейшего ученого и организатора науки и посвящена данная конференция.

Итоги совещания 1977 г. были подведены в сборнике КСИА АН СССР, вып. 153, М., 1978 и позволили впервые представить в динамике на обширной территории бывшего СССР широкую картину процессов, имевших место в неолитическую эпоху. За прошедшие более чем 20 лет накоплены новые значительные материалы, в частности по абсолютной хронологии, существенно изменились представления о датировке начала неолита в различных климатических зонах Восточной Европы. Доклады, тезисы которых помещены в данный сборник, рассматривают широкий спектр вопросов, связанных с хронологией неолита: возраст начала неолита и рубежи неолитизации ряда территорий, региональные колонки периодизаций и хронологию неолитических культур, групп памятников и эталонных комплексов. Специально рассматриваются некоторые методические проблемы абсолютной хронологии.

Необходимо принять во внимание, что калиброванные радиоуглеродные данные пока недостаточно широко вошли в практику хронологических исследований. Во многих статьях настоящего сборника хронологические схемы построены на основании некалиброванных радиоуглеродных дат.

Проводимая конференция должна способствовать обмену научной информацией и, в конечном итоге, уточнению хронологического положения ярких культур неолита Восточной Европы в системе европейского неолита и их соотношения с культурами смежных регионов.

Настоящая публикация представляет тезисы основных докладов конференции, в которой наряду с российскими учеными приняли участие исследователи ряда европейских стран. Надеемся, что выход в свет этого издания будет способствовать дальнейшему развитию международного сотрудничества в области археологии неолита.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ СКОРЧЕННОЙ ПОЗЫ УМЕРШИХ В ПОГРЕБЕНИЯХ КАМЕННОГО ВЕКА

Пытаясь объяснить происхождение скорченной позы умерших в древних захоронениях, исследователи предлагали различные трактовки этой специфической черты погребального обряда. Имеющиеся в литературе точки зрения по данной проблеме были высказаны еще в конце XIX и начале XX веков. Их можно разделить на две группы. Первая из них включает те гипотезы, в соответствии с которыми скорченное положение трупа символизирует ту или иную позу, характерную для живого человека: 1) положение плода в материнской утробе; 2) поза спящего человека; 3) позиция человека, отдыхающего «сидя на корточках»; 4) положение молящегося человека; 5) поза, которую вольно или невольно перед смертью принимали старики или люди, погибавшие от переохлаждения или голода. Ко второй группе относятся гипотезы, объясняющие происхождение скорченной позы погребенных особым отношением живых к усопшим: 6) проявление заботы об умерших (труп хоронили в скорченном положении на боку, чтобы при засыпке могилы землей она не попала на лицо покойника; 7) проявление страха перед мертвецами (усопшего связывали, чтобы он не навредил живым); 8) экономия места или желая быстрее избавиться от мертвого тела, люди наспех рыли небольшую могилу, в которую труп можно было поместить только в скорченном положении.

Все эти гипотезы были сформулированы еще до обнаружения мустьерских захоронений. Однако после открытий в Ля Шапелль-о-Сен и Ле Мустье было установлено, что умерших хоронили в скорченном положении уже в эпоху среднего палеолита. Полученные к настоящему времени данные о мустьерских похоронных обрядах позволяют отвергнуть четыре из восьми имеющихся гипотез, поскольку они не соответствуют археологическим фактам. Ни в одном из мустьерских захоронений не выявлена позиция отдыхающего человека «сидя на корточках» (гипотеза № 3). Эта позиция чрезвычайно редка даже для мезолитических и неолитических погребений. В среднем палеолите скорченное положение умерших зафиксировано не только для взрослых, но и для детей (Шанидар, Киик-Коба), что опровергает гипотезу № 5. Иногда люди мустьерского времени хоронили покойников в скорченном положении на спине (Ля Шапелль-о-Сен, Кафзех, Схул), что позволяет отбросить гипотезу № 6. Посмертные манипуляции с телами (расчленение, снятие мягких тканей с костей, извлечение черепа из могилы), столь распространенные в эпоху среднего палеолита (Крапина, Монте Чирчео, Тешик-Таш, Кебара), а также обычай хоронить на стоянках, свидетельствуют о том, что мустьерские охотники не испытывали страха перед умершими. Таким образом и гипотеза № 7 не находит подтверждения в археологических материалах.

Следует также отказаться от гипотезы № 4. Предположение о том, что скорченное положение умершего символизирует молитвенную позу, в которой он ожидает предстоящее возрождение, не может найти доказательств в погребальных комплексах среднего палеолита. Отсутствие сопроводительного инвентаря в могилах скорее указывает на то, что в эпоху мустье еще не сложились представления о потустороннем мире.

В среднем палеолите устойчиво повторяющиеся посмертные позы являются единственным свидетельством того, что погребальный обряд уже сформировался. Следует также подчеркнуть, что для этого времени характерно сосуществование

различных ритуальных поз умерших. Зафиксировано скорченное положение на боку (Ля Ферраси, Киик-Коба, Схул, Кафзех, Амуд, Шанидар), скорченная позиция на спине (Ля Шапелль-о-Сен, Ля Ферраси, Схул, Кафзех) и вытянутое положение на спине (Шанидар, Кебара). Эти факты позволяют усомниться в справедливости любой из трех оставшихся гипотез (№ 1, 2, 8). В самом деле, почему в одних случаях человека хоронили в позе «спящего» или в позе «эмбриона», а в других этого обычая не придерживались? Почему сородичи иногда спешили отделаться от покойника, втискивая его в могилу явно недостаточных размеров, а иногда предпочитали хоронить усопшего в вытянутом положении?

Поза, в которой покойника укладывали в могилу, зависела, прежде всего, от размеров погребальной структуры. В эпоху мустье детей хоронили в неглубоких хозяйственных или мусорных ямах (Ля Ферраси, Ле Мустье), которые могли быть как естественного, так и искусственного происхождения. Останки взрослых людей обнаружены либо в скальных нишах и трещинах (Кафзех, Шанидар), либо в могильных ямах (Ля Шапелль-о-Сен, Кафзех). В тех случаях, когда это можно установить, вырытые могилы имели небольшие размеры (Кафзех: 1,0 x 0,5-0,6 x 0,25 м; Ля Шапелль-о-Сен: 1,45 x 1,0-0,8 x 0,3 м). Очевидно, из-за несовершенства землекопных орудий и твердости пещерных отложений мустьерские охотники были не в состоянии выкапывать глубокие и длинные могилы. По этой причине захоронения в позиции «сидя» вообще не известны в эпоху среднего палеолита, а погребения в вытянутом положении на спине встречаются крайне редко. Поместить покойника в узкую нишу или неглубокую яму возможно лишь, согнув его конечности, а для этого труп перед похоронами необходимо было связать и затем уложить в могилу на бок или на спину. Яму, соответствующую росту умершего, можно было легко выкопать только в толще мягких зольных прослоек. Именно в таких напластованиях и обнаружено погребение в Кебаре, где в вытянутом положении на спине был похоронен мужчина.

Количество захоронений, в которых умершие лежат в вытянутом положении на спине, значительно увеличивается только в верхнем палеолите. Однако эта поза преобладает лишь в погребениях Южной Европы (Италия). В Восточной Европе (Чехия и Россия) встречаются обе позиции, а на Ближнем Востоке доминирует скорченное положение. Столь резкая поляризация различных культурных ареалов по способу размещения трупа в могиле не случайна. По времени она совпадает с появлением в погребениях сопроводительного инвентаря и начавшимся использованием красной краски в похоронных ритуалах. И инвентарь, и употребление красной краски указывают на то, что в верхнем палеолите происходят существенные изменения во взглядах людей на природу смерти. Именно тогда впервые формируются представления о посмертной судьбе человека и о его жизни в потустороннем мире. В этой связи можно предположить, что выбор посмертной позы теперь определяется соответствующими верованиями, например, о том, каким путем (сухопутным или водным) покойник уходит в страну мертвых.

В эпоху мезолита и неолита вытянутая поза умерших доминирует в приморских регионах Европы (атлантическое побережье Португалии и Франции, Аппенинский полуостров, Скандинавия, Прибалтика, север европейской части России). В континентальных регионах Юго-Западной Азии и Европы наоборот преобладает скорченная поза. Граница между этими зонами была стерта в результате постепенного распространения в Европе (неолит/энеолит) земледельческо-скотоводческого культурного комплекса, который складывался под сильным влиянием неолитических культур Ближнего Востока, где издавна господствовала скорченная поза умерших. Таким образом, смена вытянутой позиции на скорчен-

ную в приморских регионах Европы стоит в прямой связи с распространением в них экономики производящего типа.

Л.С. Андрианова (Вологда, Россия)

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ БАССЕЙНА РЕКИ КУБЕНЫ

Восточная граница ареала распространения каргопольской культуры примыкает к обширной территории плоских и полого-холмистых равнин, сложенных моренными суглинками или песчаными и супесчаными озерно-ледниковыми отложениями. Здесь, к северу от Сухонской низины, находится регион с густо развитой сетью рек и балок, хорошо разработанными речными долинами, проточными, остаточными озерами и, при этом, с почти полным отсутствием стоянок эпохи неолита. Трудно предположить, чтобы такие крупные реки, как Вага, Кулой, Кокшеньга не были заселены в неолитическую эпоху, но тем не менее от озерного края вплоть до Северной Двины неолитические стоянки обнаружены лишь на реке Кубене: несколько местонахождений с единичными фрагментами ямочно-гребенчатой керамики и многослойное поселение Боровиково, где в ходе раскопок выявлен неолитический комплекс, благодаря которому можно предваритель-но судить о неолитическом населении данного региона.

Поселение располагается на правом берегу р. Кубены в 200м от одноименной деревни, напротив устья небольшой речки Чивицы. В течение трех полевых сезонов на поселении раскопками исследована площадь 156 м². Памятник содержит комплексы различных периодов;

Стратиграфически комплексу неолитических материалов соответствует темно-коричневый суглинок, залегающий на глубине 0,6-0,8м от поверхности. Ямочно-гребенчатая керамика, обнаруженная на раскопе, представлена многочисленными мелкими фрагментами и несколькими, компактно залежавшими, развалами сосудов. На основании реконструкции последних можно судить о размерах и формах сосудов: большинство из них имеют средние размеры, они были круглодонными сферической или слегка прикрытой формы, толщина стенок варьирует от 0,5 до 0,9 см. Из общего числа выделяется миниатюрная тонкостенная мисочка, орнаментированная гребенчатым штампом. Глиняное тесто, употреблявшееся для формовки сосудов, содержит большое количество несортированной дресвы, иногда крупную каменную крошку. Все фрагменты хрупкие, обжиг керамики слабый. Для нанесения горизонтально-зонального орнамента использовались, гладкие и гребенчатые штампы в сочетании с рядами ямок (белемнитный штамп). Бордюрную зону сосудов нередко украшали вертикальными рядами оттисков костного или короткого гребенчатого штампов, а при оформлении венчиков последнюю ленту теста загибали внутрь и уплотняли теми же штампами. Зоны оттисков гребенчатого штампа разделяются рядами ямок, чаще всего однорядными. Гребенчатые отпечатки при этом располагаются очень плотными рядами в 2-3 яруса. Керамику сопровождает многочисленный и разнообразный каменный инвентарь, преимущественно кремневый. Наконечники стрел представлены значительной серией: двусторонне обработанные листовидные, а, также, наконечники с прямым основанием или намеченным черешком; мелкие наконечники, ретушированные только по контуру; интересен наконечник из крупной изогнутой пластины, с тщательно ретушированной спинкой, в то время как на брюшке плоская ретушь оформляет лишь жальце и основание.

С керамическим комплексом соотносятся несколько симметричных и скошенных острий, изготовленных из правильных пластин. Необходимо отметить боль-

шое количество правильных ножевидных пластин, использовавшихся без ретушной подработки. В сочетании с продуктами расщепления: сколами подправки ударных площадок и нуклеусами они дают возможность утверждать о развитой отжимной технике производства ножевидных пластин на стоянке, вероятно, унаследованной от мезолитической эпохи. Самыми многочисленными каменными изделиями являются скребки. Основная их масса сделана из отщепов разнообразных форм и пропорция: округлые, ретушированные на три четверти периметра, смежные угловые, боковые. Среди скребков резко выделяется серия из семи экземпляров с полностью ретушированной спинкой и подтеской со стороны брюшка. Единичными экземплярами представлены кремневое тесло, резцы на правильных пластинках, а также высокая трапеция, изготовленная из отщепа и обработанная крутой ретушью по краям.

При сопоставлении керамических комплексов и кремневого инвентаря поселения Боровиково с материалами неолитических стоянок соседних территорий наиболее близкие аналоги могут быть указаны на стоянке Векса 3 (7слой), на реке Вологде, где получена радиоуглеродная дата 5650 ± 150 BP (ГИН-10182). Следует также отметить, что некоторые элементы орнамента (пояски зигзага, соединяющие соседние ряды ямок, наклонные полосы отступающего гребенчатого штампа, разреженные ординарные ряды ямок) сближают боровиковскую керамику с раннеляловской.

I Antanaitis, A.Girininkas (Vilnius, Lithuania)

NEOLITHIC CHRONOLOGY AND PERIODIZATION IN LITHUANIA

Accurate chronological data and a consensus of period classification is a requisite for not only a proper evaluation of the sequential development of certain processes throughout prehistory, but also for the comparison of that evolutionary sequence with those of other regions and cultures. New chronological data now had in Lithuania necessitates an adjustment of its presently published Neolithic periodization scheme. We first outline this chronological data in light of the traditional East Baltic subperiod criteria, and then suggest a second periodization scheme based on the traditional "neolithization" criteria of the West, a criteria which, to our mind, should be collectively considered.

Traditionally in the East Baltic, of course, the Neolithic begins with the appearance of ceramics. The earliest known ceramic site in Lithuania for a long time was Žematiškė 3B (Švenčionys region) with a date of 5510 ± 60 BP (Bln-2594). New chronological data is now had from southern Lithuania's Katra 1 site; charcoal from a hearth in very close association with pottery of the earliest stage of the Nemunas culture dates to 6550 ± 70 BP (Ki-7642). This date is very similar to the earliest Early Neolithic date thus far in Latvia's Lubana lowland at the Zvidze site: 6535 ± 60 BP (TA-862). At the adjacent Katra 2 site, pottery is associated with the date 6080 ± 70 BP (Ki-7645). The ceramic Early Neolithic in the southern Pskov region also begins in the second half of the 7th mil. BP, with the earliest date at Rudnia Sertejskaja of 6240 ± 60 BP (LE-3054).

The East Baltic Middle Neolithic begins with the appearance of the Typical Comb-and-Pit Pottery culture. This culture appears to have had a stronger presence to the north of the Daugava River basin. South of the Daugava, the culture is thus far known in only a few places in Lithuania, in three sites: at Kretuonas 1 (Švenčionys r.), Jara 5 (Anykščiai r.) and Pašvitinys (Pakruojis r.). Kretuonas 1B is mostly Narva culture, however it contains some elements of the Comb-and-Pit Pottery culture complex,

including pottery, arrow points, slate objects, small chisels and axes and the mesocranial anthropological type typically associated with this material culture. We now have radiocarbon dates from two graves at the Kretuonas 1B settlement: grave 3 dates to 5580±65 BP (OxA-5926) and grave 1 – 5350±130 BP (OxA-5935). These dates are similar to the earliest Middle Neolithic dates in Latvia. There, the end of the Early Neolithic at Zvidze is 5320±50 BP (TA-1800), and grave nr. 206 associated with Typical Comb-and-Pit Pottery in the Zvejnieki cemetery in Latvia dates to 5285±50 BP (Ua-3643).

The Late Neolithic is associated with the appearance of the Corded Ware culture complex. The earliest had date from a site with Corded Ware culture remains in Lithuania had been the Baltic Haff culture site of Šarnelė in NW Lithuania (Plungė region): 4260±90 BP (Vs-318), however, some archaeologists have doubts concerning this date's association; the radiocarbon date was obtained from a stake that could just have easily been associated with the Narva culture. There is now new chronological data from the mainly Iron Age cemetery of Plinkaigalis (Kėdainiai r.) that has two known burials clearly exhibiting features of the Corded Ware culture complex. The earlier of the two is Plinkaigalis gr. 242, which dates to 4280±75 BP (OxA-5936). Because of the earlier Corded Ware culture finds in neighboring territories - in Latvia, the earliest Corded Ware culture finds are at Abora 1, dated to 4490±80 BP (TA-2144) - we believe that there may be earlier finds in Lithuania as well, however, so far this is the earliest Corded Ware associated date known in Lithuanian territory.

The end of the Neolithic in the East Baltic is traditionally associated with the appearance of the first metals. However, such a site or burial in which a metal artifact has been found is thus far unknown in Lithuania. We have only a few radiocarbon dates representing cultural layers in which artifacts characteristic of the Bronze Age have been found – crucibles, metal casting forms. Such radiocarbon dates have been obtained from Žemaitiškė 2 (Švenčionys r.) - 3570±120 BP (Vs-311) and Papiškė 4 (Vilnius r.) – 3685±75 BP (T-10602). A similar date was obtained from the Lagaža site in Latvia's Lubana lowland.

By the traditional East Baltic criteria, the periodization of Lithuania's Neolithic is now as follows:

Early Neolithic: 6550 – 5600/ 5400 BP or c. 5500 - 4400/ 4200 cal. BC;

Middle Neolithic: 5600/ 5400 – 4300 BP or c. 4400/ 4200 – 2900 cal. BC;

Late Neolithic: 4300 – 3700/ 3600 BP or c. 2900 – 2100/ 2000 cal. BC.

In the West and in other parts of the globe outside of Eastern Europe, the main defining signature of the Neolithic is a shift to an agricultural economy. In the interest of increasing globalization and uniform world-wide periodization schemes, we ask our Eastern European colleagues to consider a joint reassessment of the meaning of "Neolithic" based on this globally more popular criterion.

It is already an established fact that the shift to a subsistence economy based on biologically domesticated animals and plants in the East Baltic was a very slow, several millenia long process. A three-stage heuristic "availability" model for such a slow transition that allows a finer chronological resolution was initially proposed in 1984 by M.Zvelebil and P.Rowley-Conwy. The first, availability, phase marks the early stages of an agricultural frontier and the second, substitution, stage is generally associated with neolithization.

Archaeological material suggests that the early agricultural frontier in Lithuania (Šventoji 4, Kretuonas 1), as at Zedmar A in southern Kaliningrad and Zvidze in Latvia, was influenced by the Funnel-neck Beaker (TRB) culture. It must be noted that ongoing

research on the development of agro-pastoral farming incorporating archaeological, osteological, palynological, and macrobotanical data in Lithuania shows both local and temporal variation, illustrating the problems inherent in the availability model. The development of a farming economy was not necessarily of a progressively intensifying nature. However, if we are to go by general tendencies alone, the earliest and most solid evidence so far had places the substitution phase or "neolithization" process in Lithuania into Corded Ware culture times. A productive economy such as was known in Central Europe's Neolithic, i.e., of the consolidation phase, occurred in Lithuania only in the Bronze Age.

Т.Д.Белановская (Санкт-Петербург, Россия)

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА РАКУШЕЧНЫЙ ЯР (НИЖНЕЕ ПОДОНЬЕ).

1. Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр на нижнем Дону благодаря четкой стратиграфии дает возможность проследить изменения материальной культуры во времени. Мощная свита культурных слоев (до 5 м) свидетельствует о длительном существовании поселения. Получен обильный и разнообразный вещественный материал, открыты погребения.

2. К неолиту относятся слои с 23 по 5, к энеолиту - с 4 по 2, к эпохе бронзы - 1-ый. Неолитические и энеолитические залежания различаются характером вмещающих слоев, мощностью слоев, а также содержащимся в них вещественным материалом. Получена серия радиоуглеродных дат (приводятся в значении л.т.н., без калибровки). Самые ранние даты для 20-го слоя - Ки-6475, 7690 ± 140 ВР, Ки-6476, 7930 ± 140 ВР, Ки-6477, 7860 ± 130 ВР, слой 15 - Ки-6478, 6930 ± 100 ВР, слой 14-15 - Ки-6480, 7040 ± 100 ВР, Ки-6479, 6825 ± 100 ВР получены по фрагментам керамики с пищевым нагаром, слой 9 (по раковинам) датирован Ле-5344, 7180 ± 250 ВР, слой 8 (древесный уголь) - Вln-704, 6070 ± 100 ВР, прослойка под пятым слоем (образец кости) Ле-5481, 6770 ± 450 ВР, слой 5 (гумус) Ле-5582 а, б 6440 ± 35 ВР и 6320 ± 35 ВР, кость - Ле-5479, 5920 ± 90 ВР, древесный уголь - Ки-955, 5890 ± 105 ВР, слой 4 (кость) Ле-5482, 6300 ± 90 ВР, Ле-5340, 5060 ± 230 ВР, слой 3 (древесный уголь) Вln-1177, 4360 ± 100 ВР, кость, Ле-5480, 5720 ± 180 ВР, слой 2 (древесный уголь) - Ле-5327, 5290 ± 260 ВР и Ле-5387, 4830 ± 90 ВР.

3. Керамика неолитических слоев имеет в тесте примесь песка, выгоревшей органики, небольшое количество толченой раковины, большей частью не ornamentирована, при наличии при наличии орнамента он сосредоточен в верхней части сосуда, нанесен штампом, элементы его просты. Кремневые орудия (пластины, скребки, сверла, развертки, вкладыши) изготовлены на небольших пластинах или отщепках, найдены каменные топоры, грузила, костяные орудия, ornamentированные изделия из кости, рога и камня.

4. Керамика энеолитических слоев отличается обильной примесью толченой раковины в тесте, основной орнамент - оттиски гребенчатого штампа. Кремневые орудия большой длины (до 10 см), наряду с ранее существовавшими орудиями появляются наконечники копий и дротиков. Найдены ornamentированные изделия из кости, рога и камня.

5. Материалы Ракушечного Яра свидетельствуют о возникновении производящего хозяйства (скотоводства), при еще значительной роли охоты, рыболовства и собирательства.

6. Открыты погребения в вытянутом и скорченном положении, все определенные черепа - европеоидного типа, один - протоевропеоидного.

7. Своеобразный памятник Ракушечный Яр дал название ракушечной культуре, распространенной на Нижнем Дону. По ряду признаков она имеет сходство с отдельными слоями поселений Раздорское 1 и Самсоновское, с сурской, днепро-донецкой культурами, неолитом Крыма, Кавказа, Прикаспия, с отдельными памятниками в Волго-Уральском междуречьи, с самарской и агидельской культурами, а также с памятниками неолита Урала.

8. Ракушечный Яр может служить в ряде случаев опорным памятником для датировки неолитических и энеолитических материалов, он имеет существенное значение для понимания сложных культурно-исторических и этногенетических процессов, имевших место в древности на территории Нижнего Подонья.

Н.Б. Васильева, Н.В. Косорукова (Вологда, Череповец, Россия)

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ И НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ МОЛОГО-ШЕКСНИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Для выяснения вопросов взаимосвязи памятников различных хронологических периодов наиболее часто используется типологическое сопоставление инвентаря. При этом, следует отметить, что схемы эволюционирования каменных индустрий в пределах мезолитической эпохи, созданные исследователями, удивительно однообразны. Как правило, общая тенденция развития индустрий выявляется в последовательной деградации пластинчатой техники и увеличении роли орудий на отщепках. Именно такой путь развития мезолитической индустрии определен для Молого-Шекснинского междуречья: постепенный переход от памятников с пластинчатыми комплексами типа Лотовой Горы к памятникам типа Андозеро-М, характеризующимися преобладанием орудий, изготовленных из отщепов. Авторы объясняют подобную трансформацию приспособлением населения, оставившего эти памятники, к местной сырьевой базе, менее пригодной для получения правильных пластин. Именно памятники типа Андозеро-М считаются подосновой, на которой формируются местные неолитические памятники.

Прийти к такому выводу позволило сравнение каменного инвентаря мезолитического и неолитического слоев памятников Усть-Андога 1, Андозеро-М, инвентаря размытых ягорбских стоянок (бассейн Шексны), инвентаря мезолитической стоянки Марьино 4 и неолитической Марьино 1 на реке Ратце (бассейн Мологи). Наличие в мезолитических и неолитических комплексах пластинчатого компонента привело к мысли о возможности использования именно этой части коллекции для получения дополнительных сведений о сходстве либо различии каменной индустрии. В данном случае понятие "индустрия" означает способы работы с кремневым сырьем, отраженные в продуктах расщепления (дебитаж), редко учитываемых в типологических характеристиках.

Изучение ряда пластинчатых индустрий мезолитических памятников Молого-Шекснинского междуречья позволило выделить, по крайней мере, две отличающиеся технологические традиции. Для первой, включающей наиболее ранние по типологическим определениям памятники Марьино-4, Лиственка 3Б, Лиственка 3В, характерно преимущественное использование торцового способа расщепления. Дополнением к этому способу является утилизация нуклеусов с выпуклым фронтом расщепления, реже трансформирующихся в близкие к карандашевидным.

Интересно, что некоторые детали расщепления, такие как использование пришлифовки участка ударной площадки в зоне приложения силы, последовательность подработки площадки, отраженные в продуктах расщепления, повторяются на всех упомянутых стоянках.

Вторую технологическую линию пластинчатых индустрий на настоящий момент удалось выделить только на материалах стоянки Лиственка 8, типологически более близкой к памятникам типа Андозеро-М, чем к памятникам типа Лотовой Горы, но в то же время значительно отличающейся от памятников первого типа. Получение сколов заготовок на стоянке производилось из того же сырья, что и на более ранних памятниках. Тем интереснее отметить значительное отличие в способах подготовки и утилизации ядрищ, выразившееся, прежде всего, в преобладании ядрищ с широким, уплощенным фронтом расщепления. Различия еще ярче выявляются при анализе элементов технологий: обитатели стоянки не считали необходимым править ударные площадки и часто не удаляли карнизы от предыдущих снятий, а ударные бугорки значительной части пластин свидетельствуют о применении удара для их получения.

Исследование же материалов, относящихся к контексту производства пластинчатых заготовок неолитической стоянки Марьино 1 и неолитического слоя Усть-Андоги 1, показало значительное сходство с индустриями более ранних стоянок региона и отсутствие подобного сходства с Лиственкой 8. Таким образом, обособленность Лиственки 8, выделенная типологически, подтверждается и данными технологического анализа. Хотя Лиственка 8 в некотором плане ближе к неолиту (хронологически), чем памятники типа Лотовой Горы, в то же время не улавливается сходство ее с неолитическими комплексами ни типологически, ни технологически. Во всяком случае, не известны неолитические комплексы, с которыми имеет сходство Лиственка 8.

Результаты технологического анализа, на наш взгляд, показывают перспективность начатых разработок и свидетельствуют о сложном, нелинейном характере эволюционных процессов каменных индустрий. Изучение способов производства тех или иных категорий инвентаря может дать существенную дополнительную информацию, особенно в тех случаях, когда типологических характеристик недостаточно.

Stig Welinder (Ostersund, Sweden)

THE ARCHAEOLOGY OF OLD AGE IN A NEOLITHIC POPULATION

Prehistoric people sometimes died at old age as concerns osteological age. Anthropology, however, suggests old age to be a much more complex concept than that. The processes of growing old stressed in anthropological theory on elders may advantageously be discussed from prehistorical burial-ground data.

In the population of the Middle Neolithic (cal 3000 BC) Ajvide burial ground at the Baltic island Gotland, Sweden, there are few individuals older than ca 50 years. They will be discussed as concerns gender roles and status. The method will be a correspondence analysis of the sets of artifacts associated with the buried individuals.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТА КРАЙНЕГО ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

Обширная территория крайнего-европейского Северо-Востока, простирающаяся от Северной Двины до Урала, от бассейна р. Вычегды до побережья Баренцева и Карского морей, с ее разнообразным климатом и богатыми природными ресурсами на протяжении многих эпох представляла собой экологическую нишу, куда возможен был отток населения из соседних регионов, где изменились природные условия или в силу различных причин возникало относительное перенаселение. В полной мере это относится и к эпохе неолита. По причине слабой и неравномерной изученности региона, неолитических памятников известно пока немного, тем не менее этнокультурная ситуация выглядит довольно пестрой.

Систематизацией неолитических памятников, вопросами периодизации и хронологии занимались многие ученые (М.Е.Фосс, Г.М.Буров, В.Е.Лузгин, Л.Л.Косинская, В.С.Стоколос, И.В.Верещагина и др.). Их мнения неоднократно менялись, культурно-хронологические схемы не всегда совпадали, но имеют право на существование и будут уточняться в процессе дальнейших исследований.

При рассмотрении вопросов периодизации мною использованы общепринятые термины: ранний, средний (развитой) и поздний неолит. Данные для определения абсолютного возраста памятников пока еще очень скудны, поэтому приходилось опираться на данные и разработки в соседних регионах.

Ранний неолит в регионе представлен памятниками типа Черноборской с ямчатой, ямчато-валиковой и гребенчато-ямчатой керамикой. В отличие от Г.М.Булова, мы не объединяем их в Черноборскую культуру, так как они пока малочисленны (всего 8 поселений и типологически выделенных комплексов) и значительно удалены друг от друга. Не решены до конца вопросы их происхождения и генезиса. Вместе с тем они имеют много общего в топографии, в структуре поселений, характере культурного слоя и материалах. Керамика на большинстве поселений малочисленна, сильно фрагментирована, имеет хорошее заглаживание поверхности иногда подлощенность с подкраской, в тесте примесь шамота. Посуда северо - двинских памятников (Прилукская, Вонгода I, Явроньга I), более толстостенна. У сосудов висских поселений стенки заметно тоньше, более профилированное горло и плотное тесто. Посуда Эньты I (первый комплекс) разнообразна по размерам, профилировке стенок и горла, а в тесте, наряду с шамотом, встречается дресва. Неглубокие ямчатые вдавления использовались для украшения посуды на всех стоянках. Иногда они заменялись наколами в отступающей манере. Мотивы диагональные, горизонтальные, перекрещивающиеся, иногда крупные зигзаги и треугольники. Орнамент сильно разрежен. Встречаются небольшие сформованные (не налепные) валики. Гребенчатые мотивы, выполненные оттисками пунктирного или узкого косозубого штампа представлены только на Эньты I. Ямчатые вдавления здесь играют роль разделителей. Характерны густое заполнение орнаментального поля, горизонтальная зональность. Для каменного инвентаря северодвинских памятников характерно преобладание пластинчатой техники. Он сохраняет много мезолитических черт, но не идентичен даже самым поздним мезолитическим комплексам, отличаясь укрупненным характером пластин, появлением новых типов наконечников стрел, ножей, скребков и др., а также большей ролью вторичной обработки. В инвентаре стоянок Черноборская III, Эньты I, Конещелье

преобладает отщеповая техника, большую роль играет вторичная обработка, встречаются и двустороннеобработанные орудия.

Рассмотренная группа памятников имеет аналогии на обширной территории - в материалах верхневолжской и валдайской раннеолитических культур и на памятниках с линейно-накольчатой и накольчато-валиковой керамикой Волго-Камья. Нами высказывалось предположение о раннеолитическом возрасте черноторской группы, во всяком случае большинства ее памятников. Полученные даты для поселения Прилукская (6680 ± 70 ВР, 6350 ± 60 ВР, Ле-4813, 4814) в определенной мере это подтверждают. Поселение Эньты I (первый комплекс) представляется в этой группе более поздним.

Более интенсивным было освоение крайнего европейского северо-востока в эпоху развитого неолита носителями различных культурных традиций с обширной территории, лежащей к югу и юго-западу и включающей восточные районы Волго-Окского междуречья, Среднее Поволжье и Каму а также Вятский регион. Очевидно, этот процесс был почти одновременным. Причиной и благоприятствующими условиями его в какой-то мере было существенное потепление климата, отмечающееся в конце атлантического периода, в IV тыс. до н.э.

Эту волну заселения характеризуют следующие группы памятников.

Притиманская группа - памятники с ямочно-гребенчатой керамикой. Территория их распространения включает правобережье Северной Двины, нижнюю Вычегду, бассейн Мезени и Притиманье с крупными водораздельными озерами Синдорское, Косминские, Ямозеро. Небольшие комплексы известны из районов Малоземельской и Большеземельской тундры. Материалы многочисленны, но выделены в основном типологически. Топографически памятники располагались чаще всего на озерах различного характера, на невысоких террасах или в пойме. Опорные комплексы : Ружниково, Кыско. Алексахина, пойменный комплекс Вис I, Явроньга I, Половники, Клоново 2, Пинежское озеро и др. Керамика представлена толстостенными сосудами с прямыми или слегка выпуклыми стенками, округло-приостренными днищами и венчиками с небольшим треугольным внутренним выступом или без него. Тесто плотное или с заметной примесью дресвы. Преобладает ямочно-гребенчатый орнамент, но встречаются сосуды, украшенные только ямками. Ямки глубокие конические с бугорками на внутренней стороне. В целом общий облик посуды, используемые элементы и орнаментальные композиции близки ранне-ляловской керамике. Некоторое местное своеобразие заключается в использовании мотивов из овальных ямок или тычков, выполненных в отступающей манере и замене гребенчатых оттисков отпечатками других штампов. Опираясь на полученные радиоуглеродные даты для ляловских комплексов Верхневолжского региона, можно предположительно определить бытование памятников Притиманской группы в пределах IV тыс. до н.э. Судя по количеству материалов, это были поселения, длительного обитания. В северных районах региона, в условиях относительной изоляции материальная культура, возможно, не претерпевала заметных изменений. В более южных районах в результате контактов с носителями волго-камских культурных традиций изменения в культуре более заметны, особенно в керамике. Изменения затрагивают форму сосудов и технологию теста, а в орнаменте увеличивается роль гребенчатых мотивов выполненных иногда косозубым штампом, отмечается большая разреженность композиции по вертикали.

Средневычегодская группа - памятники с гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой. Вероятный ареал их на западе охватывал часть Нижней Вычегды, бассейн Мезени и Башки а на востоке - бассейн Печоры. Основные памятники - Эньты I (второй комплекс), Эньты III, Вад, Печорская (Нарьянмарская стоянка). Они

расположены в основном на песчаных борových террасах. Хорошо сохранились остатки слабоуглубленных длинных прямоугольных жилищ и другие хозяйственные объекты. Каменный инвентарь носит отщепово - пластинчатый характер. Сосуды имеют полуяйцевидную форму, округло-приостренное дно, венчики имеют с внутренней стороны утолщение в виде наплыва или треугольного бортика. Поверхность сосудов хорошо заглажена, в тесте примесь шамота или песка с шамотом. Орнамент горизонтально-зональный и выполнен длинными узкими вертикальными или слабонаклонными оттисками среднеширокого косозубого штампа. Ширина мотивов (зон) от 4 до 9 см. Зоны иногда вплотную стыкуются или разделяются мотивами из коротких оттисков, нанесенных под другим углом. Встречаются пояски из короткого или фигурнозубого штампов, разделенных неорнаментированными зонами. На некоторых сосудах разделителями служат пояски из круглых ямок, а иногда ямки наносились поверх гребенчатого узора по горлу или дну. Такая посуда близка керамике устькамских поселений камской (волгокамской) неолитической культуры. Скорее всего, средневычегодские поселения синхронны притиманским и датируются в пределах IV тыс. до н.э. В рамках этой группы можно выделить предположительно более ранние памятники, близкие поселениям хуторского типа в Прикамье (Кочмас Б, небольшие комплексы керамики с Вис I, Вис III и отдельные находки с Вычегды и Верхней Печоры).

В процессе освоения крайне-европейского Северо-Востока и в результате обитания на одной территории контакты групп населения с различными культурными традициями становились со временем, более интенсивными и носили, возможно, характер взаимоассимиляции. Этот процесс характеризует Синдорская группа памятников с гребенчато-ямочной керамикой. В рамках этой группы памятники также разновременны. Во первых, это поселения, на которых почти в равной степени представлена ямочно-гребенчатая и гребенчато-ямочная керамика в одних условиях залегания, и уже появляются сосуды с гибридным орнаментом (Пижма I, II, возможно Вис III и Эньты IV). Ко второй подгруппе синдорских памятников относятся типологически выделенные комплексы с Вис I и Вис II (вычегодско-вятская культура по Г.М.Бурову). В орнаменте наблюдается большая степень смешения традиций: сочетаются почти все элементы и мотивы, характерные для ямочно-гребенчатой и гребенчатой керамики, зачастую на одном сосуде. Особенно разнообразны гребенчатые элементы. Композиции или простые, или сложные, многомотивные с сохранением, горизонтальной зональности. Столь же гибридными выглядят и морфолого-технологические характеристики: разнообразны форма сосудов, толщина стенок, оформление венчика и очертания дна. В тесте примесь песка или мелкой дресвы, шамота или шамота с дресвой. Эти комплексы, скорее всего, относятся к позднему неолиту и датируются в пределах конца IV-середины III тыс. до н.э. В меньшей степени процесс слияния культурных традиций затронул северные и западные районы региона, но отчетливо прослеживается на более южных территориях - в Марийском Поволжье, на Вятке. Кроме того, на висских поселениях Синдорского озера встречаются комплексы керамики с гребенчатым орнаментом более позднего облика, близкие по ряду признаков посуде новоильинских и флажковых комплексов эпохи финального неолита-энеолита Прикамья.

Таким образом, эпоха неолита для крайнего европейского Северо-Востока определяется в пределах от середины V тыс. до н.э. (радиоуглеродные даты поселения Прилукская), до середины III тыс. до н.э. (даты энеолитических памятников Мезени и Северной Двины). Все даты некалиброванные. Нельзя исключать и существование на каком-то промежутке времени поздненеолитических и энеолитических поселений.

ОПЫТ СИНХРОНИЗАЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ ЩЕРБЕТЬСКОГО ТИПА ВОЛГО-КАМЬЯ

Памятники щербетевского типа занимают совершенно особое место среди накольчатых древностей Волго-Камья. Они располагаются в центральной части районов региона, протянувшись полосой от Нижней Оки (Велетьминская) и до Камско-Вятского междуречья. С их открытия начинается история изучения накольчатой керамики на Средней Волге, эталоном которой они долгое время являлись. К настоящему времени щербетевская группа насчитывает около 100 памятников, из которых около 2 десятков раскопано на широких площадях. Поселения имеют стационарный характер с наземными и углубленными жилищами, производящим хозяйством, пластинчато-отщеповым кремневым инвентарем, сохраняющим традиции лесостепных культур. Отличительным признаком является керамика. Её основу составляют плоскодонные горшки и банки, иногда приобретающие заметную биконичность. Посуда орнаментирована разреженным и отступающим наколом, образующим слабо геометризванные и тяготеющие к верхней и нижней части сосуда композиции. Родовыми признаками такой керамики являются поясок цилиндрических ямок под венчиком, неразвитость традиции нанесения насечек на его край, частая встречаемость скошенных срезов горловины и эпизодическое оформление на них слабого наплыва-утолщения.

Типологическое единообразие щербетевских древностей предполагает наличие узкого периода их бытования, определение абсолютных рамок которого является одной из острых научных проблем. В условиях почти полного отсутствия радиоуглеродных определений датировка осуществляется традиционно по линии синхронизации с комплексами развитого и позднего неолита Поднепровья — 4-м и началом 3 тыс. до н. э. В последнее десятилетие появились новые возможности для синхронизации по линиям верхневолжского и нижневолжского неолита, датирующимся 6 и 5 тыс. до н. э. Возникшие хронологические ножницы вполне преодолимы, если при выборе аналогий использовать только работающие на датировку т.н. стадийные черты. Они распространяются в определенные отрезки времени среди широкого круга соседних культур и могут служить хронологическими маркерами. В основу их выделения положена процедура выявления общих закономерностей развития накольчатой керамики восточно-европейских неолитических культур, обладающих построенной на основе использования стратиграфии и радиоуглеродных дат периодизацией. Сопоставление динамики развития накольчатой керамики буго-днепровской, днепродонецкой, сурской, ракушечноярской, орловской и др. культур позволяет выделить несколько стадийных признаков: венчик со скошенным срезом, появление слабого наплыва на горловине, слабо геометризованная орнаментация, сочетание разреженной и скорописной техники накола. Построенная с их учетом синхронизационная таблица указывает на наиболее вероятное существование щербетевских комплексов в первой половине 4 тыс. до н. э. Подтверждает эту датировку синхронизация по линии льяловской культуры. На ряде стоянок Марийского Поволжья и Камско-Вятского междуречья выявлено одновременное залегание накольчатой и т.н. гребенчато-ямочной керамики. Последняя находит многочисленные параллели среди ранних и, отчасти, развитых льяловских материалов Волго-Окского междуречья, датируемых также первой половиной 4 тыс. до н. э.

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

В настоящее время на территории Европейского Северо-востока (Республика Коми и восточная часть Архангельской области, далее ЕСВ) известно около 50 памятников эпохи неолита. Исследователями (Г.М.Буров, Э.С.Логинова, И.В.Верещагина, Л.Л.Косинская) предложено несколько культурно-хронологических концепций. Несмотря на их различие, определяется следующая линия развития неолитических культур ЕСВ. К наиболее ранним отнесены памятники с тычковой керамикой (черноборская АК- археологическая культура-здесь и далее). В среднем неолите, в регионе присутствуют памятники с ямочно-гребенчатой и гребенчатой керамикой (камский КТ-культурный тип - здесь и далее,). На основе их взаимодействия формируются памятники позднего этапа (печоро-двинская АК) с гребенчато-ямочной керамикой. Не вполне определенной в этой последовательности остается позиция памятников т.н. каргопольского (пинежско-вычегодского) типа с керамикой, орнаментированной длинной тонкозубой гребенкой и энтьйского типа с тычково-гребенчатой орнаментацией и своеобразной кремневой индустрией.

Построение абсолютной хронологии неолита рассматриваемого региона все еще находится на начальной стадии, что особенно отчетливо проявляется на фоне успехов в датировании радиоуглеродным и палинологическими методами памятников Центральных областей России (например, Верхнего Поволжья). Объясняя данную ситуацию, исследователи обычно обращают внимание на особенности геохимии почв (белесо-подзолистые, определяемые в почвоведении как горизонт вымывания), в которых располагаются культурные слои большинства памятников. Подобные условия неблагоприятны для сохранности органических материалов и, соответственно, датирования методами естественных наук, а также затрудняют стратиграфические наблюдения. Естественным выходом из этой ситуации является поиск и исследование памятников, культурные слои которых приурочены к озерно-болотным отложениям. Это, в свою очередь, затруднено тем, что пока не известны закономерности образования памятников подобного типа в регионе. В настоящее время известно всего три памятника: Пезмог 4 (фрагменты двух сосудов камского культурного типа залежали в низах толщи отложений, отнесенной по результатам спорово-пыльцевого и диатомового анализов к позднему атлантическому периоду), Висский 1 торфяник (слой сапропеля с ямочно-гребенчатой керамикой, относящийся к концу атлантического-первой половине суббореального периода) и Черная Вадья (исследование участка культурного слоя, приуроченного к озерно-болотным отложениям пока не проводилось).

Для решения вопроса казалось бы могут способствовать успехи в изучении хронологии памятников эпохи мезолита и энеолита-ранней бронзы. Но в этом случае ситуация схожая. Имеющиеся же радиоуглеродные даты для позднемезолитической стоянки Топыд-Нюр VII (6450 ± 60 BP, ЛЕ-2790) и энеолитической стоянки Чойновты I (5320 ± 60 BP, ЛЕ-1729, 5210 ± 60 BP, ЛЕ-2168), вызывают ряд возражений у исследователей. Имеются также две даты по C14 и для раннеэнеолитической стоянки Прилукская I (6680 ± 70 BP, ЛЕ-4813, 6350 ± 60 BP, ЛЕ-4814), материалы которой соотнесены с материалами верхневолжской АК и не противостоят разработанной хронологии последней. Несомненно, что они требуют своего подтверждения, равно как и полученные палинологическими методами даты для культурных слоев стоянки Пезмог 4 и Висского 1 торфяника.

Естественно стремление исследователей уделять большее внимание разработке относительной хронологии памятников ЕСВ, основанной на типологическом методе. Тем более, что регион представляет собой окраину лесной зоны и вышеуказанным культурным образованиям соответствуют культуры южной части лесной зоны Восточной Европы. Памятники черноторской АК соотносятся с кругом культур типа верхневолжской и валдайской, происхождение памятников с ямочно-гребенчатой керамикой связывают с льяловскими и балахнинскими древностями, а камский КТ с материалами камской неолитической культуры. Поэтому успехи в решении проблем хронологии этих культур вызывали, в свою очередь, смену взглядов на хронологию памятников ЕСВ. Причем, приоритет в поиске аналогий отдается регионам (культурам), где культурно-хронологическая «колонка» является наиболее разработанной. Но несмотря на кажущуюся очевидность и простоту т.н. принципа «синхронизации сходных явлений» (поиск и сопоставление аналогий), за рамками остаются проблемы установления механизма и скорости сложения культурных образований региона или миграций. Этим и объясняется усилившиеся в последние годы внимание исследователей на решение именно этих проблем.

Таким образом, установленная в настоящее время хронология неолитических памятников Европейского Северо-востока носит предварительный характер. Очевидно, что усилия исследователей должны быть направлены прежде всего на разработку хронологии, независимой от хронологии культур смежных регионов.

А.А. Выборнов (Самара, Россия)

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА ПОВОЛЖЬЯ

Появление первых результатов споро-пыльцевых и радиоуглеродных анализов для нео-энеолитических культур степного и лесостепного Поволжья, и новых данных для неолитических комплексов лесной полосы с одной стороны позволяют достаточно объективно решить ряд проблем, а с другой ставят новые вопросы.

С большой долей уверенности можно фиксировать завершение неолитической эпохи в степном Поволжье в начале IV тыс. до н.э. (Васильев, Выборнов, 1988; Кольцов, 1990; Юдин, 1995; Выборнов, 1997). В лесном Поволжье финал неолита приурочен к началу III тыс. до н.э. (Сидоров, 1986; Древние охотники и рыболовы Подмосковья, 1997. Таким образом, можно констатировать хронологическое запаздывание в развитии неолита северного региона на целое тысячелетие.

Развитой и поздний этапы неолита степного Поволжья, независимо от различных трактовок культурной атрибуции (Выборнов, 2000 а) четко укладываются в рамках V тыс. до н.э. (Vasiliev, Vybornov, 1998; Юдин, 1998), что соответствует в лесном регионе существованию раннеэнеолитической верхневолжской культуры (Жилин, 1994; Энговатова, Жилин, Спиридонова, 1998). Таким образом, на севере прослеживается два периода развития неолита: 1 - верхневолжская культура (V тыс. до н.э.), 2 - культура ямочно-гребенчатой керамики (IV тыс. до н.э.). Подобных периодов на юге пока не выделяется. Развитие культур здесь происходило более плавно, без каких-либо серьезных трансформаций. И если в лесной зоне этапы развития верхневолжской культуры (от тычково-накольчатой к зубчато-гребенчатой керамике) фиксируются очень четко, то в степных материалах этапность выглядит более эволюционно. Видимо, это можно трактовать природными особенностями, спецификой ведения хозяйства и наличием (или отсутствием) внешних культурных факторов.

Ранненеолитический этап в степном Поволжье соотносится со второй половиной VI тыс. до н.э. (имеется радиоуглеродная дата позднемезолитического комплекса Северного Прикаспия Каиршак Va -7255 ± 95 BP, не исключено, несколько омоложенная), то есть как минимум на 500 лет раньше формирования неолита лесного Поволжья. Сходные хронологические рамки присущи и другим ранне-неолитическим комплексам южных регионов. Именно на этот интервал (7200 л.н.) выпадает максимальный уровень аридизации как на юге (Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998), так и в лесных массивах (Энговатова, Жилин, Спиридонова, 1998). Видимо, этот экологический кризис был одной из причин неолитизации.

И если для степного Поволжья говорить о самостоятельном очаге возникновения неолитической культуры можно, то для лесной полосы ситуация более сложная. Одни исследователи допускают появление верхневолжской посуды из волгокамской (Крайнов, Костылева, 1988), другие не исключают обратный процесс (Крижевская, 1996), третьи - из лесостепного Подонья (Синюк, 1986; Тимофеев, Зайцева, 1996) или нижнего Поднепровья (Сидоров, 1998). Ситуация усугубляется ещё одной гипотезой, согласно которой до верхневолжской (двухкомпонентной) культуры существовала ранне-неолитическая волго-окская культура, вопрос о прародине которой должен решаться особо (Цетлин, 1996).

Влияние среднедонской культуры (остродонность, треугольный накол в скорписной технике) проявляется в большей степени на материалах Примокшанья (Выборнов, Третьяков, 1988; Ставицкий, 1999), в меньшей для Поочья и почти не прослеживается в центрально-верхневолжском варианте, где доминируют плоскодонность и овально-округлые тычковые вдавления (Костылева, 1987; Выборнов, 1988). Пока не следует исключать днепровские материалы, в которых представлены такие элементы как слабая орнаментированность, короткий изогнутый зубчатый штамп, прочерки и тычки (Телегин, 1996; Телегин, Титова, 1998).

Одним из таких регионов может быть лесостепное Поволжье, где расположена елшанская культура, элементами которой являются слабая орнаментированность, плоскодонность, прочерки и ямочно-тычковые вдавления (Васильев, Выборнов, 1988; Тимофеев, Зайцева, 1997; Мамонов, 1999). Радиоуглеродные датировки её наиболее архаичных комплексов соответствуют второй половине VII - началу VI тыс. до н.э. Возможно, эти даты несколько удревнены, так как анализы по раковинам могут отличаться от датировок по другим материалам (Тимофеев, Зайцева, 1997). Но так или иначе елшанская культура оказывается более ранней, чем неолит степного Поволжья и лесостепного Подонья. Во-вторых, памятники елшанского типа уже обнаружены вплоть до Примокшанья (Ставицкий, 1999).

Средневолжская (накольчато-гребенчатая) неолитическая культура, оказавшая влияние на лесное среднее Поволжье формируется при участии елшанской (то есть подразумевается их хронологическая стыковка) и раннего неолита степного Поволжья (Васильев, Выборнов, 1988; Мамонов, 1999). В таком случае можно допустить существование средневолжской культуры уже во второй половине VI тыс. до н.э., а в лесном Поволжье в первой половине V тыс. до н.э. Не противоречат этому как радиоуглеродные даты позднемезолитических памятников Камско-Вятского междуречья - вторая половина VI тыс. до н.э. (Гусенцова, 1981), так и наличие памятников с архаичной накольчатой керамикой в этом регионе (Выборнов, 2000; Гусенцова, 2000).

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЮГА КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА

Периодизация памятников неолитического времени юга Карельского перешейка впервые была разработана впервые Б.Ф. Земляковым, опирающимся на схему развития гребенчато-ямочной керамики, предложенную Ю. Айлио. Б.Ф. Земляков поместил Тарховку, Токсово, Сосновую Гору и Сестрорецкие стоянки во II фазу Айлио, а Лахтинскую стоянку и Глиняный Ручей в III фазу. Хронология этих памятников основывалась на стратиграфии двух опорных памятников (Тарховской стоянки для II фазы по Айлио и Лахтинской для фазы III), и была скоррелирована с геологическими разрезами Карельского перешейка, изученными и датированными С.А. Яковлевым. Таким образом, памятники II фазы датировались серединой и второй половиной суббореального периода (1700-1200 лет до н.э.). Памятники фазы III помещались в конец суббореального и начало субатлантического периода (1200-800 лет до н.э.) Абсолютные даты представляют здесь лишь историографический интерес, т.к. в дальнейшем хронология неолита была значительно удревнена. Значительно более важна привязка к геологической шкале и палинологическим зонам, т.к. Б.Ф. Земляков непосредственно исследовал стратиграфию опорных памятников.

Создание А. Европеусом схемы развития керамики, основанной, прежде всего, на материалах юга Финляндии и севера Карельского перешейка и по сию пору сохраняющей свое значение, дает возможность типологически соотнести материалы юга Карельского перешейка с памятниками, открытыми в позднейшее время и датированными радиоуглеродным методом.

Наиболее ранние материалы юга Карельского перешейка представлены комплексами с керамикой сперрингс - Сестрорецкая I (исследована Г.П. Сосновским), Сосновая Гора (исследована Г.А. Гамченко). И.В. Верещагиной была исследована стоянка Хепо-Ярви с керамикой сперрингс, откуда по углю из очагов получены радиоуглеродные даты: 6480 ± 60 BP (JE-1412), 6380 ± 60 BP (JE-1411), 4100 ± 60 BP (JE-1409), 4020 ± 60 BP (JE-1408). А. Европеусом были исследованы стоянки Хайринмяки и Силянкаскас в северной части Карельского перешейка. Эти памятники приурочены к берегу максимума I Литориновой трансгрессии и датированы Э. Хыйпя по соответствующим слоям болота Хайри временем At 2. Для этих слоев в конце 80-х гг. была получена радиоуглеродная дата 4610 ± 150 BP.

В целом, вероятно, существование памятников с керамикой типа сперрингс на Карельском перешейке можно определить V – нач. IV тыс. до н. э.

Керамика стиля II в основном представлена на Токсово (исследована Л.А. Динцесом), Сосновая Гора, Тарховка и в материалах Сестрорецких стоянок. Время существования этого стиля Э. Хыйпя и П.М. Долуханов датировали L2 и промежуток между L2 и L3. К стилю II относится и основной комплекс керамики памятника Усть-Рыбежна I в Южном Приладожье, исследованного Н.Н. Гуриной. Культурный слой этого памятника перекрыт пачкой отложений Ладожской трансгрессии с датами 4510 ± 85 BP (JE-634) и 4000 ± 70 BP (JE-599). Очажный уголь из культурного слоя стоянки имеет дату 6380 ± 220 BP (JE-405). Схожие даты имеет памятник Хепо-Ярви с керамикой сперрингс и стиля II. Вероятно, эти даты относятся к комплексам с керамикой сперрингс, присутствующим на обеих стоянках.

В целом, памятники Карельского перешейке с керамикой стиля II по А. Европеусу, или памятники культуры Прибалтийской гребенчато-ямочной керамики, следует отнести к IV – нач. III тыс. до н.э.

К позднему неолиту следует отнести Сестрорецкие стоянки, часть материалов Сосновой Горы, Лахту (исследована Б.Ф. Земляковым). Керамика Сестрорецких стоянок и группы 2 Сосновой Горы с примесью песка в тесте относится к стилю III:1. Керамика Лахты отличается обилием органической примеси в тесте. Так же керамика с органической примесью присутствует в материалах Тарховской стоянки. Орнаментация керамики с органической примесью Тарховской стоянки относится к стилю III:1, а Лахты - к стилю III:2.

Согласно Б.Ф. Землякову, культурный слой Лахтинской стоянки подстилается древнебалтийскими наносами и перекрывается наносами Балтийской трансгрессии. К.К.Марков датировал Лахтинскую стоянку границей суббореала и субатлантикума.

Если сопоставить стратиграфии Лахтинской и Тарховской стоянок, то "Древнебалтийские" слои С.А. Яковлева и Б.Ф. Землякова можно определить как наносы L3. Тогда Лахтинскую стоянку можно датировать второй половиной суббореала. Памятник Каннельярви II на севере Карельского перешейка с керамикой с органической примесью в тесте и орнаментированной в стиле III:2, исследованный В.И. Тимофеевым, имеет даты 3890 ± 40 ВР (JE-2549) и 3500 ± 40 ВР (JE-2550).

Таким образом, памятники с керамикой стиля III:1 можно датировать первой половиной – серединой III тыс. до н.э., памятники с керамикой стиля III:2 – второй половиной – концом III тыс. до н.э.

К. Э. Герман (Петрозаводск, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ РАННЕГО НЕОЛИТА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ФЕННОСКАНДИИ

В настоящее время на территории Северо-Восточной Фенноскандии исследователи выделяют памятники с керамикой сярйсниеми I (далее сяр I), занимающую территорию Кольского полуострова, Северной Норвегии (область Варангерфьорда и реки Пасвик), Северной Финляндии и Северной Карелии и ранненеолитическую культуру сперрингс, занимающую Южную и Центральную Финляндию (с Аландскими островами), Центральную и Южную Карелию, север Ленинградской и Вологодской областей и запад Архангельской области (Герман, 1996, 1997; Toivinen, 1998). До последнего времени вопрос об их хронологии оставался неясным. Причинами этого, по мнению разных исследователей были:

- 1) плохая сохранность фрагментов керамики в суровых условиях Крайнего Севера (Шумкин, 1996);
- 2) нахождение ранненеолитической керамики, в основном, в смешанных комплексах, что затрудняло ее датировку (Песонен, 1991; Toivinen, 1997);
- 3) недостаточное количество исследованных памятников с «чистыми» комплексами ранненеолитической керамики и радиоуглеродных определений с них (Герман, 1997).

В течение 90-х годов карельскими и финскими археологами были открыты и исследованы ряд памятников, имеющих в своих комплексах только ранненеолитическую посуду, были получены новые радиоуглеродные определения, в том числе и «акселерированные», то есть с отдельных фрагментов керамики.

В результате этих исследований стало ясно, что керамика сяр I не является подтипом сперрингс, как считалось ранее (Песонен, 1991). По мнению финских

археологов, она возникает около 6100 лет назад в районе озера Оулуярви и, далее, в виде культурного влияния, распространяется в среде местных финально-мезолитических племен культуры комса и в финальном мезолите Северной Карелии (Toivinen, 1998).

Исходя из радиоуглеродных определений выясняется, что навык изготовления глиняной посуды приходит в этот регион с юга, распространяясь постепенно (стадиально), имея аналогию с Южнобалтийским регионом (Тимофеев, 1995). Первая керамика появляется на территории Карелии в бассейне Онежского озера около 6500 лет назад. Вероятнее всего, в тоже время она появляется и на территории Южной Финляндии, о чем, косвенно, могут говорить радиоуглеродные определения с поселения Хепоярви на Карельском перешейке, которые датируют посуду сперрингс 6400-6300 лет назад (Неолит Северной Евразии, 1996).

Спустя 300-400 лет навык изготовления глиняной посуды приходит на территорию Северной Финляндии (6100 лет назад), а еще спустя 400-500 лет - на территорию Северной Норвегии (5600 лет назад) и Кольского полуострова (5700-5600 лет назад) (Toivinen, 1998; Helskog, 1980; Шумкин, 1996; Гурина, 1997).

На территорию Северной Карелии, объединенной финально мезолитической культурой с соседней территорией Северной Финляндии, керамика проникает, видимо, около 6000 лет назад.

Если использовать калиброванные датировки, то время появления первой глиняной посуды на территории Южной Карелии и Южной Финляндии будет удревнено почти на 1000 лет и составит 7500 лет назад, на территории Северной Финляндии и Северной Карелии - 7000 лет назад и на территории Северной Норвегии и Кольского полуострова - 6700 лет назад (Неолит Северной Евразии, 1996).

Таким образом, подтверждаются предположения, высказанные В.И. Тимофеевым, во-первых, о диффузионном распространении навыков керамического производства и, во-вторых, о проникновении керамики в раннем неолите из южных и юго-восточных областей в северные (Тимофеев, 1995, 1997; Тимофеев, Зайцева, 1996).

С.В.Гусев (Москва, Россия)

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ И ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЧУКОТКИ

Методические вопросы

До настоящего времени радиоуглеродные анализы для всей Чукотки использовались лишь как даты для найденных артефактов, а не в контексте процесса заселения территории и хронологии культур. Сами даты разбросаны по различным тематическим публикациям. Датированные памятники составляют незначительный процент ко всем исследованным объектам.

Зачастую хронологию подменяют перечнем характеристик артефактов в традиционном описательном стиле, изредка добавляя к этому радиоуглеродные даты для подтверждения правоты своей теории.

В основном датируемыми материалами были кость и уголь, реже – дерево. Для Восточной Чукотки разработка абсолютной (радиоуглеродной) хронологии имеет особое значение. Недостаточное на сегодня количество материала из раскопок надежно стратифицированных памятников не позволяет построить надежную относительную хронологию и периодизацию по типологическому принципу. Радиоуглеродные даты позволяют составить принципиальную схему периодизации ре-

гиона и открывают возможности для хроностратиграфического понимания древних культур Чукотки.

На настоящее время имеется более двухсот дат с археологических памятников, их которых только 61 отобраны археологами и являются, таким образом, достоверными образцами (Арутюнов, Крупник, Членова, 1982; Диков, 1993; Динесман, Киселева, Савиницкий, Хасанов, 1996; Шило, Диков, Ложкин, Стариков, 1977; Шило, Диков, Ложкин, Орехов, Теин, 1979; Agutiunov, Bronstein, 1993; Gerlach, Mason, 1992; Gusev, Zagorulko, Porotov, 1999). В то же время, сами даты не всегда достоверны.

Основной массив дат относится к неозским памятникам – 47 (77%), 5 (8%) – к раннеголоценовым, 9 (15%) – средне- и позднеголоценовые. Неозским памятники (древнеберингоморская-оквик, бирнирк, пунук, туле культуры традиции Туле) имеют много невалидных дат – результаты анализов на радиоуглеродной установке ИЭМЭЖа часто удревнены, а в ряде случаев, после получения скептических замечаний, участники лаборатории, не утруждая себя поиском погрешностей, попросту снимали даты из обращения. Серия дат по остеологическому материалу из шурфа на пос. Дежнево дала колонку от 2600 л.н. до 1300 л.н. – все даты получены в ИЭМЭЖ (Динесман, Киселева, Савиницкий, Хасанов, 1996). Обильный археологический материал из шурфа представлен поднеипсутскими, оквикскими и древнеберингоморскими вещами. Даты из шурфа и из раскопа сильно не совпадают, хотя шурф расположен всего в 5 м от раскопа (Динесман, Киселева, Савиницкий, Хасанов, 1996; Gusev, Zagorulko, Porotov, 1999). К датам ИЭМЭЖ необходимо относиться осторожно, поскольку и на Эквенском могильнике получены даты из погребения 285 – одновременного склепа – на 300 лет и более древнее дат, полученных в Геологическом институте по антропологическому материалу из этого же склепа. Из представленных 47 радиоуглеродных дат с неозским памятников 28 дат ИЭМЭЖевского производства можно рассматривать только в качестве фона.

Из 3 дат с о. Ыттыгран, представленных в книге «Китовая Аллея», в лабораторном журнале ИИМКа записана только одна, при этом все даты переведены в календарные с обратным индексом: 1690 ± 30 , 1683 ± 40 , 1743 ± 40 , и относятся изобретателями «Китовой Аллеи» к XVI – пер. пол. XVII вв. (Арутюнов, Крупник, Членова, 1982).

Важнейшее значение для построения хронологии неозским культур морских зверобоев имеет введение поправки на резервуарный эффект Берингова моря, когда происходит удревнение за счет накопления углерода в организме морских млекопитающих (Gerlach, Mason, 1992; Damon, 1998; Stuiver, Braziunas, 1993). Выявленные различия в парных образцах – кости морских и кости наземных млекопитающих, или кости морских млекопитающих и дерево или уголь по материалам с Аляски показывают большую древность в паре образца из костей морских млекопитающих относительно других компонентов пары на 300 – 700 лет, а в среднем на 500 лет (Gerlach, Mason, 1992; Damon, 1998).

В настоящее время мы имеем серии дат только для раннеголоценовых памятников с датами от 9000 до 7000 л.н. и для неозским – с датами от 2200 л.н. и до 600 л.н. С учетом поправки на резервуарный эффект неозским памятники дают даты от III в.н.э. и до до XVII в. Можно говорить о наиболее раннем эскимосском пласте на азиатском берегу Берингова пролива, начиная с культуры ипиутак. Ипиутак какое-то время сосуществует с древнеберингоморской-оквикской культурой, затем наступает время культур бирнирк и пунук, которые сосуществовали до вступления в стадию туле. Их более детальная хронология бу-

дет представлена в ближайшее время после получения результатов серии радиоуглеродных анализов.

Среднеголоценовые даты единичны и позволяют наметить только самые первые хронологические этапы для этого периода.

Т.М. Гусенцова (Санкт-Петербург, Россия)

ПЕРИОДИЗАЦИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА р. ВЯТКИ

В настоящее время в бассейне р. Вятки известно более 300 памятников эпохи камня. Среди них раскопано около 30 неолитических стоянок и поселений (Гусенцова, 1993). Наиболее полно изучена территория левобережных притоков реки в ее среднем и нижнем течении. В последние годы обнаружены и исследуются стоянки на ее правом берегу. Памятники концентрируются небольшими группами в устьях мелких речек, впадающих в более крупные притоки р. Вятки. Чаще всего они находятся на невысоких песчаных дюнах в поймах рек, изредка на мысах первой и второй надпойменной террас, а также в пойме. Но указанные различия в расположении не являются хронологическим показателем.

Все поселения исследованы большими площадями (200-700 кв.м). На многих открыты жилища и хозяйственные объекты. Коллекции памятников насчитывают от 200-500 до 800-2000 фрагментов керамики и многочисленный каменный инвентарь.

На большинстве раскопанных памятников встречаются несколько групп керамики украшенных гребенчатым, гребенчато-ямочным, накольчато-прочерченным орнаментом. Несколько из них содержат посуду только с гребенчатым (Мысы, Ботыли 3, Новомултанское, Криушинская) либо накольчато-прочерченным орнаментом (Кыйлуд 2, 4, Коктыш 2, Кошкинская).

Материалы вятских памятников относятся к кругу неолитических культур Волго-Камья. Основной проблемой указанного региона является отсутствие хорошо стратифицированных комплексов и серии радиоуглеродных дат, которые вызывают непрекращающуюся дискуссию по поводу возраста памятников с гребенчатой и накольчато-прочерченной посудой и их генезиса. До настоящего времени их периодизация основана на типологии керамики, каменного инвентаря и сопоставлений с данными соседних территорий.

В этой связи представляют интерес несколько радиоуглеродных дат, полученных по образцам из раскопок автора для позднемезолитических и неолитических памятников бассейна р. Вятки и позволяющих в какой-то степени уточнить их хронологию.

Памятники с гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой.

Керамика с гребенчатым орнаментом традиционно считается одним из главных культурных признаков волго-камского неолита. Большинство известных памятников с этой керамикой исследователи относят к развитому и позднему неолиту (Боровое озеро I, Хуторская и Левшинская стоянки). Это подтверждается и обликом каменного инвентаря, заметно отличающимся от позднемезолитического. Развитый неолит на р. Вятке представлен поселениями Кыйлуд 3, Кочуровское 1, 4, Моторки 2, Чумойтло 1. Их материалы имеют свои специфические черты, но, в целом, они близки памятникам Нижней Камы и Среднего Поволжья. К позднему неолиту относятся Новомултанское, Ботыли III, Мысы, комплекс с гребенчато-ямочной керамикой поселения Моторки II.

Вместе с тем, на территории Волго-Камья известно несколько стоянок, материалы которых отнесены рядом исследователей к ранненеолитическим.

В Среднем Поволжье это стоянка Кабы-Копры, комплекс гребенчатой керамики из поселения Щербеть II, в низовьях р. Белой однослойная стоянка Зиарат. Керамика имеет более архаичный облик, чем хуторская. Сосуды без характерных наплывов по венчику, отсутствует орнамент в виде шагающей гребенки. Узор нанесен преимущественно узким гребенчатым штампом, образующим простые орнаментальные схемы, в кремневом инвентаре есть серия орудий на пластинах. (Халиков, 1968; Третьяков, 1972; Выборнов, 1988).

В бассейне р.Вятки близкий материал получен на поселении Тархан 1 и Усть-Шижма I. На обоих памятниках, помимо гребенчатой, имеется и посуда с накольчатой орнаментом. На Усть-Шижме I, по данным Л.А.Наговицына, накольчатая керамика (типа Щербеть II) залегает в слое несколько выше, чем гребенчатая (Наговицын, 1988). Вероятно, носители обеих групп керамики существовали в близком хронологическом диапазоне.

Памятники с накольчато-прочерченной керамикой

В Волго-Камье прослеживается несколько культурно-территориальных групп накольчатой керамики, которых объединяет ряд общих признаков (Вискалин, 1999). Неолитические памятники с накольчатой керамикой большинством исследователей региона датируются развитым и поздним неолитом, энеолитом (Габяшев, 1978; Никитин, 1996; Вискалин, 1999). Другие признают существование ранненеолитического пласта памятников типа стоянки Щербеть II в Среднем Поволжье, впервые выделенного А.Х.Халиковым (Халиков, 1968; Третьяков, 1972).

В бассейне р.Вятки известны две хронологические группы керамики. Первая характеризуется плоско и остродонными сосудами с тонкими, прямыми стенками и венчиками простых форм., Орнамент покрывает верхнюю, придонную части посуды и дно. Узор составляют горизонтальные или наклонные линии наколов, иногда геометрические композиции. Встречается посуда, орнамент которой состоит только из рядов тонких проколов под венчиком или отдельных наколов по тулову. (Кыйлуд 2,4,3, Тархан 1, Коктыш 2, Кошкинская). Керамика ее имеет наиболее близкое сходство с посудой верхневолжской культуры (Костылева, 1994). В кремневом инвентаре памятников сохраняется высокий процент орудий на пластинах 35-50%, а также категории и типы изделий, аналогичные материалам местного позднего мезолита. Вместе с этой группой керамики найдены наконечники стрел на пластинах с выделенным черешком и вкладыши геометрических форм, топоры (Кыйлуд 2, Кошкинская). Из жилища Кошкинской стоянки получена дата для образца угля 6160 ± 100 BP (LE-5549), калиброванный возраст 5210-5160, 5150-4960 лет до н.э.

Для второй группы керамики характерны большее разнообразие в форме сосудов и оформлении венчиков, усложнение орнаментальных узоров, в том числе на днищах сосудов. В каменном инвентаре появляется большое количество орудий на отщепах и, особенно, плитках, кремня (Кочуровское 1 и 4 поселения, Моторки 2, Чумойтло 1). Для Кочуровского 1 поселения получена дата 5410 ± 60 BP (LE-1345), которая, в некоторой степени, может служить верхней границей существования памятников с подобной керамикой. Многие годы в литературе дается ссылка на дату поселения Чумойтло 1 - 4170 ± 90 BP. (LE-1289), причем разные авторы используют ее для подтверждения собственных выводов, при этом, не забывая подчеркнуть, что дата явно омоложена (Наговицын, 1988, Никитин, 1996). На факт несоответствия даты материалам памятника практически сразу было указано автором, поэтому все ссылки на эту дату вызывают недоумение (Голдина, Гусенцо-

ва,1979). Необходимо также напомнить, что образец угля взят из ямы с развалом сосуда украшенного шагающей гребенкой (раскоп 2) и никак не может быть использован для датировки накольчатого комплекса керамики (Вискалин,1999).

Для уточнения периодизации неолитических комплексов имеют значение даты, полученные для мезолитических памятников Баринка 1, 2, - 7435 \pm 170 ВР. (JE-1264), 8265 \pm 130 ВР (JE-1288), Моторки 2 (очажная яма сооружения 9) 7340 \pm 80 ВР. (JE-2846) (Гусенцова,1993). Они устанавливают нижние границы существования раннеолитических памятников, которые совпадают с датами сопредельных территорий, в частности, Верхней Волги.

В целом, неолит бассейна р.Вятки, представлен,вероятно, несколькими группами населения, различия в культуре которых наиболее ярко проявились в технологии изготовления и орнаментации посуды. Наиболее достоверными являются сведения о времени появления накольчатой керамики – V тыс.до н.э. и ее заключительного этапа - конец IV, начало III тыс.до н.э. Очевидно, в этом же промежутке времени жило население, изготавливавшее керамику с гребенчатой орнаментацией.

Т.М.Гусенцова, Н.А.Андреева (Санкт-Петербург, Подпорожье,Россия)

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И ВОПРОСЫ ИХ ПЕРИОДИЗАЦИИ

В настоящей работе рассматриваются памятники бассейна р.Оять, левого притока р.Свирь, соединяющей Ладожское и Онежское озера. За последние годы авторами разведано около 30 памятников, расположенных преимущественно на озерах или истоках рек, впадающих в р. Оять. Раскопано 12 стоянок, культурные слои которых содержат разновременные остатки от мезолита до позднего средневековья (Гусенцова, Андреева,1994;1996).

Особый интерес вызывают материалы мезолитической стоянки Падань 4 на оз. Чик-озере. В отличие от неолитических, она расположена на высокой части террасы озера (5-6 м). Культурный слой насыщен каменным инвентарем (120-300 экз. на 1 кв.м. раскопа). Ведущими категориями орудий являются скребки и вкладыши - сечения пластин с ретушью или резцовыми сколами. Целых форм накольчатых стрел нет, лишь на двух пластинах имеются следы ретуши, оформляющие черешок. Стоянка относится к кругу памятников типа Андозеро-М, Муромское 7 и может быть датирована VII-VI тыс. до н.э.

Ранний неолит представлен материалами, оставленными населением с различными культурными традициями, наиболее выразительными из которых является керамика: сперрингс, гребенчатая и ямочно-гребенчатая. Отдельные фрагменты керамики сперрингс имеются на большинстве памятников. Наибольшее количество содержат коллекции Падани 1, Шокшозеро 1 (бассейн р. Шокши, верхнее течение р.Оять), Ащозеро VIII (р.Ащина, левый приток р.Оять). Посуда изготовлена из грубого теста, содержащего органику, песок, дресву, охристые включения и иногда естественные примеси раковины. Большинство сосудов крупных размеров с диаметром горла до 40 см, но имеются и более мелкие- 20-22 см. Посуда орнаментирована оттисками «веревочки», рыбьего позвонка, прочерченными линиями или отступающим штампом. В качестве дополнительного украшения использовались ямки. Для изготовления орудий использовался местное кремневое сырье, в меньшей степени употреблялись кварц и сланец. На многих памятниках керамика сперрингс встречается с посудой, орнаментированной гребенчатыми штампами. Узор наносился длинными и короткими штампами в технике проката или отсту-

пания, иногда в сочетании с ямками. Она имеет сходство с ранней гребенчатой керамикой памятников Онежского озера - Челмужская 1, Шелтозеро, Тудозеро V (нижний слой) (Герман, 1998).

На большинстве стоянок преобладает керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, среди которой можно выделить три хронологические группы.

К раннему неолиту относится керамика, изготовленная из хорошо отмученного теста с добавлениями песка, очень редко дресвы, органики и шамота, иногда встречается окраска охрой. Сосуды крупные, диаметром горла более 30 см и мелкие, диаметром горла до 10 см. Форма их полуяйцевидная с округлым дном. Венчики прямые, «Г» - образные или округлые, иногда орнаментированные оттисками гребенчатого штампа. По технологическим признакам изготовления к этой группе отнесена и неорнаментированная посуда. Преобладает горизонтально-зональное размещение узора, состоящего из широких зон ямок, разделенных оттисками гладкого или зубчатого штампа, а также прочерченными линиями. На отдельных сосудах ямки расположены в шахматном порядке или образуют треугольники. Наибольшее количество ее найдено на стоянке Ащозеро 1, Падань 1, Шокшозеро IV. На стоянке Ащозеро 1 вместе с ней обнаружен кремневый инвентарь раннего типа (Гусенцова, Андреева, 1996). Описанная посуда характерна для памятников типа Андозера 1 (Ошибкина, 1978), карельских - Черная речка 1 (Лобанова, 1988).

По аналогиям с датированными памятниками бассейна Онежского озера памятники с керамикой сперрингс, гребенчатой и ранней ямочно-гребенчатой относятся к V-IV тыс. до н.э.

К развитому неолиту относится керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом широко распространенная в Прионежье (Лобанова, 1991). Сосуды различных размеров, примесью к глиняному тесту служили дресва, песок, шамот, толщина стенок сосудов 0,7-0,9 см. Они плотно украшены коническими ямками, разделенными на зоны наклонными или горизонтальными рядами гребенчатого штампа. В каменном инвентаре возрастает число наконечников стрел, ножей, рубящих орудий из сланца. Предварительная дата памятников с ранней и развитой ямочно-гребенчатой керамикой - IV тыс. до н.э.

Поздний (финальный) неолит с ямочно-гребенчатой керамикой представлен своеобразной группой посуды. Преобладают крупные, толстостенные круглодонные сосуды, с несколько разреженными орнаментальными зонами, состоящими из ямок различной конфигурации и заметным увеличением узоров, нанесенных гребенчатым штампом. Более разнообразными становятся форма венчиков и оформление верхней части сосудов геометрическими и другими композициями орнамента.

К заключительному этапу неолита также относится небольшая группа посуды с ромбоямочным орнаментом. По технологии изготовления, формам сосудов и характера орнаментального поля она близка вышеописанной. Обе группы керамики, обнаружены, в основном, на стоянках бассейна р. Шокша (Падань 1, Шокшозеро 1, 4).

Еще одной группой керамики, относящейся к позднему неолиту, является посуда с примесью в глиняном тесте асбеста. Выразительный комплекс этой керамики получен на стоянке Падань 1, отдельные фрагменты имеются на других памятниках. Посуда с прямыми, слегка профилированными, уплощенными и орнаментированными венчиками. Орнаментирована вся поверхность сосудов, но встречаются и свободные геометрические зоны. Узоры составляют наклонные, зазагообразные или прямые линии гребенчатого штампа, иногда в сочетании со

слабыми оттисками мелких овальных вдавлений. Следует отметить также наиболее низкое топографическое расположение памятников с подобной керамикой.

Все комплексы посуды позднего неолита, аналогичны карельским и, очевидно, относятся к концу IV-нач. III тыс. до н.э.

Следующей хронологической группой керамики является посуда с примесью в глиняном тесте растительности, орнаментированная узким гребенчатым штампом. Эта посуда в небольшом количестве присутствует на ряде стоянок и относится к эпохе энеолита или ранней бронзы.

В целом, хронология неолита бассейна р. Оять, близкого материалам юго-западного Прионежья, еще требует уточнений.

Lucyna Domańska (Łódź, Poland)

VARIOUS MODELS OF FORMATION OF THE EARLY FUNNEL BEAKER CULTURE FLINT INDUSTRY IN EUROPEAN LOWLAND

The paper focuses on the problems of the Funnel Beaker culture flint industry formation, development and diversity.

On the contemporary stage of researches two different models can be distinguished in a process of formation of the early FBC flint industry in the European Lowland. A particularly remarkable opposition exists between the Great Valley and lake-maritime zones of the Lowland.

In the first region, for which Kuiavia (a part of Polish Lowland) makes the best example, the early FBC flint industry is a development of Danubian model. A continuation of the Danubian tradition is especially significant in technology and in a general structure of the group of implements. These parallels seem to find their explanation in a location of this zone. It marks a northern border of the intensive Danubian colonization.

In the lake-maritime region of the northern European Lowland the oldest finds of the FBC were encountered in Schleswig-Holstein and in the south of Scandinavia. The flint industry of the FBC from this zone clearly relates to local Mesolithic traditions. The blade technic, and in the group of tools, truncated blades with concave edges, chipped flake axes and transverse arrowheads confirm a crucial position of the Ertebolle communities in the formation of the FBC from the lake-maritime zone.

In the second part of my paper I am going to discuss the role of the Subneolithic influences from the north-eastern Europe, marked by laurel arrowheads, in the process of FBC formation in the Polish Lowland.

И.Н. Езепенко (Минск, Белоруссия)

ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ БЕЛОРУССКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Неолитические памятники Центральной и Юго-Восточной Беларуси, которые занимают территорию междуречья Птичи и Днепра изучаются с конца XIX века (Данилевич, 1895, с. 12—18). Наиболее исследованным периодом неолитической эпохи в Правобережье Белорусского Поднепровья признается поздний неолит. Активные полевые работы 50—80-х годов XX столетия (Артеменко И.И., Тюрина И.М., Калечиц Е.Г.) позволили считать, что поздний неолит этой территории представлен памятниками верхнеднепровской культуры. Новые материалы, полученные в последнее десятилетие автором на стоянках низовьев Березины и долины Днепра (окрестности г. Рогачева и д. Лучин Рогачевского района Гомельской области) дают возможность включить эти памятники в ареал днепро-донецкой

культурной общности, отодвигая район распространения верхнеднепровских поселений несколько восточнее – в междуречье Днепра и Сожа.

Основные трудности в определении времени существования поздненеолитических памятников днепро-донецкой культуры Верхнего Поднепровья заключались в полном отсутствии абсолютных дат. Для изучаемой территории лишь в последнее время получена целая серия радиоуглеродных дат, значительная часть из которых может служить археологическими реперами для определения верхней границы неолита в Белорусском Поднепровье. Так, по нагару на поздненеолитической керамике и погребальной керамике раннего периода бронзового века, обнаруженной в основании культурного слоя памятника Прорва-2 (в 2 км на юг от г. Рогачева) комплекс находок этого поселения отнесен к первой четверти II тыс. до н.э. (Ki-6590 3945 ± 60 BP, Ki-6590 3920 ± 70 BP, Ki-6590 3870 ± 55 BP). Это в целом, не противоречит традиционной трактовке в отношении завершающего периода неолитической эпохи в Верхнем Поднепровье, который определялся на основании типологических характеристик кремневого инвентаря и поздненеолитической керамики концом III тыс. до н.э.

Прямые аналогии керамических комплексов поздненеолитических поселений долин Березины и Днепра с материалами нижней Припяти, в частности Юровичи-5, позволяют рассматривать их в рамках конца III и на протяжении IV этапов развития днепро-донецкой культуры. Уже с последней четверти III тыс. до н.э. начинается период сосуществования, взаимопроникновения и взаимовлияния в исследуемом регионе днепро-донецких древностей и среднеднепровской культуры раннего периода бронзового века. Это особенно ярко проявляется в стратиграфическом и планиграфическом распределении керамики в культурных слоях поселений, расположенных в пойме Днепра – Прорва-2, Прорва-4.

Нижняя граница позднего неолита для днепро-донецких поселений устанавливается только на основании типологического анализа керамики и отнесена, предположительно, к середине III тыс. до н.э. (Исаенко, 1978, с. 41).

Пока на сегодняшний момент не имеется ни палинологических, ни радиоуглеродных данных для того, чтобы удревнять возраст тех или иных неолитических поселений рогачевской группы (Борок Семиновский, Мошка, Дедное) и характеризовать их в пределах периода развитого (среднего) неолита. Спорово-пыльцевые диаграммы поднепровских памятников, в частности Сосонки и Завалья, охватывают первый этап суббореального периода (SB-1), который определяется на территории Беларуси в промежутке 5000—4000 лет тому назад (Еловичева, 1993).

I.Zagorska (Riga, Latvia)

NEW MESOLITHIC FINDS FROM LATVIA

The Latvian Mesolithic material, consisting mainly of bone and flint artifacts, found at the eastern and northern part of the country, has now been enriched with new flint finds from the central and western regions.

One of the most interesting places is Ziedonskola settlement site, discovered in the upper reaches of the River Lielupe, central Latvia. In this area the river has a distinctively formed valley with steep slopes, where two terraces may be traced. An elliptical formation 500 m in length and 200-260 m in width rises on the terrace on the left bank of the river.

There is a good reason to maintain that this is a former island, formed at a time when the river entered a glacial marginal basin, the shoreline of which was located approximately 20 - 24 km downstream.

The first people arrived here at the very end of the Paleolithic, during the Younger Dryas and the beginning of the Preboreal. This is evidenced by several flint finds - middle burins, backed blades, parts of tanged points and double - platform cores. The artifacts were made from high quality flint, now covered with white patina.

Ancient hunters repeatedly returned to this place in the following Boreal period - the Mesolithic (8th-7th millennium BC). During excavations led by author in the years 1998 and 2000, about 100 flint artifacts and 600 pieces of flint waste from secondary treatment were obtained. The finds include a tanged point of "Pulli" type, flint inserts, small scrapers and a variety of burins, as well as a microlithic inventory - trapezia, segments, lancets and truncated bladelets. Some handle-cores were found too. Microburin technique in the treatment of the flint was observed. In the producing the artifacts, good quality black flint was used, obtainable from strata in southern Lithuania.

The artifacts were found in the light-coloured sandy earth. No stratigraphical observations could be traced. The Late Palaeolithic and Mesolithic artifacts were found mixed together and were separated on the basis of typological features only.

These new finds have not been considered characteristic of the Latvian Mesolithic period until now. They appeared as a result of strong influence from southern areas - north-eastern Poland and Lithuania, while the eastern and northern part of Latvia is more connected with Estonia and Finland, where Kunda Culture traditions dominated.

Г.И Зайцева, В.А. Дергачев (Санкт-Петербург, Россия)

ИЗОТОПНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ИЗМЕНЕНИЮ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Хронологические исследования неолитических памятников на основе радиоуглеродного метода начались практически одновременно с внедрением этого метода в практику, т.е. с начала 60-х годов, и в этом большая заслуга Н.Н. Гуриной. Неолитические памятники лесной зоны Восточной Европы содержат практически весь спектр углеродсодержащих материалов, пригодных для радиоуглеродного датирования: уголь, дерево, кости, торф, почвы и т.д. Сейчас имеется около 1000 радиоуглеродных дат для памятников неолита Восточной Европы, в том числе около 600 радиоуглеродных дат для более 200 памятников лесной зоны Восточной Европы, включая страны Балтии. Систематизация ^{14}C дат в виде компьютерной базы данных позволяет проводить хронологические сопоставления на единой радиоуглеродной временной шкале. Практически для всех памятников определены географические координаты, что позволяет сравнивать и определять особенности и общие закономерности заселения территорий первобытными культурами. Так, северной границей памятников палеолита Восточной Европы является $\sim 57^\circ$ северной широты (за исключением регионов северного Приуралья), мезолитические культуры достигли 65° северной широты, а неолитические культуры продвинулись на север выше 68° .

Сравнение хронологических интервалов неолитических культур различных регионов, проведенное на основе базы данных радиоуглеродных дат, показало, что появление неолитических культур в южных регионах Восточной Европы ($42^\circ - 52^\circ$ с.ш.) датируется ~ 8200 BP (7000 BC). Примерно в это же время начали развиваться отдельные неолитические культуры и в некоторых частях центральной части Восточной Европы ($52^\circ - 60^\circ$ с.ш.), хотя в основном, начало неолита здесь датируется 7000-6500 BP (6500-6000 BC). Появление неолитических культур в северных регионах Восточной Европы ($>60^\circ$ с.ш.) наблюдается примерно на 1000 лет позднее, чем в центральных регионах. Таким образом, когда на юге Восточ-

ной Европы появились неолитические культуры, на северных территориях все еще развивались культуры мезолита. Несомненно, что это связано с изменениями климатических условий.

В настоящее время изотопные методы все более широко используются для реконструкции окружающей среды, дополняя традиционные методы.

В течение последних трех десятилетий развит и испытан целый ряд изотопных методов с целью реконструкции прошлых климатических изменений и изменений окружающей среды на континентах. При этом радиоактивные изотопы (^{14}C и ^{10}Be) могут служить как в качестве методов датирования, так и для выяснения причин, влияющих на изменение их концентрации во времени, а стабильные изотопы (^2D , ^{13}C и ^{18}O) выступают как индикаторы климата. Применение новых современных методов исследований и усовершенствование методов обработки данных позволяет получать детальные и надежные данные о природных процессах и закономерностях их изменений, в частности, о циклах разного ранга. В результате анализа данных по концентрации ^{14}C и ^{10}Be на шкале последних 10 тысяч лет удалось уточнить реальные крупномасштабные колебания их концентрации в прошлом, отражающие изменение солнечной активности и климата. Данные по регистрации космогенного бериллия (^{10}Be) в гренландских льдах довольно хорошо согласуются с данными по радиоуглероду. Поскольку на ^{14}C влияют как биологические процессы, так и процессы, связанные с изменением циркуляции в океане, а на ^{10}Be эти процессы не влияют, то корреляция исследуемых данных по ^{14}C и ^{10}Be в течение голоцена означает, что обнаруженные крупномасштабные эффекты отражают реальные изменения солнечной активности и климата в прошлом.

Протяженные периоды более холодного климата для северного полушария в течение следующих интервалов времени: 1900-1420 гг. н.э., 450-1150, 3050-4150, 5850-6850 гг. до н.э. и от 11300 до 12900 BP получены O'Brien et al. (1995) по результатам исследования кернов Гренландского ледника. В данных по концентрации радиоуглерода в голоцене наиболее значительные отклонения амплитуды приходятся на окрестность интервалов времени: ~450, ~2700, ~5000, ~7200 и ~9500 гг. от современности (от 1950 года). Совокупность изотопных, палеоботанических и др. данных фиксирует довольно большие отклонения климата в течение этих интервалов времени. Такие изменения климата означают, что температуры в средних и высоких северных широтах в указанные интервалы времени были потенциально наиболее холодными после события "молодой Дриас".

Гистограммы распределения радиоуглеродных дат базы данных удовлетворительно коррелируют с данными климатических изменений. Так, для холодного периода «молодого» Дриаса (~11000 BP) количество ^{14}C дат уменьшается. Такая же картина наблюдается и для временного интервала ~3500-4500 BP, соответствующему "неолитическому похолоданию", зафиксированному F.Rothlisberger (1986) в наступлении ледников.

А.М. Иванищев, М.В. Иванищева (Вологда, Россия)

ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО НЕОЛИТА ЮЖНОГО ПРИОНЕЖЬЯ

В конце 70-х - начале 80-х гг. в работах С.В.Ошибкиной и Г.А.Панкрушева был подведен определенный итог изучения мезолита-неолита Восточного Прионежья и Карелии. В работах исследователей была дана оценка известных на тот период памятников (в том числе и южного Прионежья). В 90-е гг. опубликовано большое количество работ, посвященных рассмотрению ранненеолитических

культур, их датировке и хронологии. По мнению почти всех исследователей ранний неолит характеризуется появлением первой керамики, близостью или генетической преемственностью каменного инвентаря позднемезолитическим комплексам и датируется временем конца VI - V тыс. до н.э..

Раскопки последних 15 лет в южном Прионежье таких памятников как Тудозеро -V, Кемское-III, Ундозеро-I, позволили авторам выделить группу памятников типа Тудозеро-V. В результате работ на многослойном поселении Тудозеро -У, расположенном на дюнном берегу между озерами Онежским и Тудозером, исследованы слои от эпохи мезолита до позднего средневековья, разделенные стерильными прослойками. Всего раскопками 1988-1994 и 1998гг. вскрыто 1052 кв. м. Поселение имеет четкую стратиграфию, что в целом редко для поселений эпохи неолита Карелии. Получен многочисленный керамический и орудийный материал, позволяющий говорить о преемственности материальной культуры (каменного инвентаря) ранне-неолитического слоя от поздне-мезолитического. Отличие их лишь в появлении керамики.

Коллекция керамики раннего неолита на поселении представлена фрагментами не менее чем от 270 сосудов, отличающихся от керамических комплексов сперрингс большим разнообразием форм сосудов и в целом их меньшими размерами. По форме выделяются 4 типа – полуяйцевидные, чашевидные, котловидные с шиповидным дном и блюдцеобразные (мисочки). Последние два типа известны в ранне-неолитических культурах Балтийского региона (Руднянской, Нарвской, Эртебелле) – имеющих близкие радиоуглеродные даты. Более распространены чашевидные сосуды, сближающие Тудозерскую керамику с верхневолжской, также входящие и в комплекс керамики Балтийского мира. Элементы орнамента – гребенка (в том числе наносимая естественными орнаментирами), фигурный штамп, позвонковый, веревочный, отступающий (прочерченный).

На основе стратиграфических и радиоуглеродных данных авторами выделены три фазы в развитии керамики. Первая фаза относится к периоду освоения технологии производства глиняной посуды и характеризуется преобладанием гребенчатой орнаментации, в том числе наносимой естественными орнаментирами (в нижнем горизонте ранне-неолитического слоя более 100 сосудов с гребенчатым орнаментом). Вторая фаза – появление в орнаментации оттисков позвонка при сохранении преобладания гребенчатого орнамента. Появляется техника отступания (прочерчивания). Третья фаза – уменьшается гребенчатая, идет развитие отступающей (прочерченной) орнаментации при использовании естественных орнаментиров, в том числе и позвонка. Появляются сложные узоры - наклонно-диагональные линии, корзиночная плетенка. По технико-типологическим признакам эта керамика сближается с керамикой сперрингс Карелии. По мнению авторов, ранняя гребенчатая керамика является не вариантом сперрингс, а по существу, исходна в развитии орнаментации керамики южного Прионежья, и в первую очередь для группы памятников типа Тудозеро-V.

Вопрос о хронологии керамики сперрингс, вероятно, можно решать, рассматривая хронологию памятников типа Тудозеро-V. С ранней фазой Тудозерской керамики соотносится радиоуглеродная дата 7240 ± 60 BP (ТА-2354) с низа жилища в раскопе 1989 г., полученная для слоя с гребенчатой керамикой. Ранний этап неолита южного Прионежья может быть синхронизирован с ранними центрами освоения керамического производства Русской равнины и Балтийского региона.

Вторая серия дат: 6250 ± 50 BP (ГИН- 8050) из очага в раскопе VIII, 6230 ± 120 BP (ГИН -7663) из очага в раскопе V, 6110 ± 100 BP (ГИН -7662) из очага в раскопе VI, соотносится со 2-ой и 3-ей фазами развития Тудозерской керамики. На

этом этапе начинается формирование признаков керамики сперрингс и оно синхронно 2-ой фазе развития верхневолжской керамики. Заключительный этап представлен керамикой сперрингс. На этом этапе она сосуществует с ранней ямочно-гребенчатой, что проявляется в формировании гибридных признаков.

В.Ф.Исаенко (Минск, Белоруссия)

ИСТОКИ И СУДЬБА НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ПОЛЕСЬЯ

Периодизация неолита Беларуси, которая опиралась на стадии развития основных культур припятского Полесья и Приднепровья, в основном выдержала проверку временем (см. автора "Неолит Припятского Полесья", Мн., 1976; КСИА, 1978, №151, "Белорусская археология", Мн. 1987; "Нарысы гісторыі Беларусі", ч.1 Мн., 1994). Учитывались схемы, разработанные для смежных регионов (Н.Н.Гурина, В.Н.Даниленко, Д.Я.Телегин, А.Я. Брюсов, Д.А. Крайнов, Ю.Костшевский, Л.Янитс, Р.Римантене). Неолит начался в 4500-4000 гг. до н.э., средний период 3500-2500 гг. до н.э., а поздний приходится на 2500-1800 гг. до н.э. Истоки и завершение существования неолитических культур уточнены.

Свидерская культура представлена в западно-полесском регионе группой крупных памятников (Любязь, Морочно, или Люботынь, Нобель, или Дедовка, Омыт, Ополь, Пульмо, или Свитязь, и др.). Она развивалась охотниками на северного оленя, кочевавшими по тундровым пространствам (Л.Л. Зализняк). Но, в отличие от Прибалтики, таковых не было в указанном регионе в позднеледниковое время, когда произрастали леса. Этот факт заставляет удревить местные свидерские памятники. Их можно отнести ко времени до аллереда, даже к максимуму Вюрма, т.е. 18-15 тыс. до н.э. Это еще более сближает их с липской культурой охотников на мамонта, в индустрии которой усматриваются истоки свидерской. Отсюда, с Волыни, свидерцы проникли в бассейн Вислы, не преодолели р.Вилии. Следующие стадии свидерской культуры, в которых проявилось богатство макролитических форм, попадают как на позднеледниковье, так и на начало голоцена. Лишь в 7000-6500 гг. до н.э. культура переросла в неманскую мезолитическую. Последняя подобна культуре типа Пиннберг, Дювензэе, Ольдэслое юго-западной Прибалтики, но отделена от последней областью, в которой распространились микролитические индустрии нарвянского, вислянского циклов (коморницкая и яниславицкая культуры). Четко прослеживается размежевание обеих областей водоразделом Немана и Буга, Августовской, Ружанской и Беловежской Пущами.

Неолитизация пришла в бассейны верхней Припяти и Немана с юга, Дунайской и Буго-Днестровской областей. О мощи культурных импульсов свидетельствует появление близкой керамической технологии, формы сосудов и части орнаментальных систем у Волынской и Неманско-Верхнеприпятской культур неолита. Между тем как они развились на разной мезолитической основе: для первой характерна микролитическая индустрия, подобная вислянской, яниславицкой культуре, для второй местная, неманская, с подавляющим господством макролитических типов орудий труда.

Самая древняя керамика Беларуси, основа ее "гребенчатых" разновидностей, раннего этапа неманской культуры, выявлена на стоянках по нижнему течению Верхней Припяти, истоки которых на Волыни. Отличается пористостью стенок из-за обильной растительной примеси, приземистыми широкогорлыми сосудами с высокой конической донной частью, примитивной, часто двухзональной орнаментацией (ряды вмятин и ямок, изреженных наколов, параллельные желобки и сетки, иногда расчёсы). По датировке она может оказаться ранее 4500-4300 гг. до

н.э., одновременна дунайской, линейно-ленточной, ее средней, “нотной” фазе, и на тысячелетие древнее самой ранней прибалтийской (Эртебеле, Цедмар, Дубичай). Для “лесного неолита” сохранилось прежнее размежевание.

Неолитические культуры прошли 3-4 фазы развития, каждая из которых была короче предыдущей. Неманская культура на поздней стадии появилась на среднем течении Вислы (Э.Кемписты), на территории племен, изготовлявших воронковидные кубки (с 2500 гг. до н.э.). Она не исчезла с появлением “шнуровиков”, прибалтийской культуры одиночных погребений, а преобразовалась в культуру бронзового века, соседствовала с тшцинецкой, могла дожить до 1100-1000 гг. до н.э., традиция штриховки сосудов перешли в железный век. Днепро-донецкая культура восточного Полесья и Верхнего Поднепровья несколько столетий сосуществовала со среднеднепровской, культурой шнуровой керамики, сомкнулась ко времени с культурами тшцинецкой, сосницкой и многоваликовой керамики, перешагнула через рубеж 1800-1600 гг. до н.э. Некоторые традиции культур неолитического общества ощутимы на всех последующих.

Е.В.Козин (Самара, Россия)

ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ

1. Под Северным Прикаспием понимается участок Северо-Прикаспийской низменности ограниченный р. Волгой с запада и р. Урал с востока. Здесь, в Волго-Уральских песках, экспедицией Самарского Госпединститута в 80-х – 90-х г.г. был открыт и исследован ряд памятников неолитического периода.

2. Относительная хронология неолита региона была построена на типологии каменного инвентаря. В качестве хронологического индикатора использовались мезолитические орудийные ансамбли. Место того или иного неолитического комплекса на хронологической линейке определялось по большей или меньшей степени типологической близости с ними.

Ранний неолит – памятники «кугатского типа». Каменная индустрия сохраняет все черты мезолитического периода. Особенно показательно бытование основного мезолитического набора геометрических микролитов – параллелограмм, сегмент, трапеция.

Развитый неолит – памятники «каиршакского типа», где в наборе геометрически микролитов сохраняются все типы, за исключением параллелограммов.

Поздний неолит – памятники «тентексорского типа», каменная индустрия которых претерпела значительные изменения, а из геометрических микролитов сохранились лишь трапеции представленные, в основном, типом «трапеция со струганой спинкой».

3. Абсолютное датирование ранненеолитических комплексов затруднено из-за отсутствия памятников с культурными горизонтами «in situ». Однако к настоящему времени, получена радиоуглеродная дата для образца со стоянки Каиршак Va 7255±95 BP (Ки-7663) (Комаров, 2000). Памятник относится к “жекалганской” группе памятников мезолита Северного Прикаспия, генетических связанных с памятниками “кугатского типа”. Данная дата позволяет отнести время бытования ранненеолитических памятников к рубежу VII-VI тыс. до н.э.

Представленные в лабораторию радиоуглеродного датирования ИГ РАН 4 образца, полученные при исследованиях сохранившихся «in situ» неолитических слоев более поздних периодов дали следующий возраст:

Стоянка Каиршак Ш: ГИН-5904 - 4500 ± 250 ВР, ГИН-5905 - 6950 ± 190 ВР, ГИН-5927 - 6720 ± 80 ВР; Стоянка Тентек-сор I: ГИН 6177 - 5550 ± 150 ВР.

Возраст образца ГИН-5904 вызвал сомнения в достоверности, т.к. его значение значительно отличалось от двух других образцов. Проверка по методу Поллака-Голсона позволила с достаточной степенью уверенности говорить о синхронности абсолютного возраста образцов ГИН-5905 и ГИН-5927 и об их полной асинхронности с абсолютным возрастом образца ГИН-5904. Если учесть тот факт, что образцы ГИН-5904 и ГИН-5905 были взяты из одного слоя, на одинаковой глубине, на близком расстоянии друг от друга и являются однородными по структуре и материалу (заполнение углистых линз), то будет позволительно считать образец ГИН-5904 чрезмерно омоложенным по каким-либо технологическим причинам.

Калиброванные значения радиоуглеродных дат для образцов со стоянок Каиршак Ш и Тентек-сор I составляют: ГИН -5905 - 5799 л. до н.э., ГИН -5927 - 5626 л. до н.э., ГИН -6177 - 4365 л. до н.э.

В соответствии со значениями радиоуглеродного возраста двух образцов со стоянки Каиршак Ш хронологический интервал (при 95, 4% вероятности) находится между 5980 г. до н.э. и 5506 г. до н.э., а для стоянки Тентек-сор I между 4580 г. до н.э. и 4240 г. до н.э.

Таким образом, можно предположить существование значительного хронологического интервала между бытованием памятников «каиршакского» и «тентексорского» типов. Наличием такого интервала можно объяснить различия в материальных комплексах памятников, проявляющиеся при типологическом сравнении.

4. Чтобы исключить сомнения, вызванные либо недостаточным количеством дат по ^{14}C , либо недоверием к результатам метода, обратимся к данным других источников.

Почвенные горизонты, содержащие культурные остатки «каиршакского типа» характеризуются двумя спорово-пыльцевыми комплексами. Первый, связанный с низами стоянки Каиршак Ш, характеризует палеоландшафты того времени как южные степи. Второй, связанный с верхней частью культурного слоя памятника, демонстрирует начавшуюся ландшафтную перестройку – сильно возросшую засоленность территорий, что отражает значительное потепление климата и изменение его в сторону усиления аридности (Лаврушин Ю.А. в совт., 1997)

Почвенные горизонты стоянки Тентек-сор I представили спорово-пыльцевой комплекс, характеризующий палеоландшафты как южные пустыни с теплым и влажным климатом. Причем, увлажненность создавалась не только атмосферными осадками, но и подъемом грунтовых вод.

Диагностируемые спорово-пыльцевыми спектрами различия температурных и влажностных режимов при формировании палеопочв, позволяют отнести время их формирования к различным плювиальным фазам.

5. Спорово-пыльцевые спектры Тентек-сора, практически совпадают со спорово-пыльцевыми спектрами, полученными из памятников хвалынской культуры Северного Прикаспия (Комбактэ, Каиршак VI), что позволяет отнести время формирования почвенных горизонтов, где отложились культурные слои, к одной плювиальной фазе. Этому не противоречат и результаты радиоуглеродного датирования образцов из памятников хвалынской культуры в Северном Прикаспии (Барынкин П.П. в соавт., 1997): стоянка Каиршак V – ГИН-6226 – 6000 ± 150 ВР; стоянка Каракудук – УПИ-431 – 5110 ± 45 ВР.

Существует ещё один аргумент в пользу существования памятников «тентексорского типа» и памятников хвалынской культуры в рамках одного плювиально-

го периода. Это факт наличия микроинтервала обратной полярной намагниченности (магнитной аномалии), зафиксированный в образцах, полученных из культурных горизонтов «тентексорских» и хвалынских стоянок (Тентек-сор I, Комбактэ). Данный микроинтервал имеет приблизительный возраст около 6 тыс. л.н. (Шадрухин А.В., в соавт.1991).

6. Таким образом, начальные звенья неолита Северного Прикаспия, представленные памятниками «кугатского типа» относятся к рубежу VII –VI тыс. до н.э. Памятники «каиршакского типа» (развитый неолит) бытуют в первой половине VI тыс. Памятники «тентексорского типа» существуют в середине – возможно первой половине V тыс.

Наличие значительного хронологического разрыва между памятниками «каиршакского» и «тентексорского» типов, существовавших в рамках одной культурной традиции, отражает сложные культурно-демографические процессы происходившие в Северном Прикаспии. Движущей силой этих процессов являлись ландшафтные перестройки, связанные с колебаниями баланса температур и влажности в среднем голоцене.

Е.Л. Костылева, Н.Е. Зарецкая (Иваново, Москва, Россия)

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО НАЧАЛЬНОМУ ЭТАПУ НЕОЛИТА ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

1. Ныне общепризнанно, что начальный этап неолита в Волго-Окском междуречье связан с появлением комплексов с накольчатой и неорнаментированной керамикой. Однако в хорошо стратифицированных условиях - в несмешанном виде - на поселениях они встречаются крайне редко (Становое-4, Окаемово-5,18). В соответствии с радиоуглеродными и палинологическими данными они относятся ко времени 7000-6500 л.т. н. (Энговатова А., 1998. С.245).

2. Раскопками прибрежной части стоянки Сахтыш-2а в Ивановской обл. в 1999 г. (М.Г.Жилин, Е.Л.Костылева) выявлен хорошо выраженный комплекс раннего этапа верхневолжской культуры, перекрываемый слоями второго и третьего этапов ее развития и более поздних культур, и подстилаемый финальным и позднебутовским мезолитом. Рассматриваемый комплекс находился в толще зеленовато-коричневого торфа с древесными остатками, мощностью около 40 см.

Насыщенность слоя керамикой по сравнению с аналогичными комплексами других памятников достаточно высокая. Преобладают неорнаментированные обломки плоскодонных сосудов с прямым венчиком. В нагаре с внутренней стороны встречаются зерна калины. Костяные орудия представлены наконечниками стрел, заострениями под углом 45°. Каменный инвентарь невыразителен.

3. Непосредственно под ранненеолитическим слоем, в нижней части зеленовато-коричневого торфа находился слабовыраженный финальномезолитический слой, в котором были найдены немногочисленные костяные орудия, отщепы, фаунистические остатки, а также две большие верши.

Отдельные фрагменты неорнаментированной керамики, встреченные на одном уровне с вершами, вероятно, связаны с проседанием их из вышележащего ранне-неолитического слоя в достаточно рыхлые прибрежные отложения.

Радиоуглеродные даты: верш - 7390±40 ВР (ГИН-10860) и вмещающего их торфа - 7530±60 ВР (ГИН-10861) - хорошо укладываются в серию дат по финальномезолитическим слоям торфяниковых стоянок Волго-Окского междуречья (Окаемово-4, 18а, Нушполы-11, Озерки-5, Ивановское-3, 7).

THE CHRONOLOGY OF ESTONIAN STONE AGE

The history of the research into the Stone Age in Estonia is more than 100 years old and chronology has been one of the central subjects of the investigations. The chronological systems of the 19th century were rather primitive (Grewingk 1871, 1874) and were easily abandoned when new material was added. At the beginning of the 1920ies developed a longer-lasting chronology Arne Mikael Tallgren (1922). He discriminated on principle between the bone and stone cultures of the Stone Age, determining in them several chronological stages, using place-names known already as appellatives and connecting them with the phases of the Baltic Sea or megalith constructions. In the second quarter of the 20th century, the connecting of archaeological finds with the climatic periods, established with the help of pollen analysis, assumed an important position in Estonian Stone Age chronology (Thomson 1928, 1930; Indreko 1932). At the beginning of the 1950ies Lembit Jaanits developed the chronology of the Neolithic period, mainly on the basis of the stratigraphy of Akali site, pollen analyses and analogies from the neighbouring countries, especially from Finland (Jaanits 1954, 364; 1955, 191). Absolute chronology was revised after the introduction of the radiocarbon method. In 1959, the laboratory for geo-bio-chemistry was established at the Institute of Zoology and Biology of the Academy of Sciences of Estonian SSR, which has given the greater part of the ^{14}C dates of Estonian Stone Age. The absolute chronology developed on the basis of these persisted almost invariably for a couple of decades and has been published, among the others, in the basic treatments on archaeology (Jaanits & Liiva 1973; Ilves *et al.* 1974; Jaanits *et al.* 1982; Jaanits 1992).

The new chronology of Estonian Stone Age was presented by the author in 1995. It was developed on the basis of fresh investigation results and the calibrations of the earlier datings, and it is the foundation of the chronological system presented here. As a whole it has been published only a couple of times (Kivimäe *et al.*, 1998; Kriiska *et al.*, 1999). Those calibrations were made on the basis of Gordon W. Pearson's and Minze Stuiver's ^{14}C calibration curve (Stuiver & Pearson, 1993; Pearson & Stuiver, 1993), mostly with the help of the computer program OxCal. Now a new program has been developed — CAL40DATA OxCal which corrects the datings quite remarkably, especially concerning the Early Mesolithic (125–150 years), and to a smaller extent also in the later part.

From the beginning of the Mesolithic (in the Estonia bears the common name of the Kunda Culture), three reliable ^{14}C datings come from the oldest hitherto known settlement site of Pulli: 9620 ± 120 BP (Hel-2206A), 9600 ± 120 BP (TA-245) and 9575 ± 115 BP (TA-176) ^{14}C years (Raukas *et al.* 1995, 121). These belong, with the probability of 95.4 %, to the period 9300–8600 cal. BC, which makes the average 8950 cal BC, considering the probability of 68.3 % even 9000 years cal BC.

The introduction of pottery has been considered the feature marking the beginning of the Neolithic period, in Estonia as well as elsewhere in North and East Europe (e.g. Oshibkina, 1996), unlike the regions where the beginning of the Neolithic is connected with the introduction of farming. The first settlement phase with pottery is called, after the settlement sites of the lower reaches of the Narva River, the Narva Culture. The latest datings of the pre-pottery Stone Age (Mesolithic) in Estonia belong to about 5000 years cal BC. The latest dating from the Võhma I settlement site, Saaremaa, is 5175 cal BC (6245 ± 200 BP — Ta-2652), from the Kõpu VII/VIII settlement site, Hiiumaa, it is 5120 cal BC (6172 ± 51 BP — Tln-2024), and from Kunda Lammasmägi and Narva Joaoru even 4950 cal BC (respectively 6015 ± 210 BP — TA-16, and 6020 ± 120 BP — TA-

17). The hitherto oldest reliable dating of the Stone Age with pottery comes from the Riigiküla IV settlement site: 6023±95 BP (Tln-1989), which makes the average of 4950 cal BC, and considering the probability of 68.2 %, even 4900 cal BC. In the final part of the Narva Culture there are several unanswered questions, and therefore the dating of these processes is hindered. It is not clear yet whether the Narva Culture continued into the Middle Neolithic. The latest reliable datings of the Narva Culture give the average of 4200–4100 cal BC: Ruhnu II — 4200 cal BC (5400±150 BP — Le-5628 and 5400±100 BP— Ta-2716), Kõpu I — 4160 cal BC (5330±90BP — TA-493) and Riigiküla XII — 4100 cal BC (5268±58BP — Tln-1992).

The beginning of the Middle Neolithic is marked by the formation of the Combed Ware Culture. Inside the Combed Ware Culture two typological and evidently also temporal groups can be determined on the basis of pottery: 1) Typical Combed Ware and 2) Late Combed Ware. Unfortunately the reliable ¹⁴C datings of the Typical Combed Ware are missing in Estonia. Doubtfully, the dating of human bones of a burial from Tamula — 5310±85 BP (Ua-4828), which makes the average 4150 cal BC (with the probability of 95.4 % 4330–3970 cal BC) — could be connected with the beginning of the stage. Since the period of the Typical Combed Ware has been rather short and relatively contemporaneous, we may also apply the datings of the neighbouring countries. Numerous ¹⁴C-datings of the Typical Combed Ware Culture have been made in Finland and the earliest belong to the period 4350–4300 cal BC (Pesonen, 1999, 200). In Latvia the earliest date, 4100 cal BC, of the Typical Combed Ware comes from the Zvejnieki cemetery grave no 206 (Zagorska, 1997, 43). The beginning of Estonian Typical Combed Ware could be provisionally dated to 4150 cal BC.

The earliest datings of the Late Combed Ware period have been made from human and seal bones from Kudruküla settlement site: 4860±60 BP (Cams-6266) and 4835±100 BP (Ua-4827), which give the average 3650 cal BC. At the same time pottery changed also in Finland, where the Late Combed Ware of Uskela type was formed (Carpelan, 1999, 259). The end of the Combed Ware Culture cannot be determined at the present level of investigations. The hitherto latest dating is made from an elk bone found from the settlement site of Villa I — 2000 cal BC (3570±240BP — TA-20). It is possible that the tradition of the Combed Ware continued up to the end of the Stone Age, probably even to the beginning of the Early Bronze Age.

The beginning of the Late Neolithic in Estonia is marked by the formation of the Corded Ware Culture (Boat-axe Culture). Still, only one reliable dating of the Corded Ware Culture has been obtained in Estonia. The analysis of the charcoal sample from the cultural layer of the settlement site of Riigiküla XIV gave the result 3970±100 BP (Ta-2680), which gives the average 2500 years cal BC (with the probability 95.4 % 2900–2100 years cal BC). Typologically, the Riigiküla XIV settlement clearly represents the later, not the earlier phase of the Corded Ware. When determining the beginning of the culture we must again rely upon the dates from the neighbouring countries, and the wider context of the Corded Ware/Battle-Axe cultures in Europe. The earliest Latvian datings give the average 3500–3145 cal BC (Loze, 1992, Tab. 1) and dates from Finland 3250 and 2950 cal BC (Edgren, 1992, 92). The earliest dates of the Battle Axe cultures elsewhere in Central and East Europe also belong to the period of about 200 years before 3000 cal BC, while the Scandinavian ones are a little later (Malmros & Tauber, 1977; Jensen 1989, 16; Larsson 1989, 64, 68). Considering the above datings and the logic of the distribution of the Corded Ware Culture we may assume that the beginning of the Corded Ware Culture in Estonia falls to about 3200 cal BC. At the present level of knowledge the duration of the culture cannot be estimated yet. It is possible that, likewise the Late Combed Ware Culture, it has continued up to the end of the

Stone Age or even to the beginning of the Bronze Age. Unfortunately the processes of that period are very poorly investigated in Estonia. Generally, the agreed limit between the Stone and the Bronze Ages at 1500 BC, the date of the earliest known bronze objects in Estonia, has been used (Lõugas, 1970, 97).

Станислав Кукавка (Торунь, Польша)

ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУР НЕОЛИТА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ В КУЛЬТУРЕ ВОРОНКОВИДНЫХ КУБКОВ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПОЛЬШИ. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Культура воронковидных кубков (КВК) является лучше всего исследованной для неолитических культур северо-восточной части Среднеевропейской Низменности. Особенное значение здесь имеют археологические исследования на территории Куяв и хелминской земли. Схемы развития КВК в этой зоне построены на основании технологических характеристик (примеси в тесте, обжиг, толщина) и стилистических (формы и орнаментация) приемов изготовления сосудов. Хронологические рамки этапов развития определены на основании большой серии радиоуглеродных датировок.

В керамике КВК очень рано появились элементы культур неолита лесной зоны. Из комплекса этих культур происходят расчёсы в виде орнамента на внешней поверхности сосудов. Они типичны для монтевской (с концентрацией стоянок на Куявах) и хелминской (с концентрацией стоянок на хелминской земле) групп КВК. Наиболее отличительная черта - орнаменты сделаны отпечатками гладкого или гребенчатого штампа, гладкими или трубчатыми вдавлениями, насечками, нарезками и т.д. В основном это такие орнаменты - как повторяемые на поверхности сосуда горизонтальные, реже вертикальные или диагональные, линии. Бывают орнаменты более сложные, например, шахматные. В самом главном этот вид орнамента типичен для хелминской группы КВК. Следующая отличительная черта - орнаменты венчиков (гладкие отпечатки, нарезки или насечки).

Вся эта орнаментация выступает на специфических формах сосудов - глубоких мисках и мешковидных сосудах. Часто у этих сосудов утолщённый и скошенный венчик. Они плоскодонные, остродонные диничные. У этих горшках отсутствуют ручки.-ушки. Они так же имеют особенности в технологии изготовления - для них характерна толченая раковина добавленная в керамическое тесто. Раньше такая примесь в КВК не отмечалась.

Следует упомянуть и о типичных орнаментах ранних амфор КВК, на которых вместо отпечатков гладкого появились гребенчатые штампы.

Из некерамических материалов пока можно отнести к показательным кремневые лавровидные наконечники стрел.

Все описанные элементы характеристики керамики, в основном можно связывать с кругом нарвской культуры. Однако, пока очень трудно утверждать об едином генетическом центре, поскольку пришлые элементы в КВК сильно трансформированы. Можно сказать, что самыми близкими этой культуре являются материалы типа Пестиня (пост-нарвской культуры), хотя некоторые их элементы прослеживаются и в других культурах (типа Цедмар, типа Швянтойи, в усвятской культуре и других). Возможно, это связано с какой то неизвестной пока группой нарвской культуры, которая жила между ареалами сообществ цедмарского типа и КВК, но об этом пока трудно утверждать с определенной

достоверностью. Можно также предположить, что некоторые элементы происходят из культуры гребенчатой керамики.

По хронологии можно сказать, что распространение самого большого количества северо-восточных элементов соответствует времени существования памятников монтевской и хелминской групп. Хелминская группа датируется 2900/2800 - 2400/2300 до н.э.; монтевская группа датируется 2700-2500 до н.э. К более ранним северо-восточным элементам в КВК можно отнести кремневые лавровидные наконечники стрел, а также керамику. Они связаны с материалами фаз ПБ (3300-3000 лет до н.э.) и ША на Куявах, а также с фазой П (3100-2900/2800 лет до н.э.) на хелминской земле. Черты керамики напоминают материалы пост-нарвской культуры (типа Пиестиня) и реже типичную гребенчатую керамику. По мнению автора, начало влияний северо-восточных культур неолита лесной зоны в КВК прослеживается не позднее 3100 лет до н.э. и они продолжаются до конца существования КВК на хелминской земле, т.е. до 2400/2300 лет до н.э.

Из культурно-хронологических исследований КВК следует отметить три главных вывода в связи с влияниями соседних неолитических культур лесной зоны:

1. Экспансия населения культуры гребенчатой керамики на территорию нарвской культуры (до северо-восточной Польши), произошла не позднее 3300/3200 лет до н.э.

2. Гибридные формы культуры с элементами нарвской и гребенчатой культур (близки материалом типа Пиестиня) появились не позже чем 3100 лет до н.э.

3. Возможно, до сих пор неизвестная нам группа восточных неолитических сообществ уже занимала на юге более широкую территорию, чем до сих пор принято считать.

М.А.Кулькова (Санкт-Петербург, Россия)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАЛЕОКЛИМАТА И ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДВИНСКО-ЛОВАТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ (по данным геохимических исследований озерных отложений)

В Ловатско-Двинское междуречье входит комплекс неолитических памятников, приуроченных к озерным осадкам голоцена. Озерные долины, в которых происходило осадконакопление в период голоцена, сложены флювиогляциальными и моренными отложениями вюрмского возраста. Эти геологические особенности, а также сходные геоморфологические черты озерных котловин позволяют рассматривать эти памятники как один палеогеографический комплекс. Наиболее детально был исследован комплекс палеоозер в районе дер. Рудня, Сертея Велижского района Смоленской области. Голоценовые отложения представлены 8-ми метровыми толщами сапропелей в центральной части озер и метровой толщей песков и алеврита в прибрежной части. Изучение стратиграфии, минерального и химического состава озерных отложений дает возможность для реконструкции палеоклимата и моделирования хронологической последовательности седиментации.

С этой целью были отобраны образцы сапропелей из 2-х скважин, расположенных в различных частях долины. Образцы песчано-алевритовых отложений были отобраны в прибрежной части долины на поселении Сертея XIV. Для определения химического состава осадков были выполнены спектральный эмиссионный полу-

количественный и количественный анализы. Изучение минерального состава песков и алевритов исследовалось под микроскопом, а также с помощью ИКС.

Для установления факторов, влияющих на образование озерных отложений, применялся один из методов многомерной статистики – метод главных компонент факторного анализа. Первый фактор показывает глубину образования осадков. Для песчано-алевритовых отложений первый фактор позволяет установить более детальную динамику развития водоемов. Эти наблюдения особенно важны для установления относительной хронологии памятников. Второй фактор характеризует щелочно-кислотные условия среды образования сапропелей и может быть связан с развитием организмов в водоеме. Для песчано-алевритовых отложений второй фактор отражает степень изменения минеральных зерен в связи с изменением температуры климата. Третий фактор также является значимым. Для сапропелевых отложений он определяет окислительно-восстановительный характер среды, что отражает температурные условия. Для песчано-алевритовых отложений третий фактор характеризует степень изменения минеральных зерен в зависимости от влажности климата. В связи с этим, по значениям факторных нагрузок можно охарактеризовать каждый образец и выявить влияние на него факторов, предположить условия его образования, характер среды, климатические изменения, выявить стадии голоцена в данном районе. Минеральные ассоциации в песчано-алевритовых отложениях являются чуткими индикаторами изменения палеоклимата. Появление тех или иных минералов может служить хронологическим показателем при разделении стратиграфической серии.

Таким образом, можно выделить несколько видов сапропелей, которые по своему составу и условиям образования характеризуют те или иные климатические фазы голоцена в данном районе. Им соответствуют песчано-алевритовые прибрежные отложения, имеющие определенные минералогические и геохимические характеристики. Сапропель темно-черного цвета, обедненная органической составляющей, характерна для отложений пребореального периода. Прибрежные осадки этого периода состоят из алеврита, содержащего гидротроиллит и гидрогетит. Отложение сапропеля, обогащенного карбонатной составляющей, приурочено к осадкам бореального периода. Прибрежные отложения этого периода также характеризуются повышенным содержанием карбонатной составляющей. Отложения оливкового сапропеля характерны для атлантического периода, который отличается теплым климатом и высокой солнечной активностью. Прибрежные отложения атлантического периода представлены светло-желтыми песками с включениями растительных остатков. В спектрах ИКС появляются линии, относящиеся к соединениям азота.

Увеличение содержания азота, как отмечает Ю.Галчене, характеризует озерные отложения Атлантического периода. К этим отложениям приурочены археологические находки сертейской культуры, с радиоуглеродными датами 7300±180 ВР (ЛЕ -5260) 7300±400 ВР (ЛЕ- 5261) ВР. Середина Атлантического периода характеризуется похолоданием.

Последующее потепление климата отражается в составе песчано-алевритовых отложений, к этому времени относятся материальные остатки руднянской культуры, имеющие даты по ^{14}C : 6240±60 ВР (ЛЕ- 3054), 6230±40 ВР (ЛЕ- 2568), 6180±70 ВР (ЛЕ- 2569), 6130±40 ВР (ЛЕ- 2579), 5940±60 ВР (ЛЕ- 2566), 5940±45 ВР (ЛЕ- 4101), 5850±70 ВР (ЛЕ- 4100).

В конце Атлантического периода отмечается крупная регрессия. К отложениям, характеризующим этот период относятся находки, принадлежащие фазе fl1 и

типа слоя В Сертеи X и VIII, с датировками по ^{14}C 5260±20 BP (JE -5266), 5180±50 BP (JE -5265), 5120±80 BP (JE- 4113), 5100±70 BP (JE- 5259).

Прослой растительного и древесного сапропеля принадлежат к суббореальному периоду, характеризующемуся теплым климатом, распространением растительности и уменьшением площади водоемов. Прибрежные отложения этого периода представлены неравномерно-зернистыми песками, содержащие выветрелые зерна микроклина и плагиоклаза, кварцевые зерна, покрытые гидроокислами железа, что характеризует сухой климат. К этому времени относятся свайные поселения усвятской культуры с датировками ^{14}C 4870±40 BP (JE-256), 4830±40 BP (ТА-242), 4760±100 BP (JE-4112), 4720±40 BP (JE-3003), 4620±65 BP (JE-4110), 4590±65 BP (JE-4103), 4570±70 BP (ТА-105), 4440±60 BP (JE-2585); 4310±80 BP (JE-243), 4210±70 BP (ТА-202), 4150±80 BP (ТА-817), 4120±60 BP (ТА-633), 4100±70 BP (ТА-203), 4090±70 BP (ТА-203), 4030±50 BP (JE-1007). В данном районе свайные поселения приурочены к древесному сапропелю.

В сапропелевых отложениях субатлантического периода с более прохладным климатом, уменьшается количество растительных остатков. Прибрежные отложения представлены почвенно-растительным слоем. Итак, на протяжении голоцена палеозера постепенно заполняется осадками, мелеет, зарастает. Наряду с направленным снижением уровня и обмелением наблюдаются ритмические колебания уровня. Выделяются трансгрессивные фазы: в пребореальное время, во вторую половину бореального времени, в первую половину атлантического времени, в середину суббореального и во второй половине субатлантического периодов. Сменяющие их регрессивные фазы отмечаются в первую половину бореального времени, во вторую половину атлантического, в конце суббореального и в середине субатлантического периодов.

В заключение необходимо отметить, что благодаря полноте геологической летописи, запечатленной в озерных осадках, тесной связи озер с ландшафтом, изучение их истории имеет исключительное значение для выявления динамики географической среды, ее влияния на развитие человеческого общества.

M. Lavento (Helsinki Finland)

TRANSITION FROM THE NEOLITHIC TO THE BRONZE AGE - DATING THE BEGINNING OF THE BRONZE AGE IN FINLAND

The chronology of Finnish Neolithic is traditionally based on detailed ceramic typology and application of shore displacement phenomenon. The absolute chronology has been approached by dating find contexts by conventional carbon-14 method and since the late 1990s by dating ceramics itself with the help of AMS (Accelerating Mass Spectrometry) method. Bronze Age and Early Metal Period chronology is traditionally based on Scandinavian chronology and typology of bronze implement types.

The use of different dating methods has caused problems in fitting Neolithic and Bronze Age chronologies together. Further, the calibration of radiocarbon datings has transferred carbon-14 ages older.

During the Late Neolithic two separate culture areas emerged in Finland.

The coastal area of the Baltic Sea reflected the western influence in the form of Battle Axe culture, Kiukainen culture and the Bronze Age culture. During the Middle and Late Neolithic eastern Finland was characterized by the culture of Asbestos ceramics, which became, however, abruptly replaced by Textile ceramics in the beginning of the Early Metal Period.

This presentation concentrates on discussing the transition period from Late Neolithic to Bronze Age and Early Metal Period in Finland. The main emphasis has been laid on elucidating transition period from the viewpoint of different chronologies. Also the most recent carbon-14 and AMS datings will be presented. According to this data the earliest calibrated datings for the Early Metal Period ceramics are ca. 1800 calBC. The Finnish chronologies will be also shortly discussed in relation to the Textile ceramics in Russia.

Г. М. Левковская (Санкт-Петербург, Россия)

ХРОНОЛОГИИ И ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ ОЗЕРНЫХ ТРАНСГРЕССИЙ И РЕГРЕССИЙ ЭПОХ МЕЗОЛИТА, НЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ (ЛУБАНСКАЯ И ЦЕДМАРСКАЯ НИЗИНЫ)

Статья основана на материалах по голоценовой истории озер Лубанас (Восточная Латвия) и Цедмар (Калининградская область России).

Голоценовые отложения Лубанской низины датированы 80 радиоуглеродными датировками (Лозе, 1979, 1982, 1988; Лозе, Лийва, 1986; Векслер, Пуннинг, 1988) и охарактеризованы 25 спорово-пыльцевыми диаграммами, полученными разными палинологами и обобщенными в монографиях по археологии неолита и ранней бронзы Лубанской низины (Лозе, 1979; 1988), а также по палеогеографии (хроносрез 7700–3500 лет от наших дней) этого района (Левковская, 1987).

Для голоценовых отложений Цедмарской низины ранее (Gross, 1939) было опубликовано 17 спорово-пыльцевых диаграмм, полученных для буровых профилей, вскрывающих строение озерно-болотных отложений котловины, в которых (Stadie, 1921) были собраны первые археологические коллекции. В последние десятилетия здесь были произведены археологические раскопки на многослойной стоянке Цедмар А, а также на стоянке Цедмар Д (Долуханов, Тимофеев, Левковская, 1975; Тимофеев, 1980, 1981, 1983; 1996, Timofeev, 1987, 1991, 1996). Для этих стоянок опубликовано 47 радиоуглеродных датировок (Dolukhanov et al., 1975, Timofeev, 1980, 1983, 1987, 1991; Зайцева, Посснерт, Тимофеев, 1993; Тимофеев, Зайцева, Посснерт, 1998), в том числе 10 “акселерированных”. Для датированных радиоуглеродным методом разрезов Цедмар А и Цедмар Д Г.М. Левковской получены спорово-пыльцевые диаграммы.

Радиоуглеродное обоснование хронологии отложений Лубанской и Цедмарской низин дополняют (Левковская, 1987) 43 радиоуглеродные датировки, имеющиеся для наиболее характерных палинологических уровней на голоценовых спорово-пыльцевых диаграммах верхового болота Зосу (расположено вблизи Лубанской низины) (Ильвес, Медне, 1979) и других районов Восточной Прибалтики и прослеживающихся на диаграммах районов исследований.

Большинство перечисленных выше радиоуглеродных датировок и палинологических данных, полученных для стоянок, могут быть использованы также для абсолютного или относительного датирования трансгрессий и регрессий Лубанского и Цедмарского палеозер Котловины этих озер являются уникальными георхеологическими объектами для изучения палеорегрессий: в них ниже современного уреза воды (имеется в виду положение уровня грунтовых вод до проведения на обеих низинах мелиоративных работ) под субатлантическими торфяниками погребены остатки более чем двух десятков не свайных поселений каменного века и ранней бронзы, а голоценовые толщи, заполняющие котловины этих озер, представляют чередование индикаторов регрессий (культурные слои, залегающие ниже современного уреза воды или на поверхности сапропелей и других

озерных осадков, а также наземные торфа и другие субаэральные отложения) и индикаторов трансгрессий (озерные осадки — алевриты, диатомиты, сапропели и торфа, образованные остатками прибрежно-водных растений и т. д.).

Данные о голоценовых трансгрессиях — регрессиях оз. Лубанас можно найти в ряде публикаций (Rieksts, 1974; Эберхардс, 1969, 1981; Лозе, Эберхардс, 1983; Лозе, Лийва, Стелле и др., 1984; Davydova, Raukas, 1986; Левковская, 1987; Кабайлене и др., 1992). Наиболее четкая хронологическая информация, рассматриваемая в данной статье, имеется для четырех трансгрессий — мезолитической, раннеолитической, среднеолитической и поздней (субатлантической). Мезолитическая трансгрессия озера Лубанас отмечалась (по Лозе, Эберхардс, 1983; Davydova, Raukas, 1986) между 9570–7370 годами с максимумом около 9575 ± 80 лет от наших дней. Она достигала отметки 95.0 м (до мелиорации меженный уровень озера был 90.8 м). Началу раннеолитической трансгрессии наиболее близко отвечают датировки 5880 ± 80 ВР, 5780 ± 70 ВР и 5730 ± 50 ВР (ЛЕ-961, 962 и 850) от наших дней. Позднеолитическая трансгрессия закончилась ранее 4170 лет от наших дней. Во время средне- и позднеолитических трансгрессий уровень воды в озере поднимался примерно на 1 м (соответственно до отметок 92.2 и 91.8 м). Во время этих трансгрессий поселения могли подниматься на склоны позднеледниковой береговой линии с абсолютными отметками 95–97 м. Субатлантическая трансгрессия также достигала отметок примерно 92 м. Но во время паводков вода в озере (до мелиоративных работ) иногда поднималась до отметок 95–97 м, затопливая всю низину (Rieksts, 1974; Лозе, Эберхардс, 1993; Davydova, Raukas, 1986). Поэтому в субатлантике (после эпохи ранней бронзы) Лубанская низина стала необитаемой.

Во время регрессий Лубанская низина оказывалась доступной для заселения аборигенами и новыми обитателями. Наблюдается совпадение начала ряда археологических эпох с регрессивными фазами озера. По И. А. Лозе (Лозе, 1979, 1982, 1988; Лозе, Лийва, 1986) на Лубанской низине начало раннего неолита датируется 6450, среднего — 4590, позднего — 4000 и ранней бронзы — 3640 лет от наших дней. Началу трех регрессий на Лубанской низине наиболее близко отвечают датировки, полученные для разрезов стоянок: Звидзе — 7370 ± 90 ВР (ТА-857) для первой регрессии, Сулька — 5260 ± 70 ВР (ЛЕ-836) — для второй, Найниексте — 4170 ± 130 ВР (ЛЕ-648) и Абора 1В — 3870 ± 70 ВР (ЛЕ-670) — для третьей. Возможен более ранний возраст второй регрессии, вызванной общеклиматическими изменениями, т. к. на верховом болоте Зосу резкое изменение палеогидрологических условий (превращение существовавшего на протяжении более двух тысячелетий низинного осокового болота в древесное переходное болото) произошло около 5620 ± 70 ВР (ТА-879). Литологические, радиоуглеродные и археологические материалы (Gross, 1939; Тимофеев, 1980; Timofeev, 1991;), а также неопубликованные палинологические данные Г. М. Левковской по стоянке Цедмар А говорят о том, что вторая регрессия, возможно, прерывалась двумя очень кратковременными трансгрессиями или двумя этапами высоких паводков и закончилась ранее 4280 ± 80 ВР (ЛЕ-1343) лет от наших дней. Последняя датировка относится к низам сапропеля (осадки трансгрессии), перекрывшего раннеолитический культурный слой, который имеет следующие радиоуглеродные даты: 5400 ± 90 ВР, 5300 ± 60 ВР, 5280 ± 50 ВР, 5120 ± 50 ВР, 5100 ± 60 ВР, 5100 ± 50 ВР, 4920 ± 80 ВР, 4955 ± 110 ВР, 4920 ± 80 ВР, 4900 ± 80 ВР, 4870 ± 80 ВР, 4730 ± 140 ВР. Приведенные данные говорят о том, что в Цедмарской котловине вторая регрессия достигла своего максимума позднее 4730 лет от наших дней. На Лубанской низине со второй среднеголоценовой регрессией связан переход от раннего к среднему неолиту

— появление около 4590 лет от наших дней (Лозе, 1988) поселений с гребенчато-ямочной керамикой. Для датирования максимума этой регрессии наиболее важны данные по гипсометрически низко расположенному поселению Сулька (Долуханов, Левковская, 1971), которое выделяется среди 46 памятников с гребенчато-ямочной керамикой, известных в Восточной Латвии, наиболее чистым гребенчато-ямочным комплексом (Лозе, 1984). Данные по этой стоянке говорят о том, что максимум второй среднеголоценовой регрессии отмечался на низине озера Лубане позднее 4850 ± 60 ВР (ЛЕ-834). Эта регрессия коррелируется с регрессией Балтики в Западной Латвии (Вентспилский район), продатированной шестью радиоуглеродными датировками от 4700 ± 250 ВР (ТА-26) до 4639 ± 100 ВР (Вln.-100). Здесь на осушенной поверхности прибрежной лагуны литоринового моря на стоянке Сарнате (Ванкина, 1970; Dolukhanov, 1973) обнаружено около 40 жилищ двух типов ("сарнатского" типа — с нарвской керамикой и гребенчато-ямочной керамикой). Эта регрессия Балтики отмечалась между 4700–4400 годами от наших дней ((Lundqist, 1965; Мцнер, 1965; Berglund, 1970; Dolukhanov, 1973, 1977; Винбергс, Стелле, 1981; Кессел, Раукас, 1984; Римантене, Кунсткас, 1984 и др.). Максимум этой регрессии синхронен сухой фазе 1850-летнего климатического ритма повышенной — пониженной увлажненности А. В. Шнитникова (1970). Третья средне-поздне-неолитическая регрессия, начавшаяся на Лубанской низине около 4170 ± 130 лет от наших дней, завершилась на озерах Лубанас и Цедмар позднее 3700–3500 лет от наших дней: позднее времени существования на низинах поселений эпохи ранней бронзы, для которых получены радиоуглеродные датировки на стоянке Цедмар А — 3690 ± 110 ВР (ЛЕ-1320) и на стоянке Лагажа — 3685 ± 80 ВР (ТА-749) и 3640 ± 70 ВР (ТА-396). Во время указанной регрессии на Лубанской низине (по Loze, Eberhards, 1983; Davydova, Raukas, 1986) сменялись культуры среднего неолита, позднего неолита и ранней бронзы. Указанная регрессия требует дальнейшего исследования, т.к., возможно, внутри нее выделится еще один трансгрессивный этап и время завершения этой регрессии требует дальнейшего радиоуглеродного обоснования.

Во время трех средне-неолитических регрессий для озера Лубанас реконструируются понижения уровней озера (Лозе и др., 1984, с. 42) с амплитудой 1.5–2.0 м. Уровень озера Цедмар во время второй среднеголоценовой регрессии был примерно на 1 м ниже, чем сейчас (Тимофеев, 1980). Данные об осушении поверхности Сарнатской лагуны указывают на более значительный масштаб палеогидрологических изменений в Восточной Прибалтике во время максимума этой регрессии.

Во время регрессий некоторые поселения существовали на Лубанской низине на разных геоморфологических уровнях, т.к. в среднем голоцене здесь сформировались среднеголоценовые террасы, погребенные под субатлантическими торфяниками (Левковская, 1987; Levkovskaya, 1991). Серия погребенных террасовых уровней на абсолютных отметках 93.0, 92.0–92.3, 90.0–90.2, 89.0–89.2 и 87.2–87.5 м выявлена Г. Я. Эберхардсом по результатам бурения в районе поселения Звидзе и на низине (Лозе, Лийва, Стелле и др., 1984), датировки которых авторы не приводят. По неоднородности среднеголоценовых частей спорово-пыльцевых диаграмм, венчаемых одинаковыми субатлантическими палиногоризонтами, а также по данным диатомового анализа, по археологическим, геологическим (регрессионные контакты отложений) и радиоуглеродным показателям реконструируются (см.: Левковская, 1987, рис. 6: с. 18; и рис. 17–19: с. 132–135) три погребенных террасы для поселения Оса (террасы с поздне-мезолитическими и ранне-неолитическими находками и радиоуглеродной датировкой культурного слоя около 6500

лет от наших дней; с раннеэнеолитическими находками и датировками около 5900–5700 лет и более поздняя терраса) и две террасы выявлены для раскопанных И. А. Лозе (Лозе, 1979, с. 11–26) высокой и низкой частей поселения Абора 1В. На спорово-пыльцевых диаграммах осадкам этих террас, перекрытым субатлантическими отложениями, отвечают различные локальные “лубанские” палиноподзоны, возраст которых обоснован 120 радиоуглеродными датировками (Левковская, 1987, с. 32–33 и 39). В районе поселения Оса осадкам террас отвечают следующие подзоны: мезолитическая терраса — 5–8а, раннеэнеолитическая — 8б–9, и поздняя терраса — 10–11. Они датируются, соответственно, 7.3–5.6, 5.6–4.5 и 4.5–4.2 тысячами лет от наших дней. В районе поселения Абора 1В осадкам террас соответствуют подзоны 12–14 и 14, датируемые, 4.2–4.1, 4.1–3.8 и 3.8–3.6 тысяч лет от наших дней.

Врезы между террасами формировались во время регрессий. Времени максимумов регрессии и формирования врезов между террасами в более высоких частях разрезов отвечали перерывы в осадконакоплениях, в результате чего разновозрастные поселения существовали на одной и той же поверхности. Подобная ситуация зафиксирована на стоянке Цедмар А для верхнего культурного слоя с находками раннего железного века и находками более ранней шнуровой керамики и радиоуглеродными датировками 3600 ± 10 ВР (ЛЕ-1320), (контакт с нижележащим слоем сапропеля), 1890 ± 100 ВР, 1625 ± 45 ВР, 1640 ± 40 ВР, 1700 ± 20 ВР (ЛЕ-271, Вln-200, ЛЕ-1322).

Палеоклиматические реконструкции, выполненные для Лубанского района на основе математической обработки В. А. Климановым (Левковская, Климанов и др., 1986; Левковская, 1987, рис. 2: с. 8–9) палинологических данных по разрезу верхового торфяника Зосу и по верхам разреза Звидзе без культурных слоев, не затронутого антропогенными воздействиями, показывают, что голоценовые палеогидрологические условия низинных голоценовых озер Балтики зависели от климатических условий: начальные фазы регрессий совпадают с периодами (Левковская, 1987, рис. 2: с. 8, 9), когда годовая сумма осадков в Восточной Латвии была примерно на 50 мм ниже, чем сейчас. Во время максимума второй среднеголоценовой регрессии снижение годового количества осадков было более значительным (около 70 мм). Первая регрессия развивалась в условиях климата теплее современного. Вторая и третья регрессии характеризовались (кроме короткого этапа внутри третьей регрессии) зимними похолоданиями: температуры зимой были на 0.5 – 1.0° С ниже современных. Летние температуры во время регрессий варьировали — были выше, ниже, или близки современным.

Основные выводы, вытекающие из рассмотренных материалов, следующие:

1. Для голоцена Лубанской низины реконструируется (Лозе и др., 1984, с. 42) шесть трансгрессий (пребореально-бореальная, две — атлантических, две — суббореальных и одна атлантического времени), а также ряд регрессий. Радиоуглеродное обоснование некоторых из этих палеогидрологических этапов — дело будущего. В данной статье рассмотрены материалы по хронологии и палеоэкологии только четырех Лубанских трансгрессий и трех регрессий хроносреза 9600–3500 лет от наших дней, а также двух регрессий и одной трансгрессии хроносреза 5400–3600 лет от наших дней озера Цедмар. Максимумы указанных трансгрессий и регрессий в Восточной Прибалтике имеют следующий возраст (по некалиброванным радиоуглеродным датам, округленным в сторону их удревнения):

1. Мезолит - около 9700 л. т. н., максимум трансгрессии, 7500 - регрессии, 2. Неолит - максимумы около 6000 лет назад для трансгрессии, 4700 – 4500 – для регрессии, 4400 – для трансгрессии, 3. Ранняя бронза - около 3900-3700 л.т.н.-

максимум регрессии, позднее 3700 л .т .н. - максимум субатлантической трансгрессии. Для начальных фаз Лубанских регрессий имеются датировки около 7400, 5600–5400 и 4100–3900 лет от наших дней. Установлено, что регрессии с максимумами около 4700–4500 (вторая Лубанская регрессия) и 3600–3500 лет от наших дней, а также разделяющая их трансгрессия наиболее четко проявились в обоих исследуемых районах. Регрессия между 3800–3500 годами от наших дней зафиксирована также в оз. Биржулис, расположенном на Жематийской возвышенности в Литве (Кунскас, 1984, с. 62). Озерная регрессия с максимумом около 4700–4500 лет от наших дней коррелируется с регрессией Балтики, отмечавшейся между 4700–4450 годами от наших дней, а сменившая ее озерная трансгрессия — с последней литориновой трансгрессией в Балтике: 4400 – 4000 лет от наших дней.

2. Полученные материалы указывают на появление нового населения на Лубанской низине (смена эпох раннего, среднего и позднего неолита и ранней бронзы) в периоды регрессий.

3. Датирование палеогидрологических стадий озер перспективно для получения дополнительных климатостратиграфических маркеров, на основе которых возможны межрегиональные корреляции археологических памятников. Результаты некоторых международных проектов (Berglund, 1972–1978, проект IGCP-158-B и другие), данные по большим озерам — Онега, Ладога (Davydova, Raukas, 1986) и материалы, представленные в статье, говорят об относительной синхронности некоторых палеогидрологических процессов на удаленных друг от друга территориях.

4. Необходима организация международных проектов для реконструкций и относительного (по палинологическим, археологическим, геологическим, диатомовым и другим данным) или абсолютного (радиоуглеродного) датирования трансгрессий и регрессий палеоводоемов, в отложениях которых погребены древние поселения не свайного типа — яркие индикаторы палеорегрессий. На территории России наиболее перспективна для подобных исследований котловина озера Цедмар, т. к. уже имеющиеся по ней материалы (буровые профили 40-х годов, обеспеченные палинологическими данными, результаты детальных археологических и радиоуглеродных исследований стоянок, выполненные в последние годы) дают реальную возможность выбрать в низине оптимальные места для бурения и новых сопряженных комплексных исследований.

Автор благодарит Российский Гуманитарный научный фонд за финансовую поддержку (грант РГНФ 98-01-00313а), благодаря которому создается банк палеоботанических и палинологических данных из стоянок каменного века территории бывшего СССР, включающий материалы стран Балтии, использованные для исследования.

**RETHINKING THE NEOLITHIC IN THE DNEIPER RAPIDS REGION OF UKRAINE:
IMPLICATIONS FOR CHRONOLOGY, MATERIAL CULTURE
AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENTS**

Recent research by Lillie (1996, 1998a & b), Lillie and Zvelebil (1999), Lillie and Richards (*in press*) and Telegin *et al.* (n.d.) have highlighted considerable inconsistencies in the traditional Ukrainian Neolithic chronology as developed by Telegin (1987). This earlier work, developed on the basis of limited radiocarbon determinations and a reliance upon typological seriation with adjacent 'farming' culture groups such as Tripolie, has been shown to be fundamental 'flawed' (e.g. Lillie 1998a & b). Initially, the work of Jacobs (1993, 1994) indicated the existence of inconsistencies not only in the dating of cemeteries such as Vasilyevka III & II, but also in the criteria by which a cemetery was afforded either Mesolithic or Neolithic periodisation.

The key question that this work raised was the applicability of Telegin's (1968) and Telegin and Potekhina's (1987) use of extended burials to characterise 'Neolithic' burials. In effect, the new dating indicated that extended burials existed from what is essentially an Epipalaeolithic context at Vasilyevka III, flourishing into the later Mesolithic at Vasilyevka II. The latter site has been dated to 7300-6220 cal BC. This dating clearly contradicts that of Telegin (1987) who had placed this cemetery in stage A of his chronological scheme for the development of the Mariupol-type cemeteries.

Significantly, new radiocarbon determinations obtained from the site of Marievka, which placed this cemetery at 7036-6060 cal BC, appear to confirm an earlier, i.e., later Mesolithic age for the onset of the Mariupol-type cemeteries. The significance of these observations is that the earlier typological analyses had failed to produce a realistic chronological outline for the earliest stage of cemetery development (Lillie 1998a). The more accurate typological seriations relate to those sites that are later in the sequence.

It should be noted that the new chronological development as developed, extends the chronological span of the Mariupol-type cemetery sequence from c. 7300 cal BC through to c. 3500 cal BC. This new periodisation encompasses a number of socio-economic transformations in the development of the Ukrainian populations. Amongst these developments are population migrations (Potekhina 1992, 1995, 1998), the integration of domesticated animal species to the resource spectrum, and the adoption of pottery (Telegin and Potekhina 1987), and later in their evolution, the integration of stone axes and 'status-related' objects (*cf.* Anthony 1994).

In terms of diet, new stable isotope analyses (Lillie and Richards *in press*) alongside more traditional palaeopathological dietary indicators (Lillie 1996, 1998b) have reinforced the fact that these populations consumed protein-dominated diets. As noted by Telegin (1987) and Telegin and Potekhina (1987), fish was an important component of this economy. The work of Lillie and Richards (*in press*) has shown that while fish were clearly an important element of the foods consumed by these populations, there is sufficient evidence to suggest that individual access to resources varied considerably. This new (and on-going) research has indicated that males and females are clearly exhibiting variability in the levels of plant-versus-fish-versus-animal proteins that they consumed.

In actual fact the combined evidence from the dating, stable isotope and pathological analyses supports the notion that the economy of the Dnieper Rapids communities remained relatively constant across the Mesolithic-Neolithic transition (Lillie 1998b). In effect we are looking at (Mesolithic) pre-pottery using fisher-hunter-gatherers to (Neolithic) pottery-using fisher-hunter-gatherers in the Dnieper region between c. 10,000 to

5-4000 cal BC. The latter groups clearly integrated domesticates into their dietary spectrum, but the precise timing and nature of this integration remains elusive on the present evidence.

It is anticipated that future collaborative research will facilitate more robust insights into the precise mechanisms involved in the transformation of these societies into the Neolithic period. Cultural continuity has been inferred on the basis of lithic inventories (Telegin 1987), but the new dating and analysis of the skeletal remains has provided a much greater definition in terms of the timing of many of the socio-economic developments occurring in this region.

Н.В. Лобанова (Петрозавдск, Россия)

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

Проблема хронологии и периодизации культуры ямочно-гребенчатой керамики все еще вызывает большие споры и разногласия у различных исследователей, несмотря на накопленные значительные данные. Особенности споры вызывает начальная и финальная стадия культуры. Хронологические рамки указанной культуры в Карелии определяются второй половиной атлантического времени - началом суббореала (конец V - начало III тысячелетия до н.э.). В ее развитии прослеживаются 3 фазы, связанные, прежде всего, с изменениями в керамике. В последнее время появились новые сведения, позволяющие уточнить финальную фазу памятников с ямочно-гребенчатой керамикой. Видимо, этот этап можно связывать с появлением и широким распространением поселений с ромбо- и круглоямочной посудой. В связи с этим чрезвычайно интересны археологические материалы, полученные в 1992-99 гг. при раскопках стоянки Черная Речка III, где в орнаментации многих сосудов с ромбическими ямками четко прослеживаются черты и признаки керамики предшествующей хронологической фазы.

Ilse Loze (Riga, Latvia)

ZVIDZE MESOLITHIC AND NEOLITHIC SETTLEMENT IN THE LUBANA WETLANDS (LATVIA)

Zvidze settlement site is one of the 27 Stone Age settlements in the Lake Lubāna wetlands, located on an jutting prominence at the edge of an undulating terminal moraine at the place where it descends in steps to the former bed of Lake Lubāna, which is filled with layers of peat and gyttja. Such conditions have contributed favourably to the preservation of archaeological remains.

The archaeological excavations at the Zvidze site, conducted in the years 1973-1975, 1981-1984 and 1999, are among the most informative, and an area of 447 m has been excavated. The particular importance of the site is a consequence of the gradual accumulation of strata in the peat area of the slope, starting with the Middle Mesolithic and continuing right up to the Middle Neolithic, these strata differing both in lithology and archaeology.

A radiocarbon chronology has been constructed using samples of well-preserved wood and charcoal, as well as some peat and gyttja samples, dated at the Institute of Zoology and Botany of the Academy of Sciences of Estonia in Tartu, under the direction of Arvi Liiva. The series of Mesolithic and Neolithic datings, including 32 samples, is so far the most complete in the Baltic States, covering the Boreal to the Sub-Boreal

climatic periods. Also dated are some of the boundaries between spore-pollen zones in sections at the settlement. Comparative datings by nine radiocarbon laboratories have established only the age of the Early Neolithic layers.

Five periods of occupation, of various duration, have been distinguished at Zvidze, corresponding to the Kunda Culture of the Middle Mesolithic, the Late Mesolithic Proto-Narva and Early Neolithic Narva Culture, the Middle Neolithic Comb and Pit Ware Culture and the East Baltic (Zvidze-Piestiņa) Culture. The dates from the Zvidze site constitute the basis for a local radiocarbon chronology of the Lubāna wetlands for the Mesolithic, Early and Middle Neolithic (Table), based on a total of 76 radiocarbon dates.

Revealed at the Zvidze site were stratigraphically well distinguishable cultural layers, numbering 18 adjacent to the slope and 13 on the slope of the hill. Both peaceful existence and catastrophic events with accompanying changes can be traced in the stratigraphy. Thus, for example, at the top of the Early Neolithic layer it can be seen that the whole slope of the settlement was subject to destruction of the occupied area, being covered in a spread of stones from destroyed hearths.

In the Early Neolithic gytja layer of the Zvidze site a fishing structure was uncovered with fish-traps of split pine lathes, and in the Middle Neolithic peat layers there were remains of a building with structural elements in the form of fragmentary posts and stakes, as well as split planks and boards. Thanks to the participation of ethnographers and architects, the first attempts at reconstruction have been made. Foresters have determined that only elm, alder and hazel were widely used for construction. On the other hand, the range of wooden implements, including large tools with a foot-like blade and a wide variety of mallets, spades, hoes and sockets for antler and stone artefacts, constitute the only series of Neolithic implements from eastern Latvia.

Archaeological timescale of the Lake Lubana Wetland.

Age	Culture	Stage	Zona	¹⁴ C age, BP	Calibration age, calBC
Late Palaeolithic	Svidry	1	Dr 3		
Early Mesolithic	Kunda	2	Bo 1	9575	
Middle Mesolithic	Kunda	3	Bo 2	7650	6264
Late Mesolithic	Proto-Narva	4	At 1	7480-7180	6316-6039
Early Neolithic	Narva	5	At 2	6350-5320	5274-4292
Middle Neolithic	Comb. and pit ware	6	At 2, Sb 1	5250-4750	4025-3572
	East Baltic	7	Sb 1	4690-4370	3743-2982
Late Neolithic	Abora	8	Sb 2	4420-4390	3040-2979
	Corded ware I	9	Sb 2	4260-4120	2903-2710
	Corded ware II	10	Sb 2	3870-3770	2403-2166
Early Bronze Age	Lubana ware	11	Sb 2	3685-3640	2082-2032
Late Bronze Age	Stratched ware	12	Sb 2	3240-2580	1519-797

Dates were calibrated by Calib. Rev 2.1. Stuiver M. & Reimer P.Y., 1987

ХРОНОЛОГИЯ ПЕРЕХОДА ОТ МЕЗОЛИТА К НЕОЛИТУ В ВОЛГО-ОКСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Стоянка Замостье 2 является одним из базовых многослойных памятников каменного века на территории Русской равнины. Она расположена на севере Сергиево-Посадского района Московской области, в пойме реки Дубна. Отложения (пачка темно-серого торфа с опесчаненными гумусированными прослойками), общей мощностью более 2 м, содержат остатки поселений охотников-рыболовов позднего мезолита, раннего и среднего неолита, что позволяет говорить о почти непрерывном заселении этой территории на протяжении нескольких тысячелетий и проследить изменения в хозяйстве и орудийном наборе древних жителей Волго-Окского междуречья.

В древности, 6-5 тыс. до н.э., территория стоянки представляла собой берег широкой протоки между крупными озерами. На основании комплексных естественнонаучных анализов выделяются три культурно-стратиграфических горизонта. Первый горизонт (нижний мезолитический слой) связан с началом атлантического периода, когда в ландшафте господствуют бореальные сосново-березовые леса при некотором увеличении разнотравных лугов. Для этого горизонта получены две радиоуглеродные датировки -7840 ± 90 ВР (ГИН-6195) и 7900 ± 180 ВР (ГИН-6197). Второй горизонт (верхний мезолитический слой) характеризуется сосуществованием сосновых и березовых лесов с большим участием широколиственных пород деревьев, в это время произошло некоторое понижение уровня грунтовых вод. Третий горизонт (верхневожская культура раннего неолита) относится к середине атлантического периода и имеет датировки 7050 ± 100 ВР (ГИН-6554) и 6850 ± 100 ВР (ГИН-6557). В этот период (начало его приходится на 7200 л.н.) согласно палинологическим данным, создались кризисные условия для произрастания хвойных лесов (аридизация климата, понижение уровня озерных водоемов) и господствующими становятся смешанные, умеренные леса из березы, сосны, дуба, вяза, липы, лещины. Со временем количество сосны уменьшается. Последний этап существования верхневожской культуры на стоянке совпадает с климатическим оптимумом, когда кроме лесов, по берегам озер и рек существовали луга, часть территорий была заболочена (ольха). Абсолютный возраст 6390 ± 140 ВР (ГИН-7985). Начало торфообразования на этой территории датируется средним суббореалом (3900-4000 л.н.).

А.Н.Мазуркевич (Санкт-Петербург, Россия)

ПАМЯТНИКИ РАННЕГО И СРЕДНЕГО НЕОЛИТА ДВИНСКО-ЛОВАТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ И ИХ ХРОНОЛОГИЯ

В конце 90-ых годов была предложена большая секвенция археологических культур Ловатско-Двинского междуречья (Микляев, Мазуркевич, Корткевич, 1989; Мскляев 1993; Zaitseva, Miklaev, Mazurkevich, 1995).

Относительная и абсолютная хронология неолитических памятников базируется на комплексном анализе данных разных дисциплин. Это более сотни дат ^{14}C , данные геоморфологии, палинологии, исследования химического состава сапропелей и прибрежных осадочных отложений, дендрохронологии и данные морфологического и технологического анализа археологических материалов. Получен-

ные в последнее время данные позволяют существенно дополнить и расширить историю заселения Двинско-Ловатского междуречья.

Первые керамические памятники появляются в бассейне верховьев р. Западная Двина в конце Ат-1 и датируются по ^{14}C 7300±180 ВР (ЛЕ-5260), 7300±400 ВР (ЛЕ-5261) ВР. Эта ранненеолитическая культура названа сертейской. Памятники этой культуры доживают до рубежа VI-V тыс. до н.э. и существуют протяжении Ат/1-2. В своем развитии культура проходит четыре хронологических этапа. Глиняная посуда изменяется от горшков с цилиндрическим туловом и коническим дном, украшенных геометрическими композициями выполненных в накольчато-прочерченной манере к не орнаментированным сосудам котлообразной формы. Кремневая индустрия: характерны округлые скребки на отщепках, рубящие орудия подтреугольной формы на массивных сколах, боковые резцы, вкладыши на пластинах, нуклеусы подпризматические и одноплощадочные. Единичные костяные предметы представлены лавролистными черешковыми наконечниками, проколами, подвесками из резцов лося. Прослежен переход от столбовых подпрямоугольных построек с углубленным полом и углубленным очагом в центральной части к наземным постройкам столбовой/кольевой конструкции с углубленными очагами. По времени это событие совпадает с похолоданием в середине атлантического периода (см. Кулькова в наст. сб.).

Новое население появляется на рубеже Ат-2/3. Это период потепления, приведший к регрессии водоемов. Мигранты принесли новую культурную традицию (нашедшую отражение в керамике, кремневых и роговых предметах), которую можно связать с синхронными памятниками Восточной Прибалтики: Акали, Звезде, Оса. Памятники нового типа получили название руднянские (Мазуркевич, Микляев, 1998) и датируются по ^{14}C : 6240±60 ВР (ЛЕ-3054), 6230±40 ВР (ЛЕ-2568), 6180±70 ВР (ЛЕ-2569), 6130±40 ВР (ЛЕ-2579), 5940±60 ВР (ЛЕ-2566), 5940±45 ВР (ЛЕ-4101) и 5850±70 ВР (ЛЕ-4100).

Наступившее увлажнение и похолодание климата в начале Ат-3, сопровождалось подъемом воды в озерах. Отмечается развитие культуры сложившейся в результате взаимодействия носителей сертейских и руднянских культурных традиций. Время существования по ^{14}C : 5610±60 ВР (ЛЕ-5680), 5570±70 ВР (ЛЕ-2580), 5530±40 ВР (ЛЕ-2573), 5490±65 ВР (ЛЕ-4102), 5480±60 ВР (ЛЕ-3000), 5390±60 ВР (ЛЕ-3001) ВР. В это же время появляется новое население из Средней Европы, связанное с культурой линейно-ленточной керамики. Известны два памятника этой культуры - Дубокрай V и ст. у д. Шугайлово (Мазуркевич, 1998). Небольшое потепление в середине Ат-3, совпадает с появлением в бассейне Западной Двины группы нового населения происходящей из мариупольской культурно-исторической общности (комплекс материалов из II культурного горизонта поселения Сертея XIV).

В период, соответствующий по ^{14}C датам: 5260±20 ВР (ЛЕ-5266), 5180±50 ВР (ЛЕ-5265), 5120±80 ВР (ЛЕ-4113), 5100±70 ВР (ЛЕ-5259), появляется новая группа населения, связанная своим происхождением с бассейном верхней Волги (верхневолжская и валдайская культуры). Она получила название как памятники типа слоя В Сертии VIII / X. При взаимодействии с аборигенным населением возникает новый тип памятников, который А.М.Микляевым выделялся в фазу f/1.

На мозаичной культурной основе предшествующего периода складывается под влиянием культуры воронковидных кубков средненеолитическая культура строителей свайных поселений - усвятская. Даты по ^{14}C : ранний этап - 4870±40 ВР (ЛЕ-256), 4830±30 ВР (ТА-242), 4760±100 ВР (ЛЕ-4112), 4720±40 ВР (ЛЕ-3003), 4620±65 ВР (ЛЕ-4110), 4590±65 ВР (ЛЕ-4103), 4570±70 ВР (ТА-105),

4440±60 ВР (ЛЕ-2585); средний - 4310±80 ВР (ЛЕ-243), 4210±70 ВР (ТА-202), 4150±80 ВР (ТА-817), 4120±60 ВР (ТА-633); поздний - 4100±70 ВР (ТА-203), 4090±70 ВР (ТА-203) и 4030±50 ВР (ЛЕ-1007) (Микляев, 1995). Развитие культуры свайных поселений происходит на фоне обмеления и интенсивного заболачивания водоемов и их берегов, особенно активно протекавшего в период потепления середины SB-1 (Кулькова, Савельева, в печати).

Предлагается рассматривать появление свайных поселений в Европе как специфическую модель адаптации к палеогеографическим условиям SB-1 периода в сходных ландшафтных условиях в областях перед моренными образованиями вюрмского оледенения.

Важно отметить, что именно в начале SB-1 и на раннем этапе свайных поселений усвятской культуры фиксируется появление трех типов сосудов, различающихся, в первую очередь, по объему. В условиях дефицита воды предположительно становится неслучайным изготовление сосудов большого объема.

Конец SB-1 связан с похолоданием, понижением уровня воды и образованием слабо проточных водоемов. На этот период приходится появление в лесной зоне Восточной Европы носителей культуры шаровидных амфор. Ощущается мощное воздействие ее на последнем этапе развития усвятской культуры строителей свайных поселений. В конце среднего неолита можно отметить еще одну волну переселенцев, значительно повлиявших на облик местной культуры, что в конечном итоге привело к сложению жижицкой культуры. Переселенцы орнаментировали керамику ямками ромбической формы и его можно связать с носителями культуры ромбо-ямочной керамики.

Поселки мигрантов, возможно, существуют на минеральных берегах синхронно свайным поселениям позднего этапа усвятской культуры. На поселении Сертея X зафиксированы комплексы с остатками земляных сооружений, имеющих овальную или грушевидную форму и углубленный пол, с кольцеобразными углублениями по периметру, в которых читались следы от столбов, с углубленными очагами при входе и в глубине постройки. Как правило, в центре над полом, были прослежены остатки обмазки глиняной кровли и/или стен. Таковой на сегодняшний день представляется картина заселения Двинско-Ловатского междуречья в раннем и среднем неолите.

Е.А. Мамонов (Самара, Россия)

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЕЛШАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

По мере изучения недавно выделенной в лесостепном Волго-Уралье елшанской культуры, помимо проблем культурного статуса, происхождения, связей со смежными культурными образованиями, территориального охвата, возникают все новые вопросы, среди которых одно из главных мест принадлежит проблеме хронологии и периодизации. Вопрос этот вызывает повышенный интерес, в том числе и потому, что имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют предполагать наличие самостоятельного очага раннего керамического производства на юге Волго-Уральской лесостепи и существенно меняют взгляд на время начала эпохи неолита в Восточной Европе.

Анализ керамики и кремневого инвентаря памятников елшанской культуры позволяет выделять внутри нее, по меньшей мере, два хронологических горизонта. К *первому* относятся материалы "классической" елшанки (Старая Елшанка I и II, Нижняя Орлянка II, Чекалино IV, Красный Городок и др.), характеризующиеся

рядом признаков, достаточно подробно описанных в ряде соответствующих публикаций. Ранние елшанские сосуды сравнительно небольшие, их верхние части имеют либо прямую, либо плавно изогнутую "S-видную" профилировку. Днища плоские, округлые и приостренные, иногда с "шипом". Орнамент представлен ямками, разреженными наколами, прочерченными линиями, короткими изогнутыми насечками. Орнаментальные мотивы — "ямочно-жемчужный" пояс, ромбическая сетка, висячий треугольник, зигзаг.

Важные выводы относительно елшанской керамики получены в результате технико-технологических анализов. Характер исходного сырья (илисто-сапропелевые отложения), способ лепки (лоскутный с применением формы-модели и прокладок из шкур), особенности придания сосудам водонепроницаемости и прочности (с применением органических растворов) позволяют отнести это производство к разряду *протогончарных* и говорят о его глубоком архаизме.

О раннем возрасте упомянутой керамики говорит и сопутствующий кремневый инвентарь, имеющий в целом мезолитический облик. К очень ранним традициям, восходящим к концу верхнего палеолита, относится прием встречного расщепления нуклеусов и поперечная подтеска их контрфронта. В составе орудий имеется ряд архаичных типов: ретушные резцы и их трансверсальные разновидности, альтернативные пластинчатые скребки, двусторонне обработанные рубящие орудия. Особое внимание привлекают пластинчатые наконечники стрел постсвидерского и оленеостровского типа. Для этой категории изделий, распространенных в лесной зоне Восточной Европы, имеется ряд обоснованных хронологических выкладок, согласно которым время их бытования совпадает с поздним мезолитом и относится ко времени не позднее VI тыс. до н.э.

Определенность в вопрос хронологической позиции раннеелшанских комплексов вносят естественнонаучные методы. Согласно выводам Ю.А.Лаврушина и Е.А.Спиридоновой, культурные слои ранних елшанских памятников формировались во второй половине бореального периода, что четко устанавливается как по палинологическим спектрам, так и по геоморфологическим признакам. Бореальный возраст елшанских культурных слоев не отрицается и И.В.Ивановым. Приведенные датировки подтверждаются серией радиоуглеродных дат: 8990 ± 100 BP; 8000 ± 120 BP; 8050 ± 120 BP; 7940 ± 140 BP; 8680 ± 120 BP; 7950 ± 130 BP; 8470 ± 140 BP; 8020 ± 90 BP. Приведенные выкладки позволяют считать елшанскую культуру одной из самых ранних европейских неолитических культур.

Второй хронологический горизонт елшанской культуры характеризуется рядом инноваций, фиксируемых в керамическом и кремневом инвентаре. К этому этапу мы относим материалы стоянок Ильинская и Красный Яр VII в Самарском Поволжье, а также часть материалов других памятников, прежде всего, Ульяновского Поволжья. Керамика этих памятников, при сохранении большинства черт раннего этапа, характеризуется эпизодическим появлением орнаментов, выполненных в манере строчечного накола, а также мелким гребенчатым штампом. В кремневом инвентаре появляются призматические и конические нуклеусы для снятия микропластин, ретушированные сечения-вкладыши, острия на пластинах. Возможно, что с этим этапом связано и появление геометрических микролитов — трапеций, сегментов, известных в материалах ряда смешанных памятников бассейна р. Самары.

Значительная часть этих новшеств, вероятно, связана с влиянием на культуру нижневолжско-прикаспийских неолитических традиций. Наиболее ранний этап каиршакско-гентексорской культуры северного Прикаспия датируется исследователями серединой VI тыс. до н.э. Эта датировка отчасти подтверждается радиоуг-

леродной датой позднемезолитического памятника Каир-Шак VA (7255±95 ВР), непосредственно предшествующего раннеолитической фазе развития местной культуры.

С другой стороны, нельзя игнорировать факт определенного сходства материалов типа Ильинки с древностями верхневолжской культуры. Это сходство прослеживается как в керамике, так и в кремневом инвентаре. Исследователи верхневолжской культуры, основываясь на ряде надежных данных, в том числе на палинологических и радиоуглеродных датировках, считают, что наиболее ранние сосуды появляются в Волго-Окском междуречье около 7000 л.н. Они не исключают также инфильтрации на Верхнюю Волгу групп населения, знакомых с керамическим производством, с юга. Приведенные аналогии позволяют предположить, что заключительный этап елшанской культуры приходится на вторую половину VI тыс. до н.э.

Из сказанного видно, что в настоящий момент между ранним и поздним этапами елшанской культуры имеется значительный хронологический разрыв, который, вероятно, будет заполнен в ходе дальнейших исследований.

В.М. Массон (Санкт-Петербург, Россия)

О ПОСТРОЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ

1. Археологическая хронология является важнейшей частью археологической систематики и, как таковая, строится исключительно на археологических материалах и археологических методах. Как правило, она дает систему относительной хронологии, в которую вписываются памятники и культуры, сосуществующие во времени. Выход на абсолютное датирование осуществляется через посредство внеархеологических методов, из которых для времени до 3000 г. до н.э. все большее значение приобретает радиоуглеродное датирование. Однако, это именно внеархеологический метод, и едва ли оправдано использование радиоуглеродных датировок, как это иногда имеет место, для построения относительной хронологии.

2. К числу собственно археологических методов изучения хронологии относятся стратиграфия и типология с таким ее направлением, как сериация. Отдельные слои, соответствующие определенным отрезкам времени, последовательно расположенные, являются надежной опорой археологической хронологии. Особой проблемой является вопрос о темпах формирования слоя, что в числе прочих факторов зависит от уровня строительной техники в древних обществах. Для корреляции стратиграфических колонок между собой и сопоставления с факторами, обеспечивающими абсолютное датирование (импортные образцы, образцы для радиоуглеродного анализа), весьма важен содержательный анализ на уровне критики источника о происхождении соответствующего слоя или прослоев. Это позволяет оценивать время выпадения вещи в музейную культуру и обстоятельства этого выпадения.

3. Как известно, изменчивость культуры на уровне стереотипов прямым образом отражается в изменении типов артефактов. Определение направленности изменчивости обеспечивается целым рядом формализованных процедур. Генерализация общей культурной тенденции позволяет подходить к вопросу об определении относительных дат на основании подвижки типов артефактов. Теоретической основой применения этого метода к хронологическим разработкам является то, что общие закономерности культурогенеза ведут к повторяемости соотношения

величин различных типов артефактов в одновременных, или близких по времени комплексах. При стилистической сериации могут выявляться как временные, так и локальные особенности. Частотная сриация с ее графическими методами более ориентирована на археологическую хронологию.

Особенно чувствительной к изменениям оказывается керамика, орнаментация которой следует общей направленности меняющейся моды и эстетических установок.

При построении системы относительной хронологии в реальной практике широко используется вообще излюбленный археологами метод аналогии. Метод аналогии также основан на постулате общих культурных закономерностей. Но при его использовании необходимо учитывать возможности реальных связей и контактов носителей сопоставляемых комплексов и культур. Аналогии, основанные на весьма общих закономерностях, как, например, геометрические микролиты, без учета реальной исторической и пространственной ситуации могут иметь лишь самое общее эпохальное значение. В этом отношении весьма важно выделение импортных вещей и артефактов им подражающих, имеющих диагностическое значение для хронологии. При переходе на уровень установления абсолютной хронологии весьма важен вопрос о темпах распространения как самих объектов, так и популярных стереотипов. Эти темпы абсолютно отличны для пеших охотников тайги, скотоводов с колесницами и ранних кочевников с верховым конем. 5. Для хронологии неолита Восточной Европы весьма существенное значение имеет то обстоятельство, что на этой территории сосуществуют, а в контактной зоне взаимодействуют, два культурно-хозяйственных типа: традиционных охотников и рыболовов, совершающих в традиционных рамках переход к интенсификации производства, и огромный массив культур ранних земледельцев и скотоводов. Специфика материальной культуры и характер памятников позволили в каждой из макрозон разрабатывать независимо собственные системы относительной археологической хронологии, сопоставление и перекличка которых позволяет, в определенной мере, решать вопросы верификации.

Л.Г. Мацкевой (Львов, Украина)

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ЗАПАДА УКРАИНЫ

Исследуемый регион располагается как на юго-западной окраине Восточно-Европейской (Русской) платформы (80 %), так частично в Карпатской горной стране (20%). Он включает следующие природно-географические области: Западное и Восточное Подолье, Предкарпатье, Малое и Западное Полесье, Западную Волынь, Карпаты и Закарпатье; общая протяженность составляет около 150 км. Основные составляющие экосистемы, такие как густая речная сеть, различные виды почв, климат и др. представляли богатые возможности существования уже на ранних этапах существования древних сообществ.

Неолитические памятники в регионе стали известны в Закарпатье еще с 70-х годов XIX ст. в (Lehoczky, 1892). Однако планомерные исследования стали проводиться лишь с 50-х годов XX века. Наибольший вклад в изучение неолита этого региона внесли Д.Я. Телегин, Т.С. Пассек, К.К.Черныш, Н.А. Пелещишин, В.П. Титов, М.Ф. Потушняк и Г.В. Охрименко (Грибович и др., 1987). В настоящее время к культуре линейно-ленточной керамики отнесено 60 пунктов, к гребенчато-накольчатой-50, также отмечены отдельные памятники днепро-донецкой и неманской культур в северной части региона, буго-днестровской – на юге, а в Закарпатье – культуры расписной керамики, криш, тиса-полгар.

Вопросы хронологии неолита решались, главным образом, с использованием радиоуглеродного датирования, споро-пыльцевого анализа и данных стратиграфии. Схема периодизации культур исследуемого региона приведена в таблице.

Согласно данным таблицы, неолит запада Украины датируется началом VI- серединой IV тыс. до н.э. что соответствует суббореальному периоду. Ранние неолитические памятники синхронизируются со среднемезолитическими, а позднейшие неолитические - несколько старше позднейших мезолитических. Приведенный временной интервал, на наш взгляд, представляется более убедительным, чем предложенные ранее хронологические интервалы: вторая половина V- начало IV тыс. до н.э., (Журавлев, Котов, 1996); VII тыс. до н.э., в соответствии с радиоуглеродными датами лаборатории Оксфорда (Потехин, Телегин, 1997), а также более позднее время вплоть до III тыс. до н.э., основанное на данных распространения земледелия и скотоводства на севере Украины (Звелебил, 1986). Не кажется убедительной и гипотеза о безкерамическом неолите (Конопля, 1985).

Неолитическое население запада Украины, очевидно, существовало совместно с мезолитическим на всех этапах своего развития, однако в принципиально раз-

Дриас III	Пре-бореал	Бореал	Атлантический	Суббореальный	Субатлантический	Период	
						Время, тыс. лет до н.э.	
† Нобель						Нобель-Куини	Мезолит
↳ Молодово V, слой I ↳ Молодово V, слой Ia ↳ Независко XXI ↳ Львов VII ↳ Независко IX						Независко-Оселевка	
↳ Старуня						Воропеш-Старуня	
↳ Криница 4						Каменщи-Баранье	
+						Тиса-Полтяр	
+ Заставное						Криш	Неолит
+ Ривне							
↳ Дьяково							
↳ Независко XVIII							
↳ Торекое							
+ Ровно							
↳ Соколыцы ↳ Сороки 2 ↳ Сороки							
↳ Игрень						Днепро-Донецкая культура	
↳ Осиповка							
↳ Собачки							
						Мезолит	
						Неолит	

ных экологических условиях. Это подтверждает гипотезу С.Венцеля (Vencl, 1982) для Центральной Европы в целом. На определенных этапах неолитические памятники сосуществовали с энеолитическими, но уже в близких экологических условиях, о чем свидетельствуют условия их залегания.

A. Michczynski (Gliwice, Poland)

ADVANTAGES AND LIMITS OF COMBINING RADIOCARBON AND ARCHAEOLOGICAL INFORMATION - AN EXAMPLE OF MAUCALLACTA SITE.

The idea of probabilistic calibration of radiocarbon dates consists of transforming initial Gaussian probability distribution of conventional radiocarbon date into calendar time scale. The mathematical base for such task is provided by the Bayesian theorem. However Bayesian theorem is also a base for more sophisticated analysis - combining of probability distribution of calibrated radiocarbon date with information from other sources – for example stratigraphical information or date obtained by a method differ than radiocarbon dating. This method was proposed in 1991 and it is broadly developed in Great Britain.

The archaeological site of Maucallacta is located in the in the Department of Arequipa in Peru, at the altitude of 3600-3800 meters a.s.l. The monumental structures and artefacts, which were found there, are a base of hypothesis, that Maucallacta performed function of regional religious and administration centre of Inca Empire. In this presentation we analyse radiocarbon dates of samples collected from ceremonial refuse. Clearly visible separated strata of deposit allow to built very probable stratigraphical chronology. The main aim of analysis was to test, which of the possible ways of deposition appear and to precise dating of individual strata. In order to attain that we combine calibrated radiocarbon dates and prior stratigraphical information, according to the Bayesian theorem. The results are not univocal and illustrate some limits of the method and a weight of sampling strategy.

Н.Л. Моргунова (Оренбург, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ КУЛЬТРЫ

В начале 80-х годов на территории южной лесостепи Волго-Уральского междуречья (Самарское Поволжье и Южное Приуралье) была выделена новая неолитическая культура, получившая название «волго-уральская» (Моргунова, 1984; 1985). Позднее А.А.Выборнов и И.Б.Васильев (1988) предложили другое название этой группе памятников – «средневожская культура», включив в нее помимо памятников Самарского бассейна и целый ряд стоянок Марийского и Казанского Поволжья, а также правобережья Волги, т.е. соединив в единую культуру памятники как юга лесостепи, так и северной ее части, что представляется не бесспорным.

Своеобразие волго-уральской культуре придавали контакты как со степным, так и с лесным населением, но особенно с южными областями, что нашло отражение в характере артефактов на всех этапах неолита данной территории.

Имеющиеся материалы позволяют выделить три этапа в развитии культуры. На раннем этапе, представленном рядом «чистых» комплексов, под влиянием южных культур распространяется гончарство. Керамика первоначально характеризуется неорнаментированными сосудами или с прочерченным орнаментом, остродонными или плоскодонными формами. На этом же этапе, как и по всей

степной зоне, происходит распространение накольчатой техники орнаментации. Развитой этап предположительно определяется сочетанием традиций как накольчатой, так и гребенчатой техник. На позднем этапе гребенчатая техника орнаментации керамики преобладает, при этом по ряду признаков сохраняется преемственность с предшествующими этапами. Таким образом, процесс формирования и развития волго-уральской культуры представляется весьма усложненным в связи с качественными изменениями в экономической сфере в неолитический период.

Динамика развития культуры определялась ориентиром на восприятие производящего хозяйства (скотоводства), а вместе с тем и гончарства, что привело к активизации связей степного и лесостепного населения Волго-Уралья как между собой, так и с еще более южными культурами.

Проблема определения хронологической позиции волго-уральской культуры осложняется малочисленностью имеющихся радиоуглеродных дат. Они получены лишь для раннего этапа. По мнению А.Е.Мамонова, памятники этого времени следует выделить в самостоятельную культуру – «елшанскую» (Мамонов, 1999). Ее датировка определяется с середины VII- первой половине VI тыс. до н.э. в рамках бореального периода (Тимофеев, Зайцева, 1998; Лаврушин, Спиридонова, 1990). Данные выводы согласуются с материалами по хронологии синхронных культур Средней Азии, где заключения исследователей опираются как на радиоуглеродные даты, так и на ближневосточные параллели (Массон, Коробкова, 1978; Виноградов, 1981). Не противоречат данным выводам материалы и других раннеолитических культур юга Восточной Европы.

Абсолютные даты для развитого и позднего этапов волго-уральской культуры пока неизвестны, так как не выявлены однослойные памятники для этого времени. Но заключительная фаза неолита как на юге лесостепи, так по всему Волго-Уральскому региону, может быть определена началом энеолитической эпохи, хронология которой достаточно убедительно обоснована И.Б.Васильевым как по линии синхронизации самарских и хвалынских памятников с более западными энеолитическими культурами, так и при помощи радиоуглеродного анализа (Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990).

Таким образом, хронологические рамки неолитической эпохи в Волго-Уралье определяются в пределах со второй половины VII до середины V тыс. до н.э.

Н.Г. Недомолкина (Вологда, Россия)

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЙ ВЕКЕСА, ВЕКСА III БАССЕЙНА ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ И ИХ ХРОНОЛОГИЯ

Первые полевые разведочные работы на Верхней Сухоне были проведены в 30-е годы М.Е.Арсаковой, затем в 80-е годы Северной экспедицией ИА РАН под руководством С.В. Ошибкиной. В последние десятилетия планомерные исследования здесь проводят археологи Вологды.

В целом бассейн Сухоны до настоящего времени остается археологически слабо изученным. Одной из причин этого является большое территориальное пространство, которое своеобразно в природном и климатическом отношении. Общая площадь бассейна 52 400 кв. км. По гидрогеографическим особенностям Сухону делят на три участка.

В центральных районах Вологодской области, бассейн Кубенского озера, Верхней (Рабангской), Средней Сухоны в настоящее время известно более 250 памятников археологии. Из них 115 датируются неолитической эпохой (68 "чистых комплексов"), в основном по находкам ямочно-гребенчатой керамики. Не-

смотря на такое внушительное количество открытых памятников, работы ограничены сбором подъемного материала, так как культурные слои часто разрушены. Неолитические стоянки Верхней Сухоны занимают площадки, высота которых над уровнем воды даже в межень незначительна, что в свою очередь затрудняет их исследование и сказывается на сохранности культурного слоя.

Только на 17 памятниках проведена разведочная шурфовка, на 5 - велись раскопки неолитических слоев.

Несмотря на небольшие объемы проведенных работ, увеличение числа открытых и раскопанных неолитических памятников в бассейне Сухоны существенно расширило наши знания о неолите региона. Впервые получены радиоуглеродные даты для неолитических поселений, пока не серийные. В отличие от памятников этого времени в западной части Вологодской области, относящейся к территории Восточного Прионежья, где характерны каргопольские комплексы, на Сухоне к настоящему времени выявляется несколько иная, более сложная в культурном и хронологическом отношении картина.

Наиболее значимыми памятниками района является комплекс многослойных поселений Векса. Исследования ведутся с 1981г. (И. Ф. Никитинский, В.С. Патрушев, С. Ю. Васильев, Н. Г. Недомолкина). Памятники расположены на левом берегу р. Вологды, выше (Векса) и ниже (Векса III) ее притока, речки Вексы, в 4км от впадения р. Вологды в р. Сухону. Памятники, как и большинство других в Присухонской низине занимают большой заливной луг по берегу реки, с напольной части ограниченный заболоченным лиственным лесом, он подвергается интенсивному разрушению. Протяженность памятников по береговой линии около двух километров, вглубь берега до 20 метров. Культурные слои вместе со стерильными прослойками достигают мощности до 1,7 метра.

С 1993 года началось детальное исследование неолитических комплексов поселений, ранее не изученных или раскопанных как сопутствующие, которые и будут предметом нашего рассмотрения.

Всего на поселении Векса выделено четырнадцать хронологически и культурно отличных комплексов. Из них три неолитических на 4 и 9 участках поселения. Они разделены планиграфически и стратиграфически, то есть представляют собой достаточно чистые комплексы. Это комплексы Векса - Л, М, Н. На поселение Векса III выделено также три различных неолитических культурных слоя.

Большое значение имеют выявленные два ранне-неолитические комплекса с раннегребенчатой керамикой - "Векса - Н" и материал из нижнего культурного слоя поселения Векса III. Для последнего получена дата 6500 ± 170 ВР (ГИН - 10181). Новые материалы позволяют уточнить время заселения стоянок низинных берегов Верхней Сухоны.

На девятом участке поселения Векса выявлен культурный слой, содержащий столбовые постройки, "Векса - М". Коллекция материала представлена керамикой и орудиями из камня. Вся керамика относится к ямочно-гребенчатой. Комплекс орудий и керамики данного участка поселения находит аналогии в льяловской культуре, восточный вариант, на ее раннем и среднем этапах.

Следующим в хронологическом порядке будет неолитический комплекс поселения Векса III, средний культурный слой. Дата по ^{14}C 5650 ± 150 ВР (ГИН - 10182). Материал представлен гребенчато-ямочной керамикой, выявленной впервые, находящийся аналогии на памятниках северо-востока области. Очевидно, население, оставившее эту стоянку не связано с южным - юго-западным регионом носителей керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом. Более вероятно его бли-

зость с северо-восточными неолитическими комплексами круга ямочно-гребенчатых культур.

На четвертом участке поселения Векса выявлен еще один неолитический слой, лежащий выше раннеолитического через стерильную суглинистую прослойку, с ямочной керамикой - "Векса - Л". Ближайшие аналогии данной керамике находятся в комплексах со стоянок западной части Вологодской области - Андозеро 5. По технико-типологическим признакам она более близка к керамике ранних ямочно-гребенчатых комплексов в Карелии, в частности Черная Речка 1.

Верхний из неолитических слоев поселения Векса III так же дал комплекс с развитой ямочно-гребенчатой керамикой. Для него получена радиоуглеродная дата 5220 ± 320 BP (ГИН - 10180). Неолитические каргопольские материалы подтверждают появление этой группы населения на Верхней Сухоне в среднем этапе развития культуры, до появления в элементах орнамента овальной ямки и ромба.

Выявлен неолитический могильник на поселении Векса и пока единственное неолитическое погребение на поселении Векса III.

Дальнейшие раскопки позволят проверить и уточнить данные по неолиту Верхней Сухоны. Подкрепленные раскопками чистых синхронных комплексов, материалы поселений Векса и Векса III помогут в решении проблем генезиса, взаимоотношения культур.

В.В. Никитин (Йошкар-Ола, Россия)

НОСИТЕЛИ ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ ПОСУДЫ СРЕДНЕЙ ВОЛГИ В СИСТЕМЕ ВОЛГО-ОКСКОГО НЕОЛИТА

Средневожские древности носителей ямочно-гребенчатой посуды систематизированы в обобщающих работах А.Х. Халикова, В.П. Третьякова, В.В. Никитина, Л.Я. Крижевской, В.В. Ставицкого.

В них в разной степени дан анализ материальной культуры, определены этапы развития, связи с соседними неолитическими образованиями и дальнейшие судьбы населения.

А.Х. Халиков и В.В. Никитин объединяют памятники лесной полосы Среднего Поволжья в балахнинскую культуру. В.П. Третьяков выделил особый, средневожский вариант культуры ямочно-гребенчатой посуды. В настоящее время в связи с обширными работами в Марийском Поволжье, на Суре и Мокше появилась возможность более детально разработать схему происхождения, продвижения, хронологии и культурной атрибуции памятников с ямочно-гребенчатой (гребенчато-ямочной) посудой.

Появление носителей гребенчато-ямочной посуды на Средней Волге связывается с продвижением на Восток по волжской гидросистеме племен льяловской культуры на их раннем этапе, возможно, одновременно с носителями накольчатых традиций, продвигавшихся в том же направлении с районов лесостепи. Льяловские керамические традиции на Средней Волге просуществовали несколько дольше, чем на их основной территории.

Учитывая достаточно надежную хронологию верхневожской и льяловской культур, раннеолитические комплексы Среднего Поволжья можно датировать началом и первой четвертью IV тыс. до н.э.

На развитом этапе на посуде появляются "воротнички" по краю горла (ивановского и тоцкого типа), которые связываются с керамикой могильника у с. Съезжее и синхронизируются с памятниками хвалынской культуры, хронологически не уходящими за пределы середины IV тыс. н.э., что согласуется с абсолютной

датировкой раннего этапа льяловской культуры. Происходят прямые контакты лесного и лесостепного населения. Время бытования этапа определяется в пределах третьей четверти IV тыс. до н.э.

Поздний этап культуры по основным показателям значительно отличается от собственно балахнинской и имеет мало общих элементов с льяловской культурой на позднем этапе. Часть посуды сохраняет балахнинский облик, а по ряду признаков и сходство с позднельяловской. По аналогиям с позднельяловскими материалами этап датируется последней четвертью IV тыс. до н.э.

Отдельные группы населения продолжают свое существование и в более позднее время (в первой четверти III тыс. до н.э.), сосуществуя с формирующейся здесь новой культурой волосовской общности.

Григорий Охрименко (Луцк, Украина)

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ВОЛЫНСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Территория распространения памятников волынской неолитической культуры (ВНК) охватывает бассейн Правобережья Припяти, включая Полесские районы Волынской, Ровенской, Житомирской областей, а также Малое Полесье в Ровенской и Львовской областях. Поселения ВНК расположены на берегах рек (Выжев-ка, Стоход, Стырь, Горинь, Случь, Тетерев), их притоков, озёр и болот. Всего насчитывается более 100 пунктов ВНК.

Основой для решения вопросов хронологии и периодизации является типологический метод сопоставления с датированными комплексами синхронных и смежных культур, а также стратиграфические наблюдения.

ВНК выделена на основании особенностей керамики, которая обладает своеобразными чертами: тонкими стенками (4-7мм), коричневым цветом разных оттенков, конусовидной, биконусовидной, профилированной формой с острым, редко круглым дном. Керамика орнаментирована гребёнкой, проколами, наколами под срезом венчика, «копытками», насечками, «сеткой», линиями; при этом преобладает горизонтальная зональность.

Ареал распространения ВНК на севере граничил, в основном, по берегам Припяти, с неманской культурой (НК), на северо-востоке – с восточно-полесской культурой (ВПК), на востоке – с киево-черкасской культурой (КЧК), на юге – с культурой линейно-ленточной керамики (КЛЛК), на юго-востоке (в позднем периоде) – с трипольской культурой (ТК). На западе, в бассейне Западного Буга материалы ВНК практически неизвестны.

Для многих из перечисленных выше культур, граничащих с ВНК, разработаны периодизационно-хронологические схемы: для НК - У.М.Чернявским, для ДДК-Д.Я.Телегиным, для КЧК- Е.Н.Титовой, для ВПК -В.Ф.Исаенко. Поскольку ВНК входит в днепро-донецкую этнокультурную общность, проблема хронологии ВНК значительно облегчена.

Начальный этап ВНК (в соответствии предложенными схемами периодизации) мы относим к середине 5-го тыс. до н.э., т.е. одновременным с ранними памятниками ДДК, КЧК, ВПК. Исчезновение ВНК происходило, вероятно, в конце 5-го тыс. до н.э., когда резко сокращается ареал её распространения, особенно в западном Полесье, возможно, вследствие продвижения на эту территорию населения позднеэнеолитических культур шаровидных амфор и ранней шнуровой керамики городоцко-здолбицкой культуры (по И.К.Свешникову). Тем не менее, определенная часть населения ещё долго оставалась в бассейне Припяти и в какой то мере влияла на формирование стжижовской, и даже ташинецкой культур, что просле-

живается в элементах форм и орнаментации керамики. Для керамики раннего периода (Рознич, Тросное, Карасин, Шепель) характерны простые формы изделий: конусовидные горшки с прямыми стенками и острым дном; орнаментация состоит из «гребенки», параллельных линий, рядов, ямок и штриховки; в тесте присутствует большая примесь растительности, песка, меньше шамота.

В средний период ВНК наблюдается увеличение ассортимента сосудов за счёт профилированных изделий (при суженой шейке - развёрнуты венчики), более разнообразен и декор: больше орнамента из наклонных и прямых насечек, «копыток»; в тесте уменьшается примесь органики при увеличении песка и шамота (изредка дресвы). Часть сосудов имеет проглаженную поверхность (Мидск II, Г'рузятин, Новосилки, Майдан); на внутренней или внешней поверхности есть расчёсы гребёнкой, которые позже можно видеть в стжижовской керамике.

Для горшков позднего периода ВНК характерно увеличение толщины стенок, а также увеличение в тесте дресвы из толчёного кремня и гранита при минимальной примеси растительных волокон. Формы изделий и их декор в основном унаследованы от предыдущего периода. Плоскодонная керамика почти не известна.

Для памятников ВНК характерны следующие стратиграфические данные:

1. В 1978 г. автором найдена ранненеолитическая керамика ВНК и остатки кострища. возле с. Осова под углублённым жилищем городоцко-здолбицкой культуры.

2. На поселении ВНК Коник энеолитическая керамика находилась на границе гумуса и подпочвы, а неолитическая - в середине почвы.

3. На поселении ВНК Оболонь, как и на поселении Коник, керамика КВС лежала в верхней части подпочвы, а неолитическая - ближе к материковому песку.

Таким образом, можно предложить следующие хронологические границы для различных периодов памятников ВНК: ранний период - 4500-3300 лет до н.э.; средний период - 3300-2500 лет до н.э. и поздний период - 2500-2000 лет до н.э.

С.В. Ошибкина (Москва, Россия)

КАРГОПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА В СИСТЕМЕ НЕОЛИТА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ

Озера Воже и Лача с соединяющей их рекой Свидь являются остатками приледникового водоема, имеют меридиональную направленность и протяженность около 180 км. Природные особенности этой экологической ниши способствовали ее освоению коллективами охотников - собирателей уже в мезолите, а в неолите возникновению целой системы из поселений постоянного обитания и сезонных стоянок. В неолите особенно успешно развивалось рыболовство, которое вместе с охотой и собирательством создавало условия для роста населения и увеличения числа стоянок, что характерно для среднего неолита лесной зоны, а в широком смысле известно как демографическая революция.

Вопрос об истоках неолитических культур Севера Восточной Европы, в том числе Восточного Прионежья, остается дискуссионным. Кроме гипотезы о продвижении сюда в неолите населения из Центра Русской равнины, существует предположение о первоначальном формировании культуры с ямочно-гребенчатой керамикой у побережий Онежского озера на основе местного мезолита и его последующем продвижении на юг, в Волго-Окское междуречье. Более вероятно, что в начале неолита в Восточном Прионежье спорадически появлялось население культуры сперрингс. Отдельные находки характерной керамики или остатки культурных слоев обнаружены на стоянках Почозеро на Кенозере, Ильинском острове на Мошинском озере, на западном берегу озера Лача и др. Население

культуры сперрингс отличалось подвижностью и его следы обнаружены далеко от основного ареала в Финляндии и Карелии, вплоть до Кольского полуострова, и около больших озер на востоке.

Представляет интерес стоянка Сиянга, открытая В.В.Шевелевым недавно около оз. Лача и определенная им как мезолитическая. Однако, при раскопках в 1998г. здесь найдена керамика необычного облика. Это обломки тонкостенных сосудов, светлые, с примесью песка, без орнамента или с редкими и мелкими ямками на поверхности. Существенно, что керамика встречена около очагов углубленного жилища вместе с пластинчатым кремневым инвентарем мезолитического характера. По расположению стоянки на высокой пойменной террасе и составу находок ее можно отнести к раннему неолиту, возможно, 5 тыс. до н.э. На примере Сиянги возникает перспектива открытия памятников раннего неолита, до сих пор в Восточном Прионежье неизвестного, но постепенно выявляемого в соседних регионах.

На рубеже 5-4 тыс. до н.э. северные территории начало осваивать население с ямочно-гребенчатой керамикой, продвигавшееся из Центра Русской равнины. Основной путь проходил по речным долинам и котловинам озер на западе современной Вологодской области и востоке Карелии, вплоть до Беломорья. Восточное Прионежье оказалось на востоке ареала, занятого этим населением. Здесь образовалась каргопольская культура среднего неолита, с четкими границами на севере и востоке и неопределенными в других направлениях. Она разделяется на два условных хронологических периода. Памятники раннего периода (пер. пол. 4 тыс. до н.э.) уже имеют типичную для среднего неолита керамику и каменные изделия развитых форм, но сохраняют известное сходство с льяловской культурой. Для поселения Сухое (II горизонт) получена дата 5640 ± 180 BP (ГИН-6597), что соответствует раннему периоду. В позднем периоде (вторая половина 4 -3 тыс. до н.э.) существовали поселения, где материальная культура приобретает своеобразие, отличающее каргопольскую от других культур с ямочно-гребенчатой керамикой. В это время появляются орнаментальные мотивы из плывущих птиц и узоров, имеющих аналогии в культуре гребенчато-ямочной керамики, распространенной западнее, от Карелии до побережий Финского залива. Яркими памятниками этого времени являются Кубенино, Андозеро II и др.

В конце неолита на территории каргопольской культуры появляется новое население, о происхождении которого нет единого мнения. Основным памятником - свайное поселение Модлона, имеет даты 4850 ± 120 BP (ЛЕ-994), 4360 ± 130 BP (ЛЕ-993). Верхний культурный слой поселения датирован 3960 ± 150 BP (ЛЕ-992). Последняя дата определяет возраст пористой керамики, найденной в верхних слоях Модлоны и других стоянках Восточного Прионежья, но никак не связанной с каргопольской культурой. Памятники с пористой керамикой известны в энеолите Карелии, на северо-востоке европейской России, в Волго-Окском междуречье. Повсюду они образуют культуры, по-видимому, не связанные генетически, но принадлежащие одной эпохе.

PROBABILISTIC INTERPRETATION OF ^{14}C CALIBRATED AGES AND DENDROCHRONOLOGICAL STUDIES OF THE LOGBOATS FROM POLAND

Logboats are relatively recent source of archaeological knowledge in Poland. It was only when natural methods of absolute dating became widespread that it became possible to establish the age of these boats and to examine their cultural and historical connections. In 1995 the Polish Maritime Museum started to work on a catalogue of all the logboats in Poland, which would contain a complete scientific documentation of each one and determination of their ages on the basis of absolute dating.

Along with rafts, logboats constitute the initial forms from which plank boats were built in the earlier Middle Ages. In spite of the fact, that more perfect means of water transportation have been developed, logboats are still used for fishing in some places at the Bug River today.

The major obstacle in the studies on boats was the problem to determine the time and place of their origin. The logboats collected in Polish museums come mainly from accidental discoveries. They were found in water bodies or in their surroundings without any accompanying artefacts that could help to determine the time of their origin by means of archaeological methods. A lack of chronological benchmarks in the surroundings of the boats made it necessary to apply absolute dating methods.

Before II World War nautical objects were dated on the basis of geological and palinological examinations. It was Hugon Gross who tried to determine the chronology of some logboats from the area of Mazury and Pomerania by means of palinological analyses. The spread of radiocarbon dating permitted that method to be used in order to determine the chronology of boatbuilding artefacts in the '80s.

Until the present day, following a query conducted in Polish museums, it has been possible to determine the number of collected in Polish museums logboats to be about 200, 30 of which are ethnographic artefacts, the builder of which is known. Over and above, we have numerous archival data on accidental discoveries of such craft. At the present time we can estimate that number of Polish logboats at over 300. Unfortunately, a large number of these are in very poor condition since no measures have been undertaken to preserve them. In many cases, too, there are no records of the site and circumstances of their discovery.

132 logboats have been subjected to ^{14}C dating and dendrochronological studies so far. Most of the logboats on display in museums stem from the late Middle Ages and modern times. So although quite a large number of such boats from various regions of Poland have been accumulated in the country's museums, not a lot can be said about the utilisation of logboats in times earlier than the late Roman period.

In the modern period the logboat became the most common form of smaller aquatic craft used for transportation and fishery. The results of the current research enable one to make comparisons with attempts hitherto made to outline, if only schematically, the development of the logboat in Poland. The historical logboats of known chronology indicate that, a diversity of forms and types of logboats existed in various periods, and it is hard, at the present stage of research, to follow the evolution of the logboats from the earliest times until the present day.

Logboats are important historical artifacts that tell us a great deal about ancient navigation. Until the Middle Ages, logboats are the only survivors of the numerous craft that must have plied Poland's waterways. Research has shown that these boats played a

significant role in inland water transport from the Middle Ages down to the 19th century. Moreover, not only do logboats provide information about former boatbuilding techniques, analysis of the use and operating conditions of these craft can tell us a lot about the extent to which water areas were utilized in former times.

¹⁴C Dating and calendar years

The earliest dating of samples taken from logboats, that have been found in the area of Poland, were made in the Gliwice Radiocarbon Laboratory in the late 70's and early 80's. After ten-years-break the study of their chronology was renewed. The results of ¹⁴C dating (51 dates) include all published by then and not published, obtained during last several years' results. The subject of discussion and probabilistic interpretation is the calendar age of dated boats. The calibration of ¹⁴C dates were made using OxCal programme in case of dates not higher than 300 BP and GdCALIB programme in case of all remained dates. In the distribution of calibrated dates we find lack of samples of age between *ca.* 800 BC and *ca.* 300 AD. This result is surprising and detached from the results observed for Central Europe. The remained ranges of age, with high frequency of dates, are in good coincidence with similar periods obtained for Central Europe.

Dendrochronology

Most of the analysed logboats were made of trunk of oak (*Quercus robur/petraea*). Tree-ring analyses were carried out on 60 oak logboats. In most cases samples of wood for analyses were taken with increment borer, suitable for dry wood. Only in cases of badly preserved logboats there were taken slices, about 2-3 cm thick. 46 logboats were absolutely dated. It turned out that tree-ring dating of logboats, which practically meant dating of individual trees, was highly successful. It was due to broad comparative material, in form of regional and local chronologies, as well as to the fact that for the construction of boats the largest specimens of oaks, dominant in local populations and representative for regional growth pattern, had been selected. Logboats from younger periods, i.e. Middle Ages and Modern Times are predominating. Frequency distribution pattern is in agreement with the distribution pattern of ¹⁴C dating.

Ю.В.Панченко (Киев, Украина)

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ЧЕЛНОКОВ.

На многих неолитических памятниках Евразии находят каменные изделия субовальной формы с поперечным желобком на спинке. Свое название в украинской научной литературе они получили благодаря А.В.Добровольскому за сходство с ткацкими челноками (укр. «човниками»). В России подобные изделия имеют название «утюжков» или «выпрямилков». Территорию их распространения можно очертить степной и лесостепной зонами от Днепра до Байкала. На сегодняшний день можно выделить следующие «очаги» их распространения: Ближний Восток, Нижнее Поднепровье (Днепровское Надпорожье) и Подонье, Южный Урал и Зауралье. Находки челноков чаще всего одиночны. Наличие во многих культурах степи и лесостепи Евразии подобных изделий свидетельствует о единой культурной или специфической хозяйственной традиции, пока не изученной. Наиболее ранние подобные изделия найдены на Ближнем Востоке (Баста, Джармо, Карем Шахир, Шанидар) (Wechler, 1997). Они представляют собой достаточно грубо сделанные каменные плитки. Упомянутые изделия датируются XI-VII тыс. до н.э. В литературе они фигурируют как «полировальники древков стрел». Грубые формы и материал (твердые породы) делают эту гипотезу достаточно обоснованной. На

Украине челноки появляются в мезолите. Именно с этих пор появляются челноки вытянуто-овальной формы (Каменная Могила, ДВС, Игрень V), в том числе и со сложным орнаментом (ДВС, Студенок).

В неолите Украины челноки связаны с сурско-днепровской культурой и культурами днепро-донецкой этнокультурной общности (Даниленко, 1969). Единичный челнок был найден на поселении буго-днестровской культуры (Ново-Розановка) (Товкайло, 1999). В целом, на Украине челноки были распространены в VIII-IV тыс. до н.э. Большинство их изготовлено из т.н. стеатита (или талькового сланца)- мягкого камня светло-серого или серебристо-белого цвета, который легко поддается обработке. Другие материалы- песчаник, гранит.

Большинство исследователей предполагают утилитарно-практическое использование челноков: в качества полировальников для древков стрел (Коробкова, 1969), грузков для копьеметалки (Окладников, 1966), маховичков для лучковых сверл (Телегин, 1980), инструментов для изготовления веревок (Гавриленко, 1994). Менее распространена гипотеза, которая рассматривает челноки как предметы искусства, и которой придерживается автор. Значительный процент челноков из территории Украины орнаментирован. Поэтому с украинским неолитом можно связать появление традиции изготовления более художественно завершенных челноков, имеющих сложный орнамент. Поскольку в искусстве неолита была распространена стилизация, то подобные изделия можно считать произведениями искусства. У рыболовецкого населения неолита была распространена каменная скульптура с ихтио-антропоморфными чертами. В культурах неолита Украины, в хозяйстве которых рыболовство также играло ведущую роль, подобные находки отсутствуют, но исследователи предполагают их существование (Павленко, Харченко, 1997). На сходство челноков с ихтиоморфной скульптурой указывает их вытянуто-овальная форма, валикоподобный выступ, что имитирует рыбий плавник, и углубленный орнамент (косая сетка, косые кресты и зигзаг), который может означать чешую или волны.

По нашему мнению, в связи с изменением материала и формы, может изменяться и назначение челноков. Данные изделия, появившись на Ближнем Востоке в качества полировальников, с течением времени диаметрально изменяют свое назначение на культовое. В связи с этим, вероятным представляется использование челноков в качества насадок на жезлы, которые своим желобком крепились к жезлу и прочно фиксировались веревкой.

В.Н.Даниленко считал, что распространение челноков происходило от Ближнего Востока на больше южные территории, от Казахстана и Южного Урала к бассейну Днепра (Даниленко, 1969). В свою очередь В.И.Матющенко указывал на "обратное распространение" челноков- с запада восточнее до Алтая (Матющенко, 1988). В связи с большим возрастом челноков бассейна Днепра эта гипотеза выглядит более привлекательной.

Распространяясь восточнее, челноки частично изменяют свою форму: из вытянуто-овальных становятся подромбовидными (Крижевская, 1968), увеличивается процент "нетипичных" экземпляров. Это может указывать на постепенный отход от "канона" изображения. На указанной территории находки челноков относятся к слоям неолита-бронзы. Следовательно, можно рассматривать челноки как изделия, которые, распространяясь из Ближнего Востока на территорию Украины, меняют свое применение с бытового на культовое. Приобретая более завершенную форму, они становятся выразителем религиозного мировоззрения рыболовецкого населения различных неолитических культур. Распространяясь далее на восток, они представляют собой нетипичный пример "обратного распространения" культурных традиций с запада на восток.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ ПОЛИВАНОВА ЯРА — МНОГОСЛОЙНОГО ПАМЯТНИКА ПОДНЕСТРОВЬЯ ЭПОХИ НЕО-ЭНЕОЛИТА

Вопросы периодизации и хронологии памятников юго-запада Восточной Европы (территория Украины, Молдовы) нео-энеолитической эпохи неизменно находятся в центре внимания отечественных и зарубежных специалистов (Т.С. Пассек, С.Н. Бибииков, В.Н. Даниленко, Д.Я. Телегин, Е.К. Черныш, В.И. Маркевич, Вл. Думитреску и др.).

Решение проблемы осложняется спецификой исторического пространства — синхронным развитием некоторых неолитических и энеолитических культур при различном уровне содержания этнического пространства. К тому же, памятники этого обширного региона пока неравномерно обеспечены радиоуглеродными датировками.

В контексте сказанного важное значение имеют данные хронологии последней крупной этнокультурной общности Триполье-Кукутени, особенно ее стратифицированные объекты. К числу таких неординарных памятников с четкой вертикальной стратиграфией относится Поливанов Яр в Среднем Поднестровье (Украина, Черновицкая обл.). Открытый (1948 г.) и изученный путем раскопок (1949 - 1951 гг.) Т.С. Пассек, Поливанов Яр остается одним из эталонных опорных поселений не только культуры Триполье-Кукутени. На поселении в условиях *in situ* было установлено залегание трех разновременных слоев трипольской культуры, обозначенных Т.С. Пассек как Поливанов Яр III (нижний слой), Поливанов Яр II (средний слой) и Поливанов Яр I (верхний слой), и датированных ею по своей периодизации соответственно этапами Триполье VI, VII, VII (Пассек, 1961).

При дальнейшем изучении материалов этого уникального памятника, в первую очередь для уточнения хронологии его горизонтов, нами был использован целый ряд методов в их совокупности (Попова, 1972, 1979, 1985). Главными из них являлась установленная стратиграфия и типологическая классификация разнообразных комплексов, основным показателем которых было соотношение различных групп керамики в пределах слоя.

Анализ материалов позволил внести уточнения в хронологическую схему Т.С. Пассек, установить время возникновения поселков, длительность их функционирования. Особое место занимает нижний слой, в рамках которого было выделено два культурно-хронологических комплекса — Поливанов Яр III₁ и Поливанов Яр III₂. Первый поселок отражает малоизученный вариант этапа Триполья VI, представляя переходную фазу от Триполья A к этапу VI и начало этапа VI

Кукутень A₂ - A₃. Его относительная хронология определяется концом первой половины - серединой IV тысячелетия до н.э. Для этого поселения имеется радиоуглеродная дата, фиксирующая его нижнюю границу: образец угля нижнего слоя - 5540±70 BP (GrN-5134) (Vogel, Waterbolk, 1972).

Кукутень A₃ - A₄. Органическим продолжением развития культуры Поливанова Яра III₁ является поселение Поливанов Яр III₂, относящееся к этапу Триполья VI. Оно датируется серединой - второй половиной IV тысячелетия до н.э.. Этот комплекс близок материалам поселения Хэбэшешть I в румынском Попрутье, которое по радиоуглеродной датировке угля из слоя Кукутень A₃ определяется как 5330±80 BP (Gr-1985) (Vogel, Waterbolk, 1963), что служит ориентировочно верхней границей первых поселков. Датировку обоих поселков дополняют данные топографии и наличие рвов (№ 1, 2), что непосредственно фиксирует время проникновения степных пастушеских племен с Востока в Северо-Западное Причерноморье.

рье в начале этапа Триполья VI. Последнее позволяет синхронизировать памятники скелянской культуры или культурной группы (по Ю. Рассамакину) с Трипольем VI (Стрильча Скеля и др.).

Кукутень А. Новые артефакты свидетельствуют о значительном вкладе носителей нижнедунайских культур Болград-Алдень и Гумельница в формирование этноса Поливанова Яра III₁ и III₂ (медные изделия, орудия из добруджанского кремня, сосуды с примесью в тесте толченого известняка), а также в сложение трипольских общин Днестровско-Прутского междуречья на этапе Триполье VI. Анализ материалов нижнего слоя позволил предложить микрохронологию как для Поливанова Яра III₁, III₂, так и для этапа Триполья VI.

Кукутень АВ₁-АВ₂. Поливанов Яр II, подразделенный также на более ранний поселок (II₁, средний слой) и более поздний (II₂), относится к этапу Триполье VII. На основании стратиграфии и типолого-сравнительных характеристик поселение датируется последней четвертью IV тысячелетия до н.э.

Согласно радиоуглеродной дате, полученной для синхронного ему поселения Клищев на Южном Буге, это 3150±80 г. до н.э. (Заец, 1975). Материалы Поливанова Яра II демонстрируют контакты с населением трансильванской культуры Петрешть, с культурами Балкан: Гумельницей (медные изделия) и с фракийской культурой Коджадермен - Гумельница—Караново VI (кремневые наконечники дротиков), а также с восточным, степным миром.

Поливанов Яр I₁ (верхний слой) отнесен к финалу среднего этапа Триполья (VI—СI), или фазе Кукутени В₂ (по В. Думитреску). Его относительная хронология определяется концом IV - началом III тысячелетия до н.э. Ориентировочной абсолютной датой для времени существования Поливанова Яра I₁ служит радиоуглеродная дата румынского поселения Валя-Лупулуй (Кукутень В): 4950±60 ВР (GrN-1982) (Vogel, Waterbolk, 1963). В период Поливанова Яра I₁ отмечены связи новой ориентировки — с трипольским населением северо-западных областей (Волинь), что подтверждается находками орудий из волинского кремня.

Впервые был выделен новый комплекс, обозначенный Поливанов Яр I₂, относящийся к началу этапа Триполья VII—СII, когда на Волини и в Прикарпатье распространяется культура воронковидных кубков (КВС) и шаровидных амфор (КША). Эти материалы отражают нивелировку, угасание трипольской культуры за счет интенсивного проникновения в трипольскую среду иноэтничных групп населения западной и восточной ориентации. Поливанов Яр I₁ датируется серединой III тысячелетия до н.э. Для установления его абсолютного возраста первостепенное значение имеют радиоуглеродные даты, позволившие связать Черनावоду I—III в Румынии: Чернавода I - 2555±100 г. до н.э.; 2435±100 г. до н.э. (Pippidi, Berciu, 1965), Эзеро 1-6 в Южной Болгарии (Караново VII) - 2385±100 г. до н.э. и Усатово (Триполье VII) в Северном Причерноморье - 2380±60гг. до н.э. (Долуханов, Тимофеев, 1972).

Таким образом, новые подходы установили наличие не трех, как считалось ранее, а пяти поселков в Поливановом Яре, отражающих тысячелетний период (с перерывами различной продолжительности) пребывания здесь трипольско-кукутенских общин (середина IV тысячелетия до н.э. — середина III тыс. до н.э.), что совпадает со вторым и третьим периодами нео-энеолитических культур Украины, по Д.Я. Телегину (Телегин, 1978).

ZUR PROBLEMATIK DER TAXONOMIE UND CHRONOLOGIE DER TRICHTERBECHERKULTUR AUF DEM GEBIET KUJAWIENS

Das Geschichte der Forschungen der Trichterbecherkultur Kujawiens (im folgenden TBK) hat fast sehr lange Tradition. Diese Forschungen wurden von Konrad Jażdżewski angetreten und wurden von Lidia Gabałówna, Tadeusz Wiślański und Aleksander Koško weitergemacht.

Nach Aleksander Koško, die frühe TBK auf dem Kujawien entwickelte sich zwischen 4400-3650 cal BC. Dieses Zeitraum ist jetzt in drei Hauptphasen geteilt: I (Sarnowo-Phase), II (Frühe Wiórek -Phase) und IIIA (Pikutkowo -Phase).

Die Möglichkeit der neuen Beobachtungen zur dieser Problematik ist Lucyna Domańska zu verdanken. Sie hat in der Nähe von Aleksandrów Kujawski archäologische Untersuchungen geführt (1994-1999). Inzwischen waren fünf Fundstellen der TBK untersucht. Aus diesen Siedlungen stammen gut erhaltene Hausspuren und fast 40 000 Keramikscherben.

Diese neuentdeckten Fundkomplexe werden Ausgangspunkt meiner Überlegungen zur Chronologie der älteren TBK. Ich habe aber Möglichkeit alle wichtige Fundkomplexe analysieren (fast 70 000 Scherben). Auf dem Grund statistischen Analysen der Morphologie und Ornamentik werden Überlegungen zur Periodisierung der TBK unternehmen.

Римуте Римантене (Литва, Вильнюс).

ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТА В ЛИТВЕ

В Литве выделяются четыре неолитические культуры, которые характеризуются определенными видами керамики, каменными орудиями и свойственным им хозяйственным строем. Это Нарвская культура, культура Шаровидных амфор, Неманская культура и Жуцевская. Не все памятники этих культур найдены в условиях, благоприятных для установления их датировок.

Наиболее разработана шкала хронологии по ^{14}C для Нарвской культуры в западной Литве. Побережье Балтийского моря здесь находилось в зоне послеледникового понижения суши, вследствие чего мезолитические и ранне-неолитические памятники оказались под водой и стали недоступными.

Потому самые ранние даты Нарвской культуры получены лишь для памятников в северной Латвии и в Эстонии, а в Литве лишь для памятников из северо-восточных районов (Жямайтишке 3В - 5510±60 BP, Bln-2594, т.е. начало четвертого тысячелетия BC). Памятники являются типичными поселениями охотников и рыболовов с множеством костей диких животных и рыб. Характерна керамика с органической примесью. На морском побережье имеются памятники лишь второй половины раннего неолита, которые датируются приблизительно 5000- 4000 BP, или около 4000-3000 BC по калиброванным датам. По пыльцевому анализу это соответствует концу атлантического периода. Довольно ранние даты получены для нижнего (В) слоя памятника Швянтойи 2/4: 4730±100 BP (Bln- 2523), 4910±110 BP (Vs-633), 5110±110 BP (Vs-811). Керамика в большинстве случаев с органической примесью; много деревянных орудий для рыболовства, найдены сети, челны, деревянный идол.

Вторая группа дат из того же слоя Швянтойи 2/4В характеризует первую половину среднего неолита и палинологически соответствует началу суббореала. В керамике все чаще появляется минеральная примесь, орнаментация более регламентирована; основное занятие - по-прежнему охота и рыбная ловля. Все даты находятся вблизи 4600-4200 ВР, т. е. около 3000- 2400 ВС, например, 4400±100 ВР (Vs-23), 4300±180 ВР (Vs-956). Такие же даты получены для памятника Швянтойи 3: 4290±90 ВР (Vs-812) и для Швянтойи 1В: 4400±90 ВР (ТА-247). Находки среднего неолита обнаружены и в Нида под основным слоем Жуцевской культуры - 4620±110 ВР (Vs-809), в средней Литве в Дактаришке 5В - 4360±90 ВР (Vs-809) и в северо-восточной Литве на Жямайтишке 1 - 4420±60 ВР (Вln-2593).

Вторую половину среднего неолита определяет дата из Швянтойи 23 (Vib-1) 4190±80 ВР, т.е. около середины третьего тысячелетия ВС. В это время в культурных слоях вместе с остатками, связанными с охотой и рыбной ловлей, начинают появляться первые домашние животные и культурные растения, что свидетельствует об обменных связях с носителями культуры Шаровидных амфор.

Культура Шаровидных амфор не была широко распространена в Литве, но она является исключительно важной, т.к. принесла населению Нарвской культуры земледелие. Первые контакты с носителями Шаровидных амфор произошли около середины третьего тысячелетия, но поселения появились несколько позднее – в конце третьего тысячелетия, например, Швянтойи 2/4А и Катра. В это время начались экзогамные отношения с носителями Нарвской культуры, что особенно ярко отражает инвентарь поселения Швянтойи 6. Женщины культуры Шаровидных амфор принесли не только новую керамику и женские ручные рала, но и создавали своеобразную гибридную керамику - с признаками обеих культур. Дата поселения Швянтойи 6 - 4160±110 ВР (Vs-499).

Особенно мало дат по Неманской культуре. Для Запсе 5 имеется дата 4860±260 ВР (Vs-977). Можно ориентироваться на даты для памятников Калининградской обл. и Белоруссии, которые лежат в пределах 5500-4600 ВР, что соответствует 4500-3000 ВС, т.е. они близки датам Нарвской культуры.

Основной культурой позднего неолита является Жуцевская. Она была распространена по всей Литве, хотя большинство поселений найдено в западной части, среди них Швянтойи 1А, Нида, Дактаришке 5А. Далее к востоку встречаются небольшие поселения с одним очагом, как, например, Дубичай 2, Маргяй 1 и Шакес, появившиеся на месте неманских памятников. По данным ¹⁴С видно, что эта культура существовала параллельно с другими местными культурами, такими как поздняя Нарвская, Неманская и культура Шаровидных амфор, во второй половине третьего - на рубеже второго тысячелетия до н.э. Наиболее ранняя дата получена из Шарняле (Vs-318) - 4260 ± 60 ВР, несколько более поздняя для Швянтойи 1А - 4100±100 ВР (Vs-22). По инвентарю прослеживаются связи с общеевропейским горизонтом культур Шнуровой керамики. Классическая форма Жуцевской культуры представлена поселением Нида, датируемым по радиоуглероду — последним столетием третьего тысячелетия до н.э.: 4070±50 ВР (Вln-2592).

В начале второго тысячелетия до н.э. из пережитков местных культур под влиянием общеевропейских культур бронзового века сформировался Тшцинецкий культурный горизонт. Его датируют находки из Швянтойи 9, имеющие радиоуглеродную дату 3860±90 ВР (Vib-8).

ВОЛОСОВСКАЯ КУЛЬТУРА – ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПЕРИОДИЗАЦИЯ, СУДЬБА

Волосовская культура складывается в результате миграции групп с Валдая в Прибалтику и Волго-Окское междуречье. Западные локальные варианты льяловской культуры оказываются вытесненными на периферию лесной зоны. В состав формирующейся волосовской общности они не вошли. На протоволосовском этапе (5-4,8 тыс. л.н.) мигранты сохраняют материнскую культуру. На ранневолосовском этапе происходит заимствование у нарвской культуры керамической технологии, и она распространяется среди групп мигрантов. Отдельные группы расселяются на отдаленные территории. На третьем этапе (4,6-4,1 тыс.л.н.) происходит ассимиляция восточных вариантов льяловской культуры. Волосовская культура оказывает заметное влияние на соседние – так происходит интеграция в волосовско-турбинскую общность от Прибалтики до Урала.

Далее, в результате вторжения на волосовскую территорию и оседания здесь разных неродственных этнических групп, а также при изменении быта в момент освоения производящего хозяйства и металлургии происходит распад волосовской общности на ряд локальных культур (дубровичскую, шагарскую, имеркскую, лубанскую). В Прибалтике возникает тип сетчатой керамики, который затем распространяется по большей части территории волосовской общности. Связи в пределах общности сохраняются, что фиксируется распространением новых элементов. Единственным общим компонентом в составе формирующейся в разных районах культуры сетчатой керамики был волосовский.

Г.В. Синицына (Санкт-Петербург, Россия)

«КЛАДЫ» ВАЛДАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ХРОНОЛОГИЯ.

В работах последнего времени особое внимание уделяется проблеме оценки информативности различных категорий археологического источника, уровня их достоверности и степени пригодности для решения традиционных проблем археологического исследования. Особое значение приобретают в этой ситуации замкнутые и полузамкнутые комплексы, состав которых отражает факт одновременного попадания в слой.

Наиболее выразительным примером таких комплексов являются так называемые “клады”, содержание которых рассматривается как “ранцевый набор”. Анализ материалов таких комплексов позволяет выявлять сопряженные группы инвентаря и, соответственно, на основании факта их одновременного попадания в слой, считать синхронно функционировавшими. По материалам “кладов”, более надежно, чем по совокупному набору инвентаря поселения, возможно установить привязку археологических культур к строго определенным видам кремневого сырья в условиях широких возможностей его выбора.

Несколько таких “кладов” происходит со стоянок валдайской археологической культуры.

Одним из них является “клад”, исследованный в 1998 г., на многослойной стоянке Баранова гора (д. Ланино Селижаровский район Тверской области). Стратиграфически “клад” был приурочен к отложениям, перекрывающим культурный слой финального палеолита, гипсометрически - залегал на одном уровне с ним. Скопление с полным основанием можно считать “замкнутым комплексом” нахо-

док, одновременное попадание которых в слой сомнений не вызывает. Более того, компактное залегание кремней свидетельствует об их залегании в искусственной емкости, типа сумки или мешочка. В пользу этого свидетельствует отсутствие следов углубления на уровне залегания скопления, а также, предельно плотное положение находок параллельно друг другу, преимущественно в наклонном и горизонтальном положении, характерном для плоских предметов при переноске в мягком объеме. Рядом с "кладом" был найден камень-валун со следами использования в качестве наковальни.

Визуальное определение позволяет предположить, что все 47 предметов, входивших в состав "клада", получены на заготовках, снятых с трех желваков, изготовленных из кремня трех разновидностей: 1) черного непрозрачного кремня с плотной меловой коркой, ближе к корке серого; 2) черного галечного кремня с многочисленными точечными вкраплениями и грубой коркой; 3) бурого, коричневого кремня различных оттенков (от серого до красноватого), с точечными включениями.

Сырьевая база "клада" резко отличается от сырья раннемезолитического слоя, представленного исключительно серым кремнем.

Типологический набор входивших в его состав изделий идентичен набору инвентаря поздне-мезолитического культурного слоя стоянки Ланино I (раскоп VI 1987 г.), по образцу древесного угля из которого была получена радиоуглеродная дата 6440 ± 370 BP (ЛЕ-4347). На основании этой аналогии, "клад" можно отнести к концу мезолита.

Другой "клад" валдайской культуры, относящийся к более позднему, ранне-неолитическому ее этапу, был исследован Н.Н. Гуриной на ст. Котчище II. В состав "клада" здесь входило 16 предметов (7 отщепов, 2 тесла и 7 заготовок нуклеусов), изготовленных из одного блока серого кремня. Датировка этого "клада" ранним неолитом подтверждается аналогиями со ст. Ланино II, для которой имеются радиоуглеродные даты: 6296 ± 260 BP (ЛЕ-3298), 5910 ± 170 BP (ЛЕ-3299), 5440 ± 140 BP (ЛЕ-3490) и 5570 ± 80 BP (ЛЕ-3485).

Третий "клад" на стоянке № 17 у оз. Пудоро, близ с. Алексеевское, Вышневолоцкого района, опубликованный В.В. Федоровым (1953), отличается от двух рассмотренных по типологическому составу инвентаря и по сырью. Инвентарь этого "клада" изготовлен из светло-серого кремня, характерного для финально-палеолитических стоянок. В свете работ последнего времени его авторская датировка неолитическим временем вызывает сомнения. На основании прямых аналогий с материалами нижнего культурного слоя стоянке Подол III его возраст может быть определен временем финального палеолита.

В условиях обилия кремневого сырья, транспортировка продуктов первичного расщепления, практически готовых к употреблению, а также готовых орудий, представляющих собой типичный набор типов орудий валдайской мезолитической культуры, выглядит, вполне логично как "ранцевый набор" ("tool kit") инвентаря охотника или добытчика кремневого сырья.

"Клады" стоянок Баранова гора и Котчище II характеризуют состав "ранцевого набора" представителей валдайской культуры на двух этапах ее развития: поздне-мезолитическом и ранне-неолитическом. Изменение типологического состава при этом, не сопровождалось изменением сырьевой базы, достаточно однородной для инвентаря валдайской культуры на обеих стадиях ее эволюции.

В отличие от этого, изменение типологического набора "ранца" верхнепалеолитического и раннемезолитического населения сопровождается изменением сырьевой базы.

Смена ориентации населения на иные источники сырья является одним из принципиальных показателей культурного различия и, по крайней мере, для района Верхневолжских озер, одним из признаков для построения периодизации.

А.Т.Синюк (Воронеж, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА СРЕДНЕГО ДОНА.

Мозаичность этнокультурного содержания неолита Среднего Дона, связанная с географическим положением региона между зонами Леса и Степи, создает очевидные преимущества для решения проблем синхронизации и размещения разнотипных культурных комплексов на единой хронологической шкале. Однако эта работа не будет эффективной без многоплановой корректировки, учитывающей как природную, так и историческую специфику Лесостепи, совсем не предполагавшую жесткой и неизменной на протяжении неолита границы, которая бы делила северный (лесной) и южный (степной) этнокультурный мир.

На сегодняшний день в пределах лесостепного Дона известны практически только сезонные промысловые стоябища многократного использования, широко рассеянные во времени. Но именно такой тип памятников раскрывает динамику взаимодействия культур и их хронологического следования. Стратиграфия ряда стоянок (Черкасская, Копанице 1 и др.) подтверждает имевшую место ситуацию хронологически «чересполосного» бытования разнотипных культурных комплексов, что, в свою очередь, требует известной осторожности при выстраивании периодизационной колонки культур по данным отдельно взятого того или иного памятника. Более определенно можно говорить лишь о хронологическом приоритете появления, или доживания той, или другой культуры.

Начало неолитической эпохи в Донской Лесостепи связано с появлением памятников среднедонской культуры синхронно времени распространения комплексов с ранней накольчатой керамикой (включая елшанский тип) на сопредельных и более южных территориях (Прикаспий, Заволжье, Нижний Дон и др.).

Появление в северной части Донской Лесостепи памятников рязанско-долговской культуры с ранней ямочно-гребенчатой керамикой и начало ее взаимодействия с местным накольчатым неолитом определяется временем до первых проникновений на эту территорию древнейших скотоводческих групп мариупольской культурной области, что маркируется стратиграфией стоянок Университетская 3, Долговская и др. По существующим хронологическим разработкам это соответствует времени не позднее середины IV тысячелетия до н.э.

Именно с указанного времени (уже на пережиточно-неолитической стадии) здесь отмечается развертывание процесса поликультурного бытования, получившего подпитку как из лесного этнокультурного мира (рыбноозерская культура с гребенчато-ямочной керамикой, окско-деснинская культура с ромбоямочной керамикой и др.), так и с юга, из среды скотоводческих племен (среднедонецкой, а затем и репинской энеолитических культур). Период их взаимодействия приходится на вторую половину IV и вплоть до конца III тысячелетия до н.э. Все это весьма красноречиво иллюстрируется оформлением смешанных типов материалов (черкасский, дронихинский и др.).

Источники свидетельствуют, что сложная полиэтничная и поликультурная ситуация была порождена исключительно высокой демографической емкостью Лесостепи, сохранявшей на длительное время механизмы параллельного бытования культур, а это следует рассматривать в качестве ее яркой исторической специфики.

Разработка проблем абсолютного датирования неолита рассматриваемого региона пока сдерживается своеобразием условий мест нахождения памятников – в легких пойменных речных отложениях, крайне редко содержащих древесные остатки, а в плане палинологического анализа дающие известные отклонения. Вместе с тем, с учетом имеющихся радиоуглеродных дат (стоянки Университетская 3, Черкасская) совокупность наблюдений позволяет рассматривать неолит Среднего Дона в рамках V-III тысячелетий до н.э.

Необходимо отметить, что установление верхнего рубежа неолита всецело зависит от датировки не только энеолитических, но и раннебронзовых культурных образований, прежде всего – древнеямного и катакомбного, поскольку на Среднем Дону имеются синхронные им культурные комплексы, (в частности, с материалами иванобугорской культуры), включающие заметные элементы неолитических традиций.

Н.Н.Скакун, Б.И.Матева (Санкт-Петербург Россия, Исприх, Болгария)

ЗНАЧЕНИЕ КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ ДЛЯ РЕШЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

(по материалам неолита и энеолита северо-восточной Болгарии)

По сложившейся традиции, из-за большого количества разнообразных и репрезентативных находок, в особенности великолепной керамики, производственный инвентарь неолита-энеолита Балкан мало используется при решении культурно-хронологических проблем. Однако, как показывают специальные исследования, такой археологический источник может привлекаться не только в качестве косвенных доказательств тех или иных общеисторических гипотез, но и играть самостоятельную роль при их разрешении.

Хорошим примером служат результаты анализа Северо-Восточной Болгарии. На этой территории в позднем неолите существовало по крайней мере четыре культуры – Хотница, Усое, Подгорица, Хаманджия и культурный аспект с бояноидными чертами. Все они возникли на общей или близкой основе, имели тесные динамичные связи между собой, что в конечном итоге, под влиянием фракийского импульса, привело к их культурному нивелированию (Гадова, Вайсов, Станев). При этой ситуации оказывается довольно сложным разграничение между последующими фазами неолита и раннем энеолитом. Большинство исследователей связывают переход от одной эпохи к другой в этом районе с переменами в топографии поселений, появлением наземных жилищ, развитием керамических форм и орнамента, подчеркивая при этом сильное фракийское влияние. Но следует иметь в виду, что перенесение поселений со склонов плато на речные террасы диктуется, как правило, климатическими факторами и не может быть определяющим элементом для хронологических рамок эпохи.

Наземные жилища появились на Балканском полуострове еще в раннем неолите, как считается, из Анатолии, и существовали на ряде поселений позднего неолита Северо-Восточной Болгарии одновременно с землянками. Что касается развития керамического комплекса, то в нем, несмотря на различия в технике нанесения орнамента, выявляется единая тенденция, охватывающая фракийскую долину, Северо-Восточную Болгарию, часть Румынии. Пока эти элементы культуры не получили своего законченного развития, провести четкую границу между концом неолита и началом энеолита не всегда удается.

На кремневом инвентаре, напротив, различия проступают довольно отчетливо. Во-первых, в неолитических культурах основным сырьем для орудий служили

местные породы мелко галечного кремня, тогда как с началом энеолита начинается использование крупногалечного мелового добруджанского кремня. Вместе со сменой сырья происходит смена техники расщепления. Вместо мелких нуклеусов разных форм, служивших для получения средних и мелких пластин, а также отщепов, появляются крупные нуклеусы, с которых скалывались преимущественно крупные и очень крупные суперправильные пластины, так что меняется основной тип заготовки. Во вторичной обработке начинают применяться зубчатая и струйчатая ретушь, неизвестные ранее. Среди орудий исчезают такие неолитические типы, как орудия на отщепах, в том числе скребки и скребла, орудия на мелких пластинах, геометрические микролиты, и появляются новые – наконечники стрел и дротиков, асимметричные проколки, крупные концевые скребки на пластинах, двусторонне обработанные топоры и др. Таким образом, кремневый инвентарь памятников неолита и энеолита Северо-Восточной Болгарии отличается друг от друга по всем основным параметрам: сырью, технике расщепления, типам заготовок, вторичной обработке, типам орудий, что свидетельствует об отсутствии генетических связей между ними и наличии общих черт материалов Северо-Восточной Болгарии и материалами энеолита Фракии. Эти отличия, с одной стороны, помогают разделить материалы поздних фаз неолита и раннего энеолита Северо-Восточной Болгарии, а с другой стороны, подтверждают наличие сильного влияния на этот регион из Фракии, где фиксируется преемственность в кремневом инвентаре этих двух эпох.

В.В.Ставицкий (Москва, Россия)

ХРОНОЛОГИЯ СУРСКО-МОКШАНСКОГО НЕОЛИТА

Отсутствие палинологических данных и единичность радиоуглеродных датировок с территорий Сурско-Мокшанского междуречья значительно затрудняет разработку хронологии неолитических древностей данного региона. В данном вопросе приходится опираться на типологические сопоставления с другими, достаточно хорошо датированными материалами.

Среди сопредельных территорий наиболее хорошо разработана датировка верхневолжской культуры, которая опирается на десятки радиоуглеродных дат и ряд палинологических наблюдений. Основная масса гребенчато-накольчатой керамики Примокшанья находит близкие аналогии в керамике третьего этапа верхневолжской культуры, который по последним разработкам А.В. Энговатовой следует датировать второй половиной V тыс. до н. э. Наиболее ранняя гребенчато-накольчатая керамика Примокшанья по ряду параметров близка керамике второго этапа верхневолжской культуры, которая датируется серединой V тыс. до н. э. (Энговатова, 1997 С. 120).

Достаточно сложен вопрос о хронологическом соотношении гребенчато-накольчатой керамики Примокшанья с накольчатой керамикой Верхнего Посурья. На примокшанских памятниках встречаются фрагменты керамики, украшенные наколами, определенные аналогии которым можно найти в ранней керамике стоянок Подлесное 7,8. Это фрагменты украшенные, строчечными наколами овальной и треугольной формы, нанесенные палочкой с тонким концом. Сходство наблюдается и в наличии неорнаментированных фрагментов, которые обычно, связаны с накольчатой керамикой. А вот каких-либо специфических признаков, характерных для поздних комплексов Верхнего Посурья, в примокшанской керамике не отмечено.

Однако обратного влияния примокшанских орнаментальных традиций на накольчатую керамику Посурья не наблюдается. Вряд ли, подобный факт можно

объяснить отсутствием контактов между населением данных территорий, так как гребенчато-накольчатая керамика примокшанского облика имеется в Посурье на стоянке Подлесное 3. Видимо, присурские поселения с ранней накольчатой керамикой прекращают свое существование до появления здесь гребенчато-накольчатой керамики примокшанского облика.

Следовательно, ранняя накольчатая керамика Верхнего Посурья не может быть моложе гребенчато-накольчатой керамики Примокшанья. В таком случае, она будет датироваться не позже середины V тыс. до н.э. Эта датировка не противоречит хронологии среднедонской культуры, предложенной А.Т.Синюком, по мнению которого ранняя среднедонская керамика, с которой сопоставима керамика поселения Подлесное 7, относится к первой половине V тыс. до н.э. (Синюк, 1986. С.141-12).

Поздняя накольчатая керамика Верхнего Посурья на поселении Подлесное 5 залегает совместно с раннеэнеолитической керамикой нижнедонской культуры, причем, в облике накольчатой керамики Пензенских поселений присутствуют некоторые нижнедонские черты типа: усложненные венчики с воротниковым наплывом, а также мотивы в виде оттисков короткого зубчатого штампа, обведенные прочерченными линиями. На Софьинском поселении, в верховьях р. Хопер, также наблюдается совместное залегание накольчатой и нижнедонской керамики, причем, часть последней украшена заколами в технике отступающей лопаточки. Эти факты свидетельствуют в пользу синхронизации поздней накольчатой керамики Верхнего Посурья со временем становления воротниковых раннеэнеолитических культур, которые по последним данным можно датировать концом V - началом IV тыс. до н. э. (Выборнов, 1997. С.7).

О доживании до IV тыс. до н.э. накольчатой керамики на территории Сурско-Мокшанского междуречья косвенно свидетельствуют следы контактов групп населения с накольчатой и ямочно-гребенчатой керамикой, которые проявляются в посуде поселения Озименки. На ямочно-гребенчатой керамике этого поселения встречаются наколы, выполненные в технике отступающей лопаточки (Фосс М.Е. 1959, рис.3:13). Один из подобных фрагментов найден и на поселении Имерка 4 (Выборнов, Третьяков, 1988, рис.25:9).

Несколько иная картина вырисовывается по линии синхронизации сурско-мокшанских материалов с памятниками Среднего Поволжья и Приуралья. Ряд имеющихся радиоуглеродных дат по памятникам данных регионов более чем на тысячу лет моложе синхронизируемых с ними памятников верхневолжской культуры. Например, по памятникам развитой камской культуры имеются даты для Чумайтло 1: 4170 ± 90 ВР (Ле -1289), Среднее Шадбегово 3: 4560 ± 50 ВР (Ле - 2715), т.е. середина - вторая половина III тыс. до н.э., в то время как поздние памятники верхневолжской культуры датируются серединой V тыс. до н.э. По-видимому, для подтверждения столь позднего возраста камских памятников необходимо получение не единичных, а ряда серийных дат, при их увязке с палинологическими данными.

Довольно поздним временем датируются В.В.Никитиным памятники с накольчатой керамикой Марийского Поволжья. По его мнению, ранние накольчатые комплексы не выходят за пределы IV тыс. до н.э., а наиболее поздние - за рамки первой половины III тыс. до н.э. (Никитин, 1996а. С. 101). Если верна точка зрения А.В.Вискалина о появлении самарской энеолитической культуры в Среднем Поволжье не ранее середины IV тыс. до н. э. (Вискалин А.В., 1998. С.222), то можно допустить, что на Верхней Суре наиболее поздние поселения с накольчатой керамикой могли существовать вплоть до середины IV тыс. до н.э. Однако

серия радиоуглеродных дат по Первому и Второму Хвалынским могильникам очень тесно укладывается в рамки первой четверти IV тыс. до н. э. (Тимофеев, Зайцева, 1997 С.101, табл.5). Поэтому, наиболее поздняя накольчатая керамика присурских памятников вряд ли может датироваться временем позже начала IV тыс. до н.э. В это время территории, лежащие к югу и юго-востоку от Верхнего Посурья, уже достаточно прочно были освоены носителями "воротничковой" керамики, представители которых достигали и Примокшанья. Поэтому на Верхней Суре накольчатой керамике было взяты неоткуда.

Накольчатую керамику Шаморгского поселения, испытавшую на себе определенное воздействие со стороны раннеэнеолитических культур типа среднестоговсакой и репинской, видимо, можно синхронизировать с их ранними этапами развития, датирующимися второй половиной IV тыс. до н.э. - началом III тыс. до н. э. (Васильев, Синюк, 1985. С.59).

А.Д. Столяр (Санкт-Петербург, Россия)

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ОНЕЖСКОЙ ПЕТРОЛИГРАФИЧЕСКОЙ ГАЛЕРЕИ В СВЕТЕ ЕЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ

Отношение первобытной археологии к открываемым ею памятникам древнего творчества включает в себе несомненную двойственность. С одной стороны, такие открытия, получая немалый резонанс в СМИ, служат общему авторитету археологии. С другой стороны, в силу глубокой наследственности «палеоэтнологических» традиций, они редко оказываются объектом специального скрупулезного исследования по полной и строго логичной программе. Их включение в издания носит преимущественно иллюстративный характер, иногда сопровождаемым прямым, не обеспеченным предварительной атрибуцией материала обращением к проблеме семантики. При этом таящиеся в них важнейшие свидетельства по генеральной проблеме становления и развития человеческого феномена по-прежнему остаются совершенно скрытыми.

Приведенное заключение наглядно подтверждается итогами более чем полувекового изучения петроглифов Онежского озера. Они тем более показательны, что этот пантеон получил особо широкую известность, привлек внимание многих исследователей и составил основу, пожалуй, ведущей в нашей стране петроглифической лаборатории.

А между тем, до сих пор по существу даже не поставлена проблема восстановления истории этого грандиозного пантеона. Такой логически отправной теме - выяснению исторической структуры собрания и вопросу относительной хронологии его частей - посвящается предлагаемый опыт.

В этом аспекте изначально внимание было сконцентрировано на оценке сравнительной древности гигантского Беса. Археологи в большинстве (Тальгрэн, 1914; Брюсов, 1937; Формозов, 1969 и др.), основываясь только на внешнем впечатлении (предельная геометризованная стилизация), предполагали его относительно поздний возраст (Равдоникас, 1939) - вплоть до начала эпохи металла. Противоположное мнение, подкрепленное, подчеркнем, некоторой аргументацией, решительно сформулировал А.М. Линевский, раскрыв специфическую композицию «триады» (1939).

Послевоенный, более чем полувековой застой познания хронологическо-территориальной структуры онежского комплекса наглядно документируется обобщающим изданием «Археология Карелии» (Петрозаводск 1996). В этой части текст особо выделенного параграфа «Периодизация и хронология» петроглифов

(с. 144, ел.) состоит лишь из множества схоластически верных деклараций, не включая в себя ничего конкретного.

В противоположность такой статике осмысления памятника продолжение экспедиционных работ (1973, - Ю.А. Савватеев, особенно - 1986 г. - В. Пойкалайнен) привело к принципиально важному открытию трех групп петроглифов в устье р. Водлы. Так, наскальная галерея протянулась по берегу более чем на 20 км. Включая в свой состав 24 пункта скальных «зал», она территориально подразделяется на два отдела (основной - бесоносовский; финальный - водлинский), а число выявленных в ее границах символов превосходит 1300 изобразительных единиц.

Между тем, исследователями первобытной культуры по-прежнему никак не осознается парадоксальность того, что уникальное источниковедческое сокровище — монументальный (и в прямом, и в переносном смысле) памятник творческого сознания древности - представляется колоссально аморфным конгломератом с совершенно загадочным началом, ступенями многовекового развития и финалом. В 1936 г. В.И. Равдоникас определил степень исследованности памятника как самую начальную; в 1970 г. Ю.А. Савватеев назвал ее младенческой. Сейчас же, если основываться на показателях «Археологии Карелии», эту оценку надо приблизить к нулевой.

Насколько объективно обусловлено столь тупиковое положение в кругу тех проблем (структуры древнего святилища и относительной хронологии его частей), которые входит в самый базис археологического раскрытия прошлого? Наш предварительный, но уже занявший 25 лет опыт (публикации 1976; 1978; 1983; 1989; 1992; 1993; 1994а, б, в; 1995; 1999), снимает впечатление фатальной обреченности подобного поиска. Ниже мы представили краткое резюме наблюдений по названной теме.

В очень скромном историографическом ресурсе стартовое значение принадлежит одной, явно еще недооцененной установке А.М. Линевского. В непримиримом дискуссионном противостоянии его и В. И. Равдоникаса наглядно проявилась противоположность их исследовательского склада - А.М. Линевский, уступая своему оппоненту в масштабности и методологической глубине, в то же время превосходил его в зоркости конкретных наблюдений. Многолетние попытки «прочсть скалу» Бесова Носа привели его к «топографическому методу» как способу воссоздания, скажем так, виртуальной «изобразительной стратиграфии» однослойного (в смысле обрядовой исключительности перекрывания разновременных фигур) памятника. Самым большим его успехом явилась, повторим, распознавание глубоко своеобразной композиции «триады».

Разрабатывая идею А.М. Линевского в двух отношениях - как в умножении аспектов анализа, так и в пространственном охвате всего памятника в его современном видении - мы в опыте его относительной хронологической дифференциации основываемся на синтезе следующих показателей:

а) макротопографии отдельного скального «зала» (выраженность, «удельный вес» мыса в общей панораме берега);

б) микротопографии - положении определенного скопления символов или отдельной фигуры в общем контексте выделенного выше «зала» (высота относительно уреза воды; возможная привязка к его естественным особенностям;

степень топографической «свободы» или признаки вписывания символа в уже заполненное пространство и др.;

в) самого общего деления по изобразительным особенностям - масштабам символов, их включенности в различаемые композиции и стилистике исполнения (наблюдения Р.Б. Климова в экспедиции 1972 - 74 гг.);

г) дополнения имманентного анализа памятника учетом некоторых факторов исторического (выявление глубоких генетических корней отдельных образов, признаки миграционного воздействия на культуру Прионежья и др.) и естественнонаучного (реконструкция ритма транс- и регрессий Онежского озера) характера.

Переходя к собственно аналитической части сообщения, начнем с основного (т.е. бесоносовского) отдела памятника. По пункту «а» сразу же фиксируется константное господство Бесова Носа. Такая доминанта мыса, «остро» вдающегося в озеро на 700 м, отражается отголосками средневековых фольклора и топонимики, да и всем восприятием нашего современника (вплоть до особого учета мыса в оценке навигационной обстановки).

Выполнив затем выборку основных паспортных данных по характеристике координат и привязки изображений к скальному контуру в мерах микротопографии (пункт «б»), затем уместно перейти к элементарно обобщенному изобразительному анализу (пункт «в»).

При первом же, беглом ознакомлении с бесоносовской галереей сразу же бросается в глаза резкая дифференциация выбитых фигур по их размерам на две группы - на самой поверхности сакральных скал наглядно противостоят одиночные гиганты и массы карликов (предельное соотношение размеров отвечает пропорции 1:15 и даже 1:20). На такую «непропорциональность величин» внимание обратил еще А.М. Линевский, не ощутивший, однако, их хронологической размежеванности.

Крупные фигуры по всей сумме признаков (особая близость к урезу воды, расположение в ярусе коричнево-красной разности гранита с глянцевитой патинированной поверхностью, свобода вписывания символа в скальное полотно - вплоть до наложения Беса на древнюю трещину или «семантической» ориентировки архаичного жезла на Пери-Нос VI, особо тщательная техника выбивки и строго линейное оконтуривание силуэта) являются начальными и с достаточными основаниями могут определяться в качестве реалий древнейшего пласта онежских петроглифов. Фигур такого калибра немного - не более 20-25 символов (т.е. менее 3% от общего числа изобразительных единиц бесоносовского собрания). Они размещаются, помимо Бесова Носа, на соседних, расположенных севернее мысах (последовательно Пери-Нос VI и III), охватывая участок берега протяженностью не более 1.200 метров. Сюжетно, кроме фигур «триады», здесь представлены обязательно крупные силуэты длинношеих лебедей, т.н. жезлов и лунарно-солярных знаков.

Косвенно (пункт «г»), но исторически весомо такая оценка этого фонда подтверждается выяснением глубоких генетических корней подобного формообразования. В генеалогии Беса в качестве объемного архетипа выступает монументальная антропоморфная деревянная скульптура мезо-неолитических культур (иначе - идолы) лесной полосы (публикация 1978 г.). Углубление этого поиска привело нас сейчас к уникальному вертикальному погребению (№ 100) Оленеостровского могильника (мезолит) как исходному звену становления культа предков и его обрядово-символического выражения (доклад в Гос.Эрмитаже, октябрь 1999 г., в печати). К этому же исключительному некрополю приводит выяснение материальных прототипов самых ранних больших силуэтных жезлов мысов Пери-Нос VI и III (публикация 1983 г.).

Итак, начальным ядром пантеона явилось небольшое святилище, вероятно, группы близких родов. За его рождением, обозначенным плоскостной фигурой антропоморфного идола (т.е. Беса), наверное, последовал длительный период

очень медленного развития. Переход к следующему (скажем, зрелому или основному) периоду функционирования онежского пантеона был отмечен совершенно другой социо-культурной динамикой, зримой интенсификацией и усложнением всего исторического процесса.

Святылище территориально мощно раскинуло свои крылья на север и юг от первородного ядра, охватив берег озера на протяжении примерно 10 км. На скалы (в том числе и освоенные первично) «высыпались» сотни малых фигур, выполненных, вопреки их размерам, в более грубой (скорописной) технике и порой передающих новые мотивы и сочетания.

Особо следует подчеркнуть, что все материалы памятника говорят о том, что смена «калибра» не носила имманентно-эволюционного характера. Допущение последовательной миниатюризации идеограмм отвергается четкостью уже упоминавшегося разграничения всей изобразительной массы. Сказанное приводит к допущению вероятности воздействия со стороны неких существенных факторов. А их обнаружение при условии преодоления узкого изоляционизма в обращении к синхронной источниковедческой базы не составит особой трудности. Ключ к этой коллизии содержится в замечательной статье С.Н. Замятина (1948), отметившей существенную близость образов малой кремневой скульптуры волосовского круга и петроглифов Карелии. В такой перспективе бесносовский петроглифический ансамбль предстает как межплеменной кафедральный собор первобытности, отражавший сложное интеркультурное взаимодействие на ступени неолитического этногенеза в северной Европе.

Несомненно, что вся кратко рассмотренная петроглифическая биография неизбежно ощущала на себе развитие естественных процессов - прежде всего, изменения уровня озера. Первородная скала Бесова Носа позволяет распознать следы попыток ритуального противодействия развивавшейся трансгрессии. Попутно эпизоды позднейшего повторения первичных фигур свидетельствуют об исключительной стойкости мифологической памяти первобытной поры.

Не исторический, а сугубо природный фактор, вероятно, обусловил начало третьего (заключительного) периода бытия онежской галереи. С наибольшими основаниями можно полагать, что продолжающаяся трансгрессия, потопившая, очевидно, к великому ужасу неолитического социума его сакральные символы, заставила искать новый, недоступный воде плацдарм. Таковым оказались высокие мысы в устье р. Водлы, хотя выстилавший их серый, легко выветривающийся гранит очень уступал качественному нижнему ярусу бесносовского отдела. Выполненная международным эстонским обществом «Изучения первобытного искусства» монография «Rock carvings of lake Onega. The Vodia region», (Tartu, 1998; авторы В. Пойкалайнен и Э. Эрнитс) представляют новую ступень петроглифической публикации, заслуживающую самой высокой оценки.

Последнее замечание - в свете предложенной реконструкции проясняется особая роль мировоззренческих памятников в ходе древнейшего этнокультурогенеза Севера.

**ОБ ОСНОВНЫХ ЛИНИЯХ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ЮГО-ЗАПАДА
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ИХ ХРОНОЛОГИИ**

1. В докладе рассматриваются первобытные памятники Украины, Молдовы и некоторых сопредельных территориях Нижнего Дона, России и южной части Белоруссии. В этом довольно обширном регионе, охватывающем степные, лесостепные и отчасти полесские пространства, выделено более 20 культур, традиционно относимых исследователями к эпохе неолита и медного века. Они развивались либо синхронно, занимая разные области, или сменяли друг друга в одном и том же районе.

2. История неолитических и энеолитических культур Юго-запада Восточной Европы протекала в районе стыка двух зон или областей развития - западной земледельческо-скотоводческой и восточной охотничье-рыболовческой, а затем - скотоводческой. Культуры первой зоны - Криш-Старчево, линейно-ленточной керамики, Триполье, Лендель, воронковидных сосудов и шаровидных амфор и др. были здесь пришлыми из западных и юго-западных территорий, а второй - сурская, днепродонецкой общности, неманская, ямочно-гребенчатой керамики, среднестоговская, нижнемихайловская, константиновская и др. - местными восточно-европейскими.

3. Как в рамках первой, так и второй зон в силу различий материальной и духовной культуры племен выделяется ряд отдельных этнокультурных линий развития. Среди них кукутени-трипольско-усатовская, мариупольско-постмариупольская, среднестоговско-ямная, нижнемихайловско-кемиобинская и др. Отдельную генетическую линию здесь составляли, несомненно, и культуры ямочно-гребенчатой керамики лесных охотников и рыболовов. Культуры этих линий различаются по составу материалов, верований, а их носители принадлежали различным антропологическим типам.

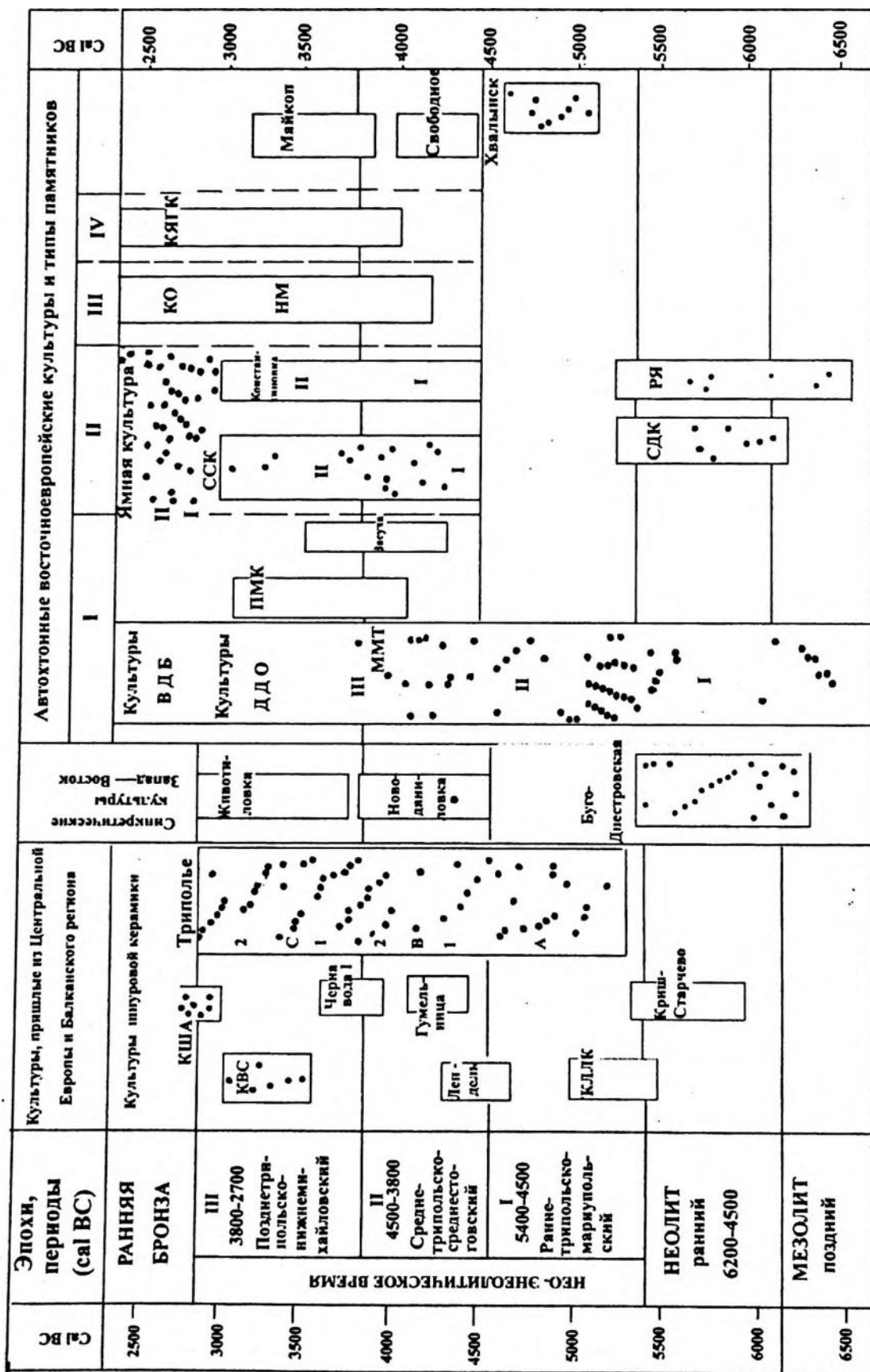
4. Анализ новых радиоуглеродных определений возраста памятников послемезолитических культур региона, как и привлечение при этом уже существовавших разработок их хронологии, позволяет прийти к заключению, что, во-первых, переход от мезолита к неолиту здесь произошел еще в середине VII тыс. до н.э., а начало ранней бронзы относится к рубежу IV-III тыс. до н.э., во-вторых, между этими хронологическими рубежами выделяются два неравновеликих временных отрезка или эпохи: неолитическая (ранне-неолитическая) - 6200-5400 до н.э., и нео-энеолитическая - 5400-2700 до н.э. В нео-энеолитическое время здесь одновременно развивались культуры, как неолитические, так и энеолитические (Табл. 1).

5. В развитии культур нео-энеолитического времени выделяется три периода:

Раннетрипольско-мариупольский - 5400-4500 до н.э. Среднетрипольско-среднестоговский - 4500-3800 до н.э.

Позднетрипольско-нижнемихайловский - 3800-2700 до н.э.

Затем на рубеже IV-III тыс. до н.э. на Юго-западе Восточной Европы распространяются культуры раннебронзового времени - ямная, шнуровой керамики и др.

Синхронистическая таблица культур раннего неолита и не-энеолитического времени Юго-Запада Восточной Европы

КША- культура шаровидных афор, КВС- культура воронковидных сосудов, КЛЛК- культура линейно-ленточной керамики, ДДО- днепро-днепровская культурная общность ММТ- могильники мариупольского типа, РЯ- Ракушечный Яр, ПМК- постмарипольская культура, СДК- сурско-днепровская культура, КЯГК- культура ямочно-гребенчатой керамики (Висло-Днепровский блок культур), ССК-средне-стоговская культура, НМ, КО- нижнемихайловская, кемпибская культура, КЯГК- культура ямочно-гребенчатой керамики (Висло-Днепровский блок культур)

● - радиоуглеродные даты (условно): I, II, III, IV - линии этно-культурного развития

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТЫ И ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Широкое внедрение в Восточной Европе в хронологические схемы неолита данных радиоуглеродного датирования началось значительно позже, чем в Южной, Центральной, Западной Европе и в Скандинавии. Значительное увеличение количества данных по абсолютной хронологии неолита, происшедшее в последние годы (Неолит Северной Евразии, 1996; список радиоуглеродных дат: сборники "Радиоуглерод и археология", 1996, 1997, 2000, под ред. Г.И. Зайцевой и др.) существенно изменило хронологическое положение неолита рассматриваемой территории в системе неолитических культур континента.

До недавнего времени неолит Восточной Европы, особенно лесной зоны, рассматривался как явление более позднее и, в определенной мере, вторичное по отношению к пласту ранних земледельческих культур Юга Европы - Греции, Балкан, Средней Европы (Zvelebil, Dolukhanov, 1991), а также Средней Азии - культур, связанных в конечном итоге своим происхождением с древним ближневосточным центром неолитизации. Хронологические исследования последнего времени показали значительно более сложную картину. Неолитические памятники, датированные на юго-востоке рассматриваемой территории (многослойное поселение Ракушечный Яр в Нижнем Подонье, изученное многолетними раскопками Т.Д.Белановской, памятники елшанской культуры лесостепного Поволжья, изученные А.Е.Мамоновым и другими исследователями), дали серийные даты ^{14}C около 8000 лет т.н. (по некалиброванной радиоуглеродной шкале), т.е. их возраст не уступает возрасту наиболее ранних раннеолитических комплексов Средиземноморья и сопоставим с возрастом ближневосточных раннекерамических комплексов. Существенно, что в Ракушечном Яре ниже датированных слоев залегают еще слои, не имеющие дат. В целом, выделенная Т.Д.Белановской на безупречно стратифицированных материалах ракушечной культуры (Белановская, 1995), типологически не выглядит как начальное проявление степного неолита и керамика ее имеет довольно развитый облик.

Очень важное значение для хронологии неолита юга имеют серийные даты неолитических культур Украины, опубликованные недавно (Telegin, Kovalyukh, Potekhina, Lillie, 2000). Существенно, что древнейшие комплексы бугодноднестровской культуры, признанно имеющие в своем составе элементы балканского происхождения (В.Н.Даниленко, Д.Я.Телегин, В.И.Маркевич, В.С.Титов) и представляющие собой в определенной мере периферию круга ранних балканских культур, имеют даты порядка 7500-6700 л.т.н. Складывается картина, показывающая наличие к востоку от области распространения влияний традиционно древнейших европейских центров неолитизации особого, собственно восточноевропейского центра раннего керамического производства.

Несомненно, центр этот не был единственным, так, распространение ранней орнаментации гребенчатым штампом из районов Поднепровья (Д.Я.Телегин) на север, в Восточную Прибалтику хорошо подтверждается археологическим материалом.

Для лесной зоны Восточной Европы принципиально важны серийные данные ^{14}C для стратифицированных торфяниковых памятников Центральной России.

Время 7200- 7300 л.т.н. (т.е. конец 7 - начало 6 тысячелетий до н.э. по калиброванной радиоуглеродной шкале) для нижней границы верхневолжской культу-

ры, установленное по эталонным памятникам, изученным М.Г.Жилиным, В.М.Лозовским, Е.Л.Костылевой и другими исследователями, и существенно подкрепленное данными спорово-пыльцевого анализа (Е.А.Спиридонова, А.С.Алешинская), уже вряд ли подвергнется значительным изменениям в сторону удревнения. К непосредственно предшествующему времени относятся уже многочисленные даты позднемезолитических памятников Волго-Окского междуречья (Zaitzeva et.al., 2000)

Ранненеолитические памятники более северных территорий лесной зоны (нарвская и родственные ей культуры, памятники с керамикой типа сперрингс Финляндии, Карелии и смежных районов России, типа Черноборская 3 на Северо-Востоке) датированы временем на 500 - 700 радиоуглеродных лет более поздним, чем раннекерамические комплексы Центральной России.

Прослеживаются определенные рубежи распространения керамического производства (Timofeev, Zaitzeva, 2000) В то же время, процесс этот был, очевидно, сложным и в дальнейшем, несомненно, последуют более детальные реконструкции. На это указывают, в частности, ранние даты некоторых ранненеолитических комплексов Северо-Запада и Севера (сертейская культура, исследованная А.М.Микляевым и А.Н. Мазуркевичем, комплексы типа нижнего неолитического слоя Тудозера 5, исследования А.М.и М.В. Иванищевых).

В целом, последовательность появления ранней керамики в разных районах лесной полосы хорошо соответствует модели диффузионного распространения керамического производства в направлениях с Юга и Юго-Востока на Север и Северо-Запад. Сходный процесс распространения производящего хозяйства с Ближнего Востока в Европу был прослежен впервые Г.Кларком (G.Clark, 1965).

Радиоуглеродные данные, серийные и систематизированные, применяемые с учетом специфики этого источника, дают важные возможности не только в плане установления абсолютного возраста памятников и культур, но и позволяют изучение динамики распространения отдельных элементов культуры. Проведение исследований подобного направления на восточно-европейских материалах представляется весьма перспективным.

Е.Н.Титова (Киев, Украина)

ХРОНОЛОГИЯ КИЕВО-ЧЕРКАССКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Археологические исследования 80-90-х годов на неолитических пунктах Среднего Поднепровья позволили автору выделить памятники днепро-донецкого типа данного региона в особую киево-черкасскую археологическую культуру, имеющую ряд специфических признаков, в первую очередь в керамическом комплексе, отличающих ее от прочих этнокультурных групп памятников с гребенчато-накольчатой орнаментацией посуды.

Данное своеобразие связано с особенностями исторического развития неолитического населения контактной зоны, каковой являлось Поднепровье в рассматриваемую эпоху.

Возникнув на местной позднемезолитической основе при значительном влиянии приазовско-кукрекского импульса, киево-черкасский неолит испытывал на всем протяжении своего существования культурные влияния со стороны экономически более развитых земледельческо-скотоводческих нео-энеолитических культур: буго-днестровской (БДК), сурско-днепровской (СДК), надпорожской, среднестоговской, трипольской, а также охотничье-рыболовческой культуры

ямочно-гребенчатой керамики. В связи с отсутствием абсолютных дат хронологическое место киево-черкасского неолита мы определяем путем синхронизации с соседними культурами, имеющими радиоуглеродные даты, выделяя хронологически своеобразные черты культурного взаимодействия. Типологические и хронологические особенности инвентаря, особенно пяти выделенных типолого-статистическим методом групп керамики, планиграфические и стратиграфические наблюдения позволяют говорить о трех периодах существования киево-черкасской культуры – раннего, развитого и позднего, каждый из которых подразделяется на подпериоды – а и б. Распадаются памятники этой культуры и на два локальных варианта – киевский и черкасский, которые также имеют некоторую хронологическую специфику. В частности, в Черкасском Поднепровье отсутствуют материалы 1а (самого раннего) и 3б (самого позднего) подпериодов. В последнее время появились большие серии дат, полученных радиоуглеродным методом, позволяющие значительно удревять неолит и энеолит Украины в целом. Это более 180 дат для могильников мариупольского типа (Никольского, Ясиноватского, Деревинского, Осиповского, Васильевского 5, 2, Марьевки), поселений БДК, СДК, приазовской, ракушечноярской, трипольской и среднестоговской культур (публикации М.М.Ковалюха, М.Ю.Видейко, Н.Б.Бурдо, Д.Я.Телегина, И.Д.Потехиной за 1998, 1999 годы). Именно синхронизация с этими памятниками позволяет относить позднейшие мезолитические материалы к началу VI тыс. до н.э., а переход от рудоостровского мезолита днепро-припятской культуры к раннему неолиту Киевщины (Лазаревка, Бородянка) датировать серединой VI тыс. до н.э. Об этом же времени свидетельствует и наличие в раннеолитических комплексах 1а подпериода с аналогией соколецкой посуде БДК, датируемой также серединой VI тыс. до н.э.

В свою очередь в керамических материалах Киевского Поднепровья 1б подпериода (Вишенки, Грини, Вита Литовская, ранние группы) отмечены характерные элементы орнамента посуды печерской фазы БДК, относимые к рубежу третьей – четвертой четвертей VI тыс. до н.э. То есть 1а подпериод неолита Киевщины возможно датировать третьей четвертью, а 1б подпериод Киевщины и Черкащины (по типологическим сопоставлениям) – четвертой четвертью VI тыс. до н.э.

Развитой период неолита Киевщины и Черкащины в целом, видимо, укладывается в V тыс. до н.э. Подпериод 2а синхронизируется с самчинским и савранским этапами БДК, в материалах которых отмечено влияние традиций днепродонецкого ареала. Верхняя граница существования 2б подпериода определяется появлением в Черкасском Поднепровье населения среднестоговской культуры, материалы которой отделяются от неолитических стратиграфически и планиграфически. В некоторых случаях определяется особая группа керамики с переходными чертами от неолитической к энеолитической посуде (Успенка, Деревинка-могильник, Староселье-Дижова, Молюхов Бугор). Возможно, это свидетельство ассимиляции местного населения пришлым.

Переход от подпериода неолита 2а к 2б фиксируется (по материалам развитого Триполья) этапами В-1 – В-2 соответственно на неолитических памятниках Грини, Бузьки, Пищики, Каменные Потоки, Успенка, Староселье, а по наличию обратных импортов керамики подпериода 2а типа Гриней – на трипольских поселениях этапа В1 (Красноставка, Гребени).

Видимо, с концом развитого периода неолита можно связывать появление в Черкасском Поднепровье племен второго этапа культуры ямочно-гребенчатой керамики типа верхнего неолитического слоя Лукомья и своеобразной группы керамики из Бузьков.

До последнего времени считалось, что на Черкашине памятники позднего неолита не фиксируются. Однако недавно исследована группа поселений типа Чапавка-Дубинка, материалы которых типологически следует относить к подпериоду неолита 3а.

На Киевщине в позднем периоде складывается особый тип трипольской культуры, в котором при общем преобладании трипольских черт отмечается наличие некоторых местных неолитических традиций (особые группы керамики Никольской Слободки 3, Вишенек; погребальный обряд – труположение), то есть, происходят ассимиляционные процессы, вероятно, на рубеже первой – второй четверти IV тыс. до н.э. (подпериоды 3а – 3б). Видимо, какое-то время местное неолитическое и пришлое трипольское население сосуществовали, а к концу 3а подпериода первые вытесняются на более северные территории – неолитические слои перекрываются материалами лукашевского типа Триполья.

Верхняя дата существования поздненеолитических поселений определяется на Северной Киевщине серединой – второй половиной IV тыс. до н.э. (импорты, посуды софиевского типа, синкретическая керамика с чертами позднетрипольской керамики и керамики воронковидных сосудов, в частности, на поселении Пучтынка).

Таким образом, памятники киево-черкасской культуры днепро-донецкой этнокультурной общности следует, на наш взгляд, датировать серединой VI – второй половиной IV тыс. до н.э.

M. Torvinen (Helsinki, Finland)

SARASNIEMI 1 POTTERY TRADITION AND ITS CHRONOLOGICAL STATUS IN THE EARLY NEOLITHIC MILIEU IN THE LIGHT OF STRATIGRAPHY, THE FINNISH SHORELINE DISPLACEMENT CHRONOLOGY AND RADIOCARBON DATES

This report discusses Early Neolithic 1 ceramics (Sarasniemi 1) found in Northern and Northeastern Fennoscandia and regarded as a northern variant of the Early Comb Ware (Sperrings 1, known as Sperrings in Russian archaeological terminology) occurring in the South. Until recently, the precise chronological status of 1 has remained obscure. Recent studies show that the Sarasniemi 1 and Sperrings 1 ceramic groups had common roots, deriving from a ceramic tradition of the Upper Volga region. The differentiation of the groups in terms of style was a chronologically and geographically parallel process fuelled by ethnic factors. Although the people who developed and bore the traditions of these groups were close, they descended from distinct Late Mesolithic populations. The process whereby Sarasniemi 1 Ware formed has been described as the kernel of a series of developments that resulted in the emergence of the Sarasniemi. Shoreline displacement and radiocarbon dates date the Sarasniemi 1 Ware of Finland to ca. 6100-5500 BP.

K. Helskog, B. Hood, V. Shumkin (Norway, Russia)

LATE STONE AGE-NEOLITHIC CHRONOLOGY IN NORTH NORWAY AND THE KOLA PENINSULA

Comparisons of Late Stone Age/Neolithic developments in north Norway and on the Kola Peninsula indicate broad parallels in chronological trends, although there are important regional variations. Coastal chronologies can be coordinated using a combina-

tion of radiocarbon dating and sea-level change, but an important difference is that the Kola chronology is based much more on ceramic sequences than is the case in Norway.

We discuss some of the general similarities in chrono-typological developments to establish common reference points for a comparative perspective. But to do so it is also necessary to clarify and evaluate critically the basis for our comparisons: the existing chronological systems.

The present north Norwegian Late Stone Age chronology has roots in Simonsen's (1961) four-period relative chronology for Varangerford, which was later subdivided by phases (Simonsen 1975). This was modified substantially by Helskog (1980) on the basis of more extensive radiocarbon dating. Four periods were retained, but different typological markers were used. The beginning of the Late Stone Age was set at ca. 4500 calBC while the fourth period extended to ca. 100 BC. Phases were rejected in favour of direct site comparisons. This scheme served as a standard until the early 1990s. It was then modified by Olsen (1994), who retained the first three periods but redefined the fourth as the Early Metal Period, in line with northern Finland and Russia. Subsequently, Hesjedal et al. (1996) suggested modifications to the temporal boundaries of the periods, including shifting the beginning of the Late Stone Age to ca. 5000 BC.

Throughout this process the use of a Montelian Period system was taken as given, although the typological definitions and temporal boundaries were shifted. However, the logic and utility of such a system should be questioned, because its coarse grain is not appropriate to current theoretical frameworks and problem definitions. Periodization tends to frame questions in terms of sequences of simple temporal categories, because data are squeezed into boxes that disguise variation. The existing North Norwegian system is increasingly showing its inability to accommodate variation. Perhaps it is time to shift to a finer-grained Phase system based on more detailed analyses of site contexts. We consider some of the consequences of such revisions for comparing and coordinating the chronologies of our neighbouring regions.

Ю. Б. Цетлин (Москва, Россия)

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (по керамическим материалам)

В последние десятилетия методы естественнонаучного датирования получают среди археологов все более и более широкое признание и распространение. При этом в практической работе незаслуженному забвению подвергаются собственно археологические методы решения этой задачи. В результате археологи обычно оказываются практически в полной зависимости от данных, получаемых специалистами естественных наук. И кроме тех случаев, когда эти данные входят в вопиющее противоречие со здравым смыслом, археологи вынуждены сегодня с ними соглашаться.

Не оспаривая необходимость дальнейшего развития в археологии естественнонаучных методов датировки, следует отметить два момента.

Во-первых, в применении естественнонаучных методов датирования имеются свои методические сложности, спорные и недостаточно разработанные вопросы, с которыми археологи мало знакомы и влияние которых на получаемые результаты они не могут объективно оценить в силу отсутствия специальной подготовки. Достаточно напомнить, например, дискуссии сопоставимости калиброванных и некалиброванных дат.

Во-вторых, несмотря на значительное увеличение общего числа дат, полученных средствами естественных наук, несмотря на их в ряде случаев серийный характер, степень охвата этими датировками многих районов Восточной Европы, не говоря уже о других территориях, еще крайне мала. Поэтому в большинстве случаев они могут пока использоваться только для изучения самых общих хронологических особенностей древних памятников и культур.

В то же время возможности разработки собственно археологических подходов к изучению относительной хронологии древних культурных явлений не могут еще считаться исчерпанными.

Построение относительной хронологии древних культурных явлений включает решение двух основных задач: 1) определение последовательности бытования этих явлений и 2) выяснение их относительной длительности во времени.

Обе эти задачи могут решаться как на качественном, так и на количественном уровнях анализа. Различия при этом заключаются в особенностях формулировки конкретных исследовательских задач и способах их практической реализации.

Общие научные подходы, методы и результаты построения хронологии и периодизации неолитических культур Верхнего Поволжья изложены в специальной литературе (Цетлин Ю.Б. 1987, 1989, 1991, 1996). При этом выяснялась последовательность смены этих культур во времени и факты их сосуществования друг с другом на отдельных этапах развития. Решение этих вопросов было осуществлено тогда на сугубо качественном уровне.

Параллельно этой работе мною постоянно предпринимались попытки выработки количественного подхода к анализу этих фактических данных. В ходе этих попыток обнаружилось, что количественный анализ исходной информации позволяет конкретизировать полученные ранее результаты путем выяснения а) степени близости или удаленности во времени разных культур друг от друга,

б) относительной длительности бытования каждой из них, в) степени их взаимного сосуществования.

Доклад посвящен изложению результатов разработки и применения количественного подхода к построению относительной хронологии археологических культур Верхнего Поволжья на основе данных о реконструированной культурной стратиграфии многослойных памятников.

Сравнительный анализ полученных в ходе этой работы результатов с данными радиоуглеродного датирования показал сходство тех и других примерно на 90%.

А.В. Цыбрий (Ростов-на-Дону, Россия)

НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ЮГЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1998-2000 гг. Цыбрием Л.В. и Цыбрием В.В. проводились исследования в бассейне р. Рассыпной в Песчанокопском районе Ростовской области. В результате работ было выявлено 10 памятников каменного века, два из них, стоянки Рассыпная 1 и Жуковская 2, были исследованы стационарно. Расположено большинство выявленных памятников в сходных геоморфологических условиях - на высоких (10 - 14 м от уреза воды) площадках первой террасы берегов реки. В составе коллекций доминируют кремневые изделия, керамика представлена редкими и невыразительными фрагментами стенок сосудов. Обращает на себя внимание сходство инвентаря практически всех выявленных памятников. Это выражается в микролитичности изделий, близкой структуре кремневых комплексов, идентичности изделий с вторичной обработкой. Так, трапеции и сегменты выявлены на семи памятниках, причем типы геометрических микролитов на многих памятни-

ках совпадают - трапеции со струганной спинкой есть в коллекциях Жуковской 1, 2, трапеции с двусторонней обработкой выявлены на Жуковской -2, 3, а сегменты с двусторонней обработкой дуги отмечены в коллекциях Жуковской 2, 3, 5. Для большинства стоянок отмечено преобладание скребков на отщепках, среди которых, в свою очередь, доминируют небольшие подокруглые скребки. Эти наблюдения позволяют предположить культурную и хронологическую близость выявленных памятников каменного века и датировать большинство комплексов неолитическим временем. О неолитическом возрасте открытых памятников, прежде всего, свидетельствует наличие в некоторых коллекциях керамики (на стоянке Жуковская 2 достоверно установлена связь лепной керамики и кремневых изделий), трапеций со струганной спинкой. Обращает на себя внимание и небольшое количество микропластин среди пластинчатых сколов, ширина большинства пластин варьирует в пределах 0,8 - 1,5 см. Труднее определить хронологическую позицию памятников в пределах неолитического периода. Тем не менее, факт слабого развития керамического производства, отсутствие, кроме трапеций и сегментов, иных типов изделий с двусторонней обработкой, на фоне общей микролитичности кремневого инвентаря, позволяет предположить ранне-неолитическую датировку этих материалов.

Вопрос абсолютного возраста может быть решен лишь предварительно с опорой на некоторые материалы сопредельных регионов. Так, время появления трапеций со струганной спинкой на Северском Донце А.Ф. Горелик В.Ю. Выборный определили рубежом 6-5 тыс. до н.э. - 5 тыс. до н.э. Описанные памятники могут быть отнесены к этому же диапазону, но если подтвердится предположение А.Ф. Горелика о распространение приема обработки трапеций плоской ретушью из более южных районов, в частности с Кавказа, не исключена и несколько более ранняя датировка наших материалов. Большой интерес вызывает наличие в инвентаре памятников геометрических микролитов с двусторонней обработкой - трапеций и сегментов. Эти типы изделий распространяются в мезолите и неолите на довольно обширной территории (Северный Прикаспий, Кавказ, Северо-восточное Приазовье, в меньшей степени Крым), что связывается в литературе с влиянием натуфийской культуры Передней Азии. Таким образом, анализ кремневых изделий позволяет сделать вывод о том, что стоянки и местонахождения на р. Рассыпной относятся к довольно обширному кругу памятников, в инвентаре которых прослеживается воздействие южных традиций. Выявленные неолитические памятники демонстрируют определенную преемственность (двусторонняя обработка трапеций, сегментов, микролитичность) с мезолитическими памятниками выделяемой исследователями южной микролитической области, для которой характерно заметное кавказско-переднеазиатское влияние. Очевидно также, что неолит Нижнего Дона представлен разнородными в культурном и (или) хронологическом отношении памятниками, причем, намечается как будто и определенная территориальная группировка материалов. Так, известные памятники с микролитическим инвентарем, в том числе и стоянки бассейна р. Рассыпной, тяготеют преимущественно к востоку и юго-востоку (исключение - Платовский Став), а памятники с более крупными формами и с развитой сланцевой индустрией (Матвеево-курганские стоянки, Ракушечный Яр, Раздорская - I-II, Усть-Быстрая, Нижнесеребряковская) группируются западнее.

Предлагаемые выводы являются предварительными, что объясняется как качеством вновь выявленных материалов (большинство памятников представлены сборами с поверхности), так и недостаточной изученностью неолита рассматриваемого региона.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЗОВЬЕВ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА
(проблемы культурно-хронологического определения)

Исследования неолитических памятников в бассейне С. Донца связаны, в основном, со средним и верхним украинским Подонцовьем. Низовья С. Донца изучены слабо, а известные местонахождения освещены в литературе крайне скупо.

Малоизвестны материалы стоянки Усть-Быстрая, исследованной В.Я. Кияшко в 1972 г. К сожалению, слой переотложен, но кремневому комплексу присущи технико-морфологическое единство и внутренняя непротиворечивость, указывающие на культурно-хронологическую близость материалов. Всего выявлено (в т.ч. сборами) более 4,5 тыс. находок, имеющих неолитический облик. Технику расщепления характеризуют клиновидные, конические, призматические и карандашевидные нуклеусы. Среди пластин преобладают среднеширокие медиальные фрагменты, с признаками стандартизации. В составе орудий показательны серии скребков на пластинах и отщепах, концевых и округлых типов, резцы, в т.ч. массивные боковые (т.н. «резцы-струги»), трапеции со струганной спинкой, двусторонне обработанные рубящие орудия. Пластин с ретушью и усеченных пластин немного. В коллекции присутствуют обломки сланцевых шлифованных орудий, два грузила со сверлением и пикета/кем. Интересны находки изделий из обсидиана. Керамики мало, и лишь для нескольких обломков можно предполагать неолитический возраст.

Четко стратифицированными, но пока ограниченно информативными являются 4 неолитических слоя стоянки Нижнесеребряковская 1 (раскопки автора 1997-2000 гг.). Верхний слой связывается с поздненеолитической нижнедонской культурой. Из следующего, третьего слоя происходят несколько выразительных орудий и один фрагмент керамики. Встречены трапеции со струганной спинкой, очень похожие на трапеции Усть-Быстрой. Другие орудия - пластинки с ретушью и усеченным концом, остря, а также техника расщепления, также находят свои аналогии. В четвертом слое зафиксирован единичный фрагмент керамики, встречены трапеция, скребки на пластинках и отщепах, массивные боковые резцы и шлифованное орудие из сланца. Предварительные данные не исключают культурно-хронологической близости материалов 3-го и 4-го слоев стоянки Нижнесеребряковская 1 и стоянки Усть-Быстрая.

Уверенные аналогии некоторым категориям инвентаря нижнедонецких памятников прослеживаются в материалах донецкой ранненеолитической культуры. Сходными являются техника расщепления, типы заготовок, сочетание микролитического и макролитического инвентаря, типы резцов, рубящих орудий, трапеций. В то же время, в рассмотренных комплексах отсутствуют такие яркие донецкие компоненты как яниславицкие остря и пластинки с притупленным краем, а также крайне мало пластин с ретушью, составляющих до 40% орудий в памятниках украинского Подонцовья.

Отдельные черты сходства просматриваются и с материалами своеобразного бескерамического комплекса стоянки Раздорская 2 на Нижнем Дону. Другие аналогии мало продуктивны.

Сложность культурно-хронологической интерпретации нижнедонецких памятников определяется как ограниченной информативностью самих комплексов, так и общей недостаточной разработанностью неолитической проблематики для рассматриваемой территории. Имеющиеся данные позволяют предварительно да-

тировать материалы Усть-Быстрой, 3-го и 4-го слоев Нижнесеребряковского 1 первой половиной неолита. На это указывает малочисленность керамики и ее особенности, сочетание черт архаичных (микролитовидность) и неолитических (тенденция к укрупнению заготовок, развитые формы рубящих орудий, трапеции со струганной спинкой, шлифованные и сверленные изделия из мягких пород камня). Высокая развитость некоторых орудийных форм (трапеции, рубящие орудия), возможно, указывает на финальные этапы раннего неолита. Вопросы абсолютного датирования являются наименее разработанными. Пока мы можем опираться только на данные украинских коллег, которые на основе косвенных данных, предлагают абсолютную датировку раннего неолита Подонцовья - рубеж 5-6 тыс. до н.э. Вероятно, эту дату можно принять как нижний хронологический рубеж для памятников, в инвентаре которых присутствуют трапеции со струганной спинкой.

Имеющихся данных недостаточно для определения культурной принадлежности. Пока для рассмотренных материалов очевидны черты существенного сходства, но не полного тождества с кругом памятников донецкой культуры, а также ряд аналогий в инвентаре стоянки Раздорская 2. Важно, что в материальной культуре нижнедонских памятников прослеживаются те многоплановость и своеобразие, которые позволяют предполагать выявление в дальнейшем новых археологических культур.

М. М. Чернявский (Минск, Белоруссия)

ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТА БЕЛАРУСИ

Наличие радиоуглеродных дат позволяет более конкретно говорить о хронологии белорусского неолита

Пока что наиболее ранние датированные материалы обнаружены на стоянке нарвской культуры Асавец-4 на северной окраине Кривинского торфяника (пограничье Бешенковичского и Сенненского р-нов Витебской обл.), известного своими поселениями неолита и бронзового века (Кривина-1, 2, 3, Асавец-2, 3, 4). Здесь архаичная керамика сопровождалась кремневыми изделиями, часть которых сохраняет мезолитическую кундскую традицию. Кость из основания культурного слоя показала 5860 ± 50 BP (3910 calBC) Ki - 6213. Это пока древнейшая для белорусского неолита дата, однако, она моложе дат из некоторых торфяниковых стоянок южной Псковщины.

В бассейне Березины Днепровской расположено самое южное поселение, еще сохранившее черты ранней нарвской культуры – торфяниковая стоянка Заценья Логойского р-на Минской обл. Керамика в основании культурного слоя залегала с костяным инвентарем, имевшим кундские черты. В кремневых изделиях также сохраняются мезолитические традиции. Кость и дерево из основания слоя показали даты соответственно 5625 ± 40 BP (3675 calBC) Ki - 6214 и 5450 ± 75 BP (3500 calBC) Le - 960. Палинологический анализ выявил, что слой формировался в атлантический период.

Ранненеолитическая керамика дубичайского типа западной Беларуси, характерная для припятско-неманской культуры (дубичайский этап неманской культуры), близка по технологии и орнаментации материалам из Заценья. Из этого можно сделать заключение, что она одновременна последним, а в западном Полесье, где неолитизация началась ранее, может быть и древнее.

Таким образом, неолитическая эпоха на территории Беларуси началась не позднее начала 4-го тысячелетия до н.э., а на юге – в конце предыдущего тысячелетия. Дальнейшие изыскания могут удревнить нижний рубеж неолита.

Неманская культура (с керамикой лысогорского типа) начала формироваться с проникновением на запад Беларуси влияний культур воронковидных кубков и польского «лесного неолита». Однако более точно датировать это явление пока невозможно.

На западе и юге Беларуси в поздненеолитическое время появились носители культуры шаровидных амфор. Отдельные ее местонахождения встречены на востоке и севере страны. Кость из захоронения шаровидников у пос. Красносельский Волковысского р-на Гродненской обл. показала время 4080 ± 140 BP (2130 calBC) Gd – 9249. На Поднепровьи и Понеманьи имеются одновременные, а также более ранние и поздние датировки объектов культуры шнуровой керамики. Из этого следует предположение, что шаровидники на нашей территории могли появиться одновременно со шнуровиками.

В позднем неолите на севере Беларуси существовала позднеарвская культура (с керамикой типа нижнего слоя Кривины), сложившаяся под влиянием пришлой культуры типичной гребенчато-ямочной керамики. Надматериковый слой Кривины-1 с характерной позднеарвской керамикой выявил дату 4270 ± 40 BP (2320 calBC) Gr – 5125. Соответственно материалы культуры пришельцев должны иметь более древние даты.

Завершающий этап неолита северной Беларуси определяется началом формирования северобелорусской культуры. Наиболее ранние ее материалы пока что имеют даты: в Кривине-1 – 3800 ± 60 BP (1850 calBC) Le – 936, в Асавце-2 – $3500 \pm$ BP (1550 calBC) Le – 753. Судя по палинологическим наблюдениям, слой в Кривине-1 с находками северобелорусской культуры образовывался в суббореальное время, что совпадает с полученными датами.

Особый интерес представляют даты из поздненеолитического поселения днепро-донецкой культуры Прорва-2 у гор. Рогачев Гомельской обл.: 1995 – 1920 гг. до н.э. Они подтверждают высказываемые ранее предположения о длительном сохранении поздненеолитической традиции культур гребенчато-накольчатой керамики и о сосуществовании ее носителей со шнуровиками.

Janusz Czebreszuk, Marzena Szmyt (Poznań, Bamberg, Poland, Germany)

THE CHRONOLOGY OF CENTRAL-EUROPEAN INFLUENCES IN THE WESTERN PART OF THE FOREST ZONE OF THE EASTERN EUROPE IN THE LATE NEOLITHIC

The purpose of our paper is a presentation of the new set of informations concerning central-european influences in the western part of the forest zone of the eastern Europe in the Late Neolithic (ca. 3000-2500 cal BC), namely those connected with Globular Amphora culture and Corded Ware culture. To achieve this purpose, the study includes first of all the new series of radiocarbon datings: ca. 20 for the Globular Amphora culture and ca. 50 for the Corded Ware circle (included the Single Grave culture, the Middle Dnieper culture and the Fatyanovo culture). Generally speaking both „waves of influences” coming from the west were in principle contemporaneous. However from the perspective of long-lasting cultural transformations, it was influences of the Corded Ware circle that turned out to have far more profound effects. Historical consequences of Globular Amphora populations shifts were much more limited.

ПРОБЛЕМЫ РАННЕГО НЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ И ЗАПАДНОЙ КАРЕЛИИ

Памятники эпохи неолита на территории Северной и Западной Карелии изучены в данное время еще очень недостаточно. Объясняется это, в большей степени, небольшим числом проведенных раскопок. Поэтому данный обзор, ограниченный рамками малочисленного материала, является предварительным.

Большое количество известных памятников каменного века не имеют среди материала находок керамики, являясь, так сказать, «бескерамическими». Для рассматриваемых территорий это не будет аксиоматичным критерием отнесения их к эпохе мезолита. Поэтому расчленение «бескерамических» комплексов, хотя бы на условном уровне - мезолит или неолит и далее - ранний или поздний неолит, становится одной из основных задач исследования. Опираясь в этой работе приходится на типологический, технологический и сырьевой анализ каменного инвентаря.

Маркером начала эпохи неолита на территории Кольского п-ова, кроме находок керамики, считается появление индустрии сланца. Для Северной и Западной Карелии на памятниках мезолита сланцевые и кремневые орудия в основном представлены единичными, готовыми формами поступившими, по всей видимости, из бассейна Онежского озера. Данная тенденция сохраняется и в раннем неолите. Однако поток орудий из кремня и лиддита при этом становится большим. Доля их в каменном инвентаре постепенно увеличивается практически с нуля в мезолите (0,1 - 1%) и до 5 - 6 % в раннем неолите. По-прежнему наблюдается тенденция преобладания количества изделий из кремня и лиддита над отходами производства. С большим разнообразием сырьевой базы в неолите появляются и новые наименования орудий в наборе каменного инвентаря (крупные и мелкие орудия "деревобработки" из сланца, пилы, шлифовальные плиты), отсутствующее на памятниках мезолита в Северной Карелии, а в Западной - являющиеся больше исключением, но имеющиеся на мезолитических поселениях Обонежья.

Отмеченное увеличение поступлений «импортного» сырья отразилось и на «местной» индустрии кварца. Определенная стабильность, консервативность обработки кварца в эпоху мезолита нарушается гибким внедрением в нее специфичных приемов обработки кремня в эпоху неолита.

1. В целом «бессистемный» характер первичного расщепления с направленностью на получение массы отщепов и осколков как основы заготовки присущий для эпохи мезолита «разбавляется» в неолите большей долей преднамеренно сколотых пластинчатых форм.

2. Увеличивается применение ретуширования, как приема вторичной обработки. Оно становится регулярной, качественной, формирует рабочий край и создает форму орудия в целом. Если в мезолите ретушь применялась только для подправки скребков, то в неолите - это и наконечники стрел, ножи, скобели, сверла.

3. Происходит изменение морфологических черт кварцевых орудий в сторону большего сходства с кремневыми «стандартами».

Имея все же значительное своеобразие в раннем неолите, индустрия камня в рассматриваемом регионе с течением времени постепенно нивелируется относительно одновременных памятников на Кольском п-ове, в Южной и Средней Карелии и в Северной Финляндии. В среднем неолите многочисленнее и в то же время стандартнее становится категорийный и типологический набор орудий (в основном за счет кремневых изделий), совершенствуется техника их обработки, в несколько раз увеличивается использование сланца и кремня. От чего зависит - есть

ли керамика среди вещественного материала или нет? Если ее наличие достаточно понятно, то отсутствие, наверно, можно объяснить рядом причин.

1. Связью между плохим качеством обработки глиняного теста, «суровыми климатическими условиями» и тонким культурным слоем, что было бы вполне реально, если б не находки больших фрагментов ранней керамики.

2. Характером функционального назначения памятника. Глиняная посуда-предмет для хранения пищевых запасов, поэтому логично отсутствие ее на кратковременных и зимних стоянках, а нахождение на базовых лагерях.

3. Территориальное нахождение. Отмечается тяготение «бескерамических» памятников эпохи неолита к району верховьев гидросистемы Белого моря. Подобная ситуация наблюдается и на территории Финляндии, уже применительно к водной сети Восточной Ботнии. Самой ранней керамикой в данном регионе считается сярйсниEMI I (сяр I). Технологические характеристики и декорирование керамики достаточно стандартны и полностью соответствуют «типичным» образцам сяр I с памятников в Северной Финляндии: прямые, плоскосрезанные или округлые венчики, округлое, орнаментированное дно, сильная примесь песка в тесте. Основные элементы орнамента - крупные и мелкие гребенчатые оттиски, небольшие ямки, оттиски веревочки и прочерченные линии. Характерные узоры - горизонтальные пояса наклонного гребенчатого штампа и ямок или зигзагообразных оттисков «гребенки» с ямками в углах.

Керамика сяр I долго считалась «подтипом керамики сперрингс, ее северным локальным вариантом». В этом наблюдается устойчивый стереотип, когда при сравнении двух объектов исследования подчиненным считается тот, который находится севернее или менее изучен. Все же нужно еще раз подчеркнуть наблюдающуюся значительную разницу в каменном инвентаре мезолитических памятников Западной и Северной Карелии и мезолитической культуры Обонежья, противоречащей утверждению о жесткой сопряженности керамик сяр I и сперрингс, каждая из которых возникла на своей мезолитической основе. Ареал памятников с керамикой сяр I (Северная Финляндия, Северная, Западная и Центральная Карелия) в общем, совпадает с территорией, очерченной для мезолитической общности, предварительно определенной как северный локальный вариант или северная «культурная провинция» соседствующих более южных мезолитических культур (суомусьярви и бассейна Онежского озера). Однако, как мы видим, уже в раннем неолите памятники археологии на этой территории являются единым массивом с более конкретными чертами археологической культуры.

В. Я. Шумкин (Санкт-Петербург, Россия)

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ КАМЕННОГО ВЕКА КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Вопросы хронологии и периодизации археологических памятников Кольского полуострова (Восточной Лапландии), как впрочем, и всех древностей Фенноскандии, всегда являлись самыми сложными в обширном комплексе исследовательских проблем. Неравномерная изученность регионов, многослойность и смешанность культурных остатков, недостаточная внедренность естественнонаучных методов являются сдерживающими факторами установления реальной датировки и отнесения к определенному периоду многих археологических объектов. Эти вопросы всегда были актуальны в работах Н.Н.Гуриной, много лет посвятившей изучению истории Кольского полуострова, что привело к созданию обширной базы данных для последующих научных разработок. Без изучения наследия предшественников невозможно развитие науки в целом, что, однако, не снимает во-

проса критики источников, уточнения и дополнения существующих схем на основе получения новой информации и использования других методов и методик.

В настоящее время на Кольском полуострове известно более 500 археологических объектов. Преобладающее их большинство относится к каменному веку и эпохе раннего металла. Вопросы периодизации памятников этого времени разработаны, в широком плане, довольно основательно. Базой для построения существующей схемы послужили данные типологического анализа, изучение геологии (в первую очередь расположение древних памятников на морских террасах), состав и использование сырьевой базы, технические характеристики, общие тенденции развития индустрии и систем жизнеобеспечения, анализ керамических комплексов (для после мезолитических памятников), культовых объектов, аналогий и сравнений с древностями соседних территорий.

Древнейшие памятники на Кольском полуострове представляют мезолитическую эпоху и могут быть разделены на три этапа: ранний, средний и поздний. Каждый из них характеризуется определенным набором стабильных признаков и показывает постепенное плавное развитие вероятно однородного, частично изолированного поселения.

Наступление неолитической эпохи фиксируется появлением целого ряда инноваций, среди которых основными являются: освоение керамического производства, расширение сырьевой базы (использование сланцевых пород), серьезные изменения техники обработки и состава орудийных комплексов. Этот период, в целом, можно разделить на два этапа: ранний и поздний, каждый из которых сохраняет устойчивый набор собственных признаков.

Эпоха раннего металла характеризуется появлением нового типа керамики (асбестовой), использованием металлических орудий и дальнейшим совершенствованием каменной и костяной индустрии, приведших в комплексе к эпохальным изменениям в системе расселения и стабилизации древних обществ. На данном этапе определенно выделяется начальный ранний этап этой эпохи, свидетельствующий о достаточно быстрых изменениях, происходящих в пост неолитическое время. Понятие «эпоха раннего металла», введенное в оборот Н.Н.Гуриной, уже не полностью отражает сложные процессы, происходившие в данный период, и требует, вероятно, подразделений на более дробные этапы. В Карелии такая работа уже успешно проводится с выделением периодов энеолита и бронзы. Вероятно, подобные основания существуют и для памятников Кольского полуострова. Однако, поскольку на большинстве северных территорий соседней Норвегии этот термин используется до сих пор, а для изменения периодизационной схемы требуется более весомая аргументация на основе специальных детальных разработок, нуждающихся в расширении источниковедческой базы, понятие «эпоха раннего металла» пока можно сохранить, осознавая, что данная дефиниция в дальнейшем подлежит конкретизации и уточнению.

Хронологические построения, особенно для самых древних периодов, не столь основательны и требуют подкрепления новыми исследованиями и данными. Мезолитическая эпоха, на основании всего комплекса имеющихся материалов, датируется пребореальным, бореальным и началом атлантического периода. Используя в первую очередь геоморфологические данные, сравнение с одновременными и однокультурными памятниками Северной Норвегии, хорошо датированными по ¹⁴С, мезолит Кольского полуострова можно отнести к 8-5 тыс. до н.э. Неолитические и последующие памятники обладают более серьезной базой для хронологических построений. Основанием для этого, помимо использования всего комплекса данных, использованных для древнейшей стадии, является серия (около 60) ра-

диоуглеродных датировок. Исходя из этого, ранний неолит помещается в рамки начала 4 -первая четверть 3 тыс., поздний - вторая четверть 3-начало 2 тыс. до н.э., эпоха раннего металла датируется в целом с начала 2 до середины 1 тыс. до н.э. Без сомнения, эти датировки будут уточняться по мере появления новых данных, а также удревяться при применении калибровки радиоуглеродных определений по соответствующим методикам, но этот хронологический сдвиг вряд ли серьезно затронет периодизационные построения.

А.В.Энговатова (Москва, Россия)

ХРОНОЛОГИЯ ЭПОХИ НЕОЛИТА ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Начало неолита в лесной зоне, как это уже не раз отмечалось в исследованиях, за исключением появления керамических сосудов, практически никак не маркируется изменениями в материальной и духовной культуре населения. Самые ранние памятники с керамикой очень мало отличаются от позднемезолитических по своей материальной культуре.

Датировки памятников позднего мезолита часто перекрывают наиболее ранние неолитические даты. Видимо, дело не только в определенной неточности радиоуглеродных датировок. Возможно, процесс «неолитизации» – т.е. распространения и усвоения навыков изготовления керамических сосудов, шел на протяжении определенного временного отрезка. При этом «неолитические» стоянки могли сосуществовать с «мезолитическими».

На основании комплексного анализа неолитических материалов стоянок Волго–Окского междуречья: (Воймежное 1, Озерки 5,17 и Окоемово 5,18, Ивановское 3,4,7, Варос, Маслово болото 2, Языково 1, Маслово болото 2,5,8, Луково озеро 3, Святое озеро, Мышецкая, Никольская правая, Полецкая, Сахтыш 1,2) были выработаны критерии для членения неолитических культур (верхневолжской и льяловской) и определены хронологические отрезки существования того или иного этапа.

Начало неолита наступает на рубеже VI – V тысячелетия до н.э. (7000 – 6800 от н.д.). Средний этап верхневолжской культуры датируется от середины V тыс. до н.э. Окончание верхневолжской культуры приходится на рубеже V – VI тысячелетия до н.э. (6000 – 5900 от н.д.). Важный вопрос о сосуществовании поздней верхневолжской и архаичной льяловской культуры на наших материалах однозначно ответа не получает.

Льяловская культура датируется периодом от рубежа V – IV тыс. до н.э. до начала III тыс. до н.э.; архаический этап льяловской культуры - от рубежа V – IV тыс. до н.э. до первой четверти IV тыс. до н.э.; средний этап - от середины IV тыс. до н.э. до последней четверти IV тыс. до н.э.; поздний редкочечный этап льяловской культуры датируется от последней четверти IV тыс. до н.э. до начала III тыс. до н.э.

**ETHNOGENETIC MODELS, CIRCULAR THINKING AND THE NEOLITHIC:
A CASE STUDY FROM LITHUANIA**

This paper documents how current data support a scenario of minimal population movement and minimal ethnic differentiation in the Neolithic eastern Baltic. The chronometric, bioanthropological, and archaeological data presented here support a model of Neolithization first proposed in M. Zvelebil & P. Rowley-Conwy (1984) "The transition to farming in northern Europe: a hunter-gatherer perspective." *Norweg. Archaeol. Rev.* 17(2):104-128.

Many features of N.N. Gurina's research derived from an idea widely held at the time: that the roots of currently defined ethnic groups could be found among prehistoric skeletal samples. Accompanying this notion was a belief that certain cultural markers (among which, the existence of pottery, tools made after a certain fashion, the mode of human burial) were by their lack or presence sufficient to adequately place that site within a predefined cultural category. In such a circular fashion were skeletal remains often dated and ethnogenetic scenarios perpetuated. This paper argues against such a model.

Yet due to Gurina's basic research many others were enabled to pursue divergent ideas and to form alternative views. Much of the present paper builds upon ideas she was instrumental in planting in the senior author's head. The genesis of the present paper was first published as

K. Jacobs, et al. (1996) "Pitfalls in the Search for Ethnic Origins: a Cautionary Tale regarding the Construction of 'Anthropological Types' in Pre-Indo-European Northeast Europe" in: *The Indo-Europeanization of Northern Europe* (K. Jones-Bley & M.E. Huld, eds. pp.285-305, *Journal of Indo-European Studies Monograph No. 17*).

A joint project soon ensued, involving the two authors and Rimantas Jankauskas, of the Medical Faculty, University of Vilnius. It resulted in the AMS dating of a crucial series of Lithuanian skeletal samples (e.g., C. B. Ramsey, et al. (2000) "Radiocarbon Dates from the Oxford AMS System: Archaeometry Datelist 29" *Archaeometry* 42: 243-254). As presented in this paper, these new chronometric data, along with recent osteological and archaeological analyses, suggest that the presumed migrations of biologically different ethnic groups during the Neolithization of the eastern Baltic have been based more often on preconceived ethnogenetic typologies than on the actual biological or cultural facts. If traditional Lithuanian ethnohistories are now seen to be seriously flawed, can other regional ethnohistories withstand a similar test?

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	1
А.Алекшин. Происхождение и распространение скорченной позы умерших в погребениях каменного века	2
Л.С.Андрианова. Неолитические стоянки бассейна реки Кубени	4
I.Antanaitis, A.Girininkas. Neolithic Chronology and Periodization in Lithuania.	5
Т.Д.Белановская. Хронологическая характеристика многослойного поселения времени неолита и энеолита Ракушечный Яр (Нижнее Подонье)	7
Н.Б.Васильева, Н.В. Косорукова. Проблема взаимосвязи мезолитических и неолитических памятников Молого-Шекснинского междуречья	8
S.Welinder. The Archaeology of Old Age in a Neolithic population.	9
И.В. Верещагина. Периодизация и хронология неолита крайнего европейского Северо-Востока России	10
А.В.Вискалин. Опыт синхронизации неолитической керамики щербетьского типа Волго-Камья.	13
А.А. Волокитин, В.Н.Карманов. Проблемы хронологии неолита Европейского Северо-Востока	14
А.А. Выборнов. Хронологические аспекты изучения неолита Поволжья	15
Д.В.Герасимов. Периодизация и хронология неолитических памятников юга Карельского перешейка	17
К.Э.Герман. Проблемы хронологии раннего неолита Северо-Восточной Фенноскандии	18
С.В.Гусев. Радиоуглеродные даты и хронология памятников Восточной Чукотки. Методические вопросы	19
Т.М.Гусенцова. Периодизация неолитических памятников бассейна р.Вятки	21
Т.М.Гусенцова, Н.А.Андреева. Неолитические памятники северо-востока Ленинградской области и вопросы их периодизации	23
L. Domańska. Various models in formation of the early Funnel Beaker culture flint industry in European Lowland	25
И.Н. Езепенко. Хронология неолитических поселений Белорусского Поднепровья	25
I.Zagorska. New Mesolithic finds from Latvia.	26
Г.И. Зайцева, В.А.Дергачев. Изотопные исследования по хронологии неолита лесной зоны и изменению окружающей среды	27
А.М.Иванищев, М.В. Иванищева. Хронология памятников раннего неолита южного Прионежья	28
В.Ф.Исаенко. Истоки и судьба неолитических культур Полесья.	30
Е.В. Козин. Хронология памятников неолита Северного Прикаспия.	31
Е.Л.Костылева, Н.Е. Зарецкая. Новые данные по начальному этапу неолита Волго-Окского междуречья	33
А.Kriiska. The chronology of Estonian Stone Age	34
С.Кукавка. Элементы культур неолита лесной зоны в культуре воронковидных кубков на территории северо-восточной Польши. Культурно-хронологический аспект	36
М.А.Кулькова. Реконструкция палеоклимата и хронология неолитических памятников Молого-Двинского междуречья по данным геохимических исследований озерных отложений	37
M.Lavento. Transition from Neolithic to Bronze Age - dating the beginning of Bronze Age in Finland	39

Г.М.Левковская. Хронология и палеогеография озерных трансгрессий и регрессий эпох мезолита, неолита и ранней бронзы в Восточной Прибалтике (Лубанская и Цедмарская низины)	40
M.C.Lillie. Rethinking the Neolithic in the Dnieper Rapids region of Ukraine: implications for chronology, material culture and socio-economic developments	45
Н.В.Лобанова. Хронология и периодизация памятников культуры ямочно-гребенчатой керамики на территории Карелии	46
I.Loze. Zvidze Mesolithic and Neolithic settlement in the Lake Lubana Wetlands (Latvia)	46
В.М.Лозовский, О.В. Лозовская. Хронология перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье	48
А.Н.Мазуркевич. Памятники раннего и среднего неолита Ловатско-Двинского междуречья и их хронология	48
Е.А.Мамонов. Хронологический аспект изучения елшанской культуры	50
В.М.Массон. О построении археологической хронологии	52
Л.Г.Мацкевой. Проблемы хронологии неолита запада Украины	53
A.Michzynski. Limits of combining radiocarbon and archaeological information - an example of Maacallasta site	55
Н.Л.Моргунова К проблеме хронологии Волго-Уральской культуры	55
Н.Г.Недомолкина Неолитические комплексы поселений Векса, Векса III бассейна Верхней Сухоны и их хронология	56
В.В.Никитин. Носители ямочно-гребенчатой посуды Средней Волги в системе Волго-Окского неолита	58
Г. Охрименко. Хронология и периодизация волынской неолитической культуры.	59
С.В.Ошибкина. Каргопольская культура в системе неолита лесной зоны	60
A.Pazdur, M.Krapiec, A.Michczynski, W.Ossowski Probabilistic interpretation of C-14 calibrated ages and dendrochronological studies of the logboats from Poland	62
Ю.В.Панченко. К вопросу о хронологии распространения неолитических челноков	63
Т.А.Попова. Хронологические рамки Поливанова Яра -многослойного памятника Поднестровья эпохи нео-энеолита	65
S. Rzepecki Zur Problematik der Taxonomie und Chronologie der Trichterbecherkultur auf dem Gebiet Kujaviens	67
Р.К.Римантене. Хронология неолита в Литве	67
В.В.Сидоров. Волосовская культура - происхождение, периодизация, судьба	69
Г.В.Синицына. О "кладах" в материалах валдайской культуры и их хронологии	69
А.Т.Синюк Проблемы хронологии неолита Среднего Дона	71
Н.Н.Скакун, Б.И.Матева. Значение кремневого инвентаря для решения культурно-хронологических проблем(по материалам неолита и энеолита северо-восточной Болгарии)	72
В.В.Ставицкий. Хронология Сурско-Мокшанского неолита	73
А.Д.Столяр. Проблема исторической структуры Онежской петролиграфической галереи в свете ее относительной хронологии	75
Д.Я.Телегин. Об основных линиях этнокультурного развития нео-энеолитического времени Юго-запада Восточной Европы и их хронология	79
В.И.Тимофеев. Радиоуглеродные даты и проблема неолитизации Восточной Европы	81
Е.Н.Титова. Хронология киево-черкасской неолитической культуры Среднего Поднепровья	82

M.Torvinen. Sarasnieni I pottery tradition and it's chronological status in the Early Neolithic milieu in the light of stratigraphy, the Finnish shoreline displacement chronology and radiocarbon dates	84
K.Helskog, B.Hood, V.Shumkin. Late Stone Age/Neolithic Chronology in North Norway and the Kola Peninsula	84
Ю.Б.Цетлин. Опыт разработки количественного подхода к изучению относительной хронологии неолитических культур Верхнего Поволжья (по керамическим материалам)	85
А.В.Цыбрий. Новые неолитические памятники на юге Ростовской области.	86
В.В.Цыбрий. Неолитические памятники низовьев Северского Донца (проблемы культурно-хронологического определения)	88
М.М.Чернявский. Хронология неолита Беларуси	89
Ja.Czebreszuk, M.Szmyt. The chronology of Central European influences in the western part of the Forest zone of the Eastern Europe in the Late Neolithic	90
М.М.Шахнович. Проблемы раннего неолита Северной и Западной Карелии	91
В.Я.Шумкин. Хронология и периодизация каменного века Кольского полуострова	92
А.В.Энговатова. Хронология эпохи неолита Волго-Окского Междуречья	94
K.Jacobs, I.Antanaitis. Ethnogenetic Models, Circular Thinking and the Neolithic. A Case Study from Lithuania	95